

18+ Валентин Колесников

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Сборник новелл

Валентин Колесников

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Сборник новелл

«Издательские решения»

Колесников В.

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ. Сборник новелл / В. Колесников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511856-1

«Истории эти списаны из жизни подражателей персонажу Дон Жуана (в „КАРНАВАЛ“ Дон Пино Неро). В некоторой степени несут правдивую информацию. Что же касается имен людей и их действий, присутствие совпадений, случайно». Примечание автора.

ISBN 978-5-00-511856-1

© Колесников В.
© Издательские решения

Содержание

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ	6
/ сборник новелл /	7
СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ	8
ЧАСТЬ – 1. КЛЯТВА	9
ЧАСТЬ – 2. ВИЗИТ БЛАГОДАРЕНИЯ	65
ЧАСТЬ – 3. ПРИНЦЕССА	73
Конец ознакомительного фрагмента.	104

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Сборник новелл

Валентин Колесников

© Валентин Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-1856-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

V. Speys I love you highly, my love!

РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ

/ сборник новелл /

Содержание: стр.

1.	Символ	вечности	/новелла/
.....			1
2.	Карнавал		/новелла/
.....			96
3.	Портал		/новелла/
.....			187
4.	Райская	обитель	/новелла/
.....			278

В. Спейс

СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ **/новелла /**

Эта книга история о сильной и верной, Божественной, Любви между двумя влюбленными, которая возникла внезапно и длится в течение столетий в бесконечном цикле рождений. Где в каждой новой жизни, двое ищут друг друга, связанные бессмертной клятвой большой и страстной Любви. Но жизнь диктует свои правила и свои законы, не всегда совпадающие с желанием быть и жить вместе. Об этом рассказано в моем последнем романе «СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ», из серии «РАЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ». В книге описаны достоверные события из жизни автора этих строк. Имена и фамилии действующих лиц изменены, возможные совпадения случайны – совпадение.

Примечание автора.

ЧАСТЬ – 1. КЛЯТВА

Нагорная проповедь Иисуса Христа:

«А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом..., ни землею..., ни головою твоею...».

Ев. От Матфея, гл.5, стих: 33,34,35,36.

Глава первая

После окончания гражданской войны в Риме в 82 году до нашей эры, и победным возвращением Луция Корнелия Суллы в Рим, его соратник в войне и военачальник Марк Лициний Красс, давал пир. Были накрыты на улицах Рима 10000 столов, а дом самого богатого римлянина, коим являлся Марк Лициний Красс, был открыт для посещения всем желающим, в том числе и простым жителям Рима.

Солдаты, которыми он командовал в ходе гражданской войны, и особенно отличились в битве у Коллинских ворот, устроили большое пиршество, чтобы отпраздновать это событие происшедшее в начале 82-го года. Они ели и пили без всякого стеснения.

Одни разлеглись на подушках, которые были брошены прямо на улицах возле низких столов, накрытых пунцовыми скатертями. Другие, сидя на корточках, хватали куски мяса из больших блюд, что стояли на столах, источая пряный аромат, исходивший от вареных окороков, и напоминали пир львиной трапезы после удачной охоты.

Рабы метались вокруг насыщавшихся воинов, убирая опустошенную посуду, и тут же ставились новые блюда с мясом и сосуды с вином. Сенат распорядился поставить ложа для пирующих, рабов, бочки с вином, и пир проходил в сытом достатке. Кухни дома Красса явно не хватало. Подсобные помещения были временно оборудованы под склады, а в саду, установлены вертела, где на больших кострах жарили целых быков, для солдат.

Яства менялись, все новые блюда появлялись на столах на смену опустошенных блюд. Тут были, окорока антилоп, и осетрина, приготовленная в особом соусе, рабами из дома Красса под руководством его поваров. Пирамиды, выстроенные из плодов, винограда и фруктов падали от прикосновения жадных рук, пирующих прямо в медовые пироги. Около большого кипариса стояла бочка с вином и пьяные солдаты никак не могли вынуть деревянную пробку. Один из солдат, огромного роста верзила, пращой ударил по ней, и бочка, дав трещину, пролилась красным вином под одобряющий гогот солдат. Огромная лужа образовалась тут же. Хлюпающая по винной грязи, солдаты черпали струю вина, наполняя чаши. Хмелели и орали на своих наречиях песни.

Пришла ночь. Рабы принесли огромные медные чаши на подставках и зажгли нефть. Дрожащее пламя нефти рождало продолговатые отсветы пламени на панцирях. Солдаты хватали бурдюки с греческими винами, амфоры наполненные вином и пили, напиваясь до полного изнеможения. Многие из них храпели, прислонившись к стволам деревьев сада, и просто на земле, подложив под голову кулак.

Отсюда с высоты, где стоял дом Красса, была видна панорама Рима и как светлячки, располагались светильники вдоль улиц с накрытыми столами, напоминая живое ожерелье, брошенное великаном на Рим.

По мере того, как солдаты пьянели, они все больше думали о наградах за выигранную войну, и боялись, что Луций Корнелий Сулла не выполнит обещанного. Но это волновало только молодых солдат, старики, же знали, что Сулла не бросал слов на ветер, а заручится поддержкой вверенной Сенатом армии, как нельзя, кстати, вверенной ему, он не откажется в своем стремлении к единовластной диктатуре. Кроме того брать земли и богатые уголья поверженных врагов, теперь его основная цель в достижении своих планов.

Сулла присудил к смертной казни сорок сенаторов и одна тысяча шестьсот так называемых всадников. Сулла, кажется, первым составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – кто приговоренных укроет. Немного спустя, он к проскрипированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигали, – в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросились к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттащивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел. Некоторых постигло изгнание, других – конфискация имущества. Бежавших из города всюду разыскивали сыщики и, кого хотели, предавали смерти.

Свыше 120 тысяч ветеранов сулланской армии, сражавшихся под его командованием против понтийского царя и в гражданской войне, получили большие земельные участки в Италии и стали владельцами поместий, в которых использовался труд рабов. С этой целью диктатор проводил массовые конфискации земель. Достигались сразу три цели: Сулла расплачивался со своими солдатами, наказывал врагов и создавал опорные пункты своей власти по всей Италии. Если некогда аграрный вопрос использовался как орудие демократии, то в руках Суллы он стал орудием олигархии и личной власти могущественного диктатора.

Командирам своих легионов Луций Корнелий Сулла раздавал денежные суммы, магистратуры и должности в сенате. Многие из них за короткий срок стали богачами. Огромное состояние нажил и римский диктатор. Десять тысяч рабов, принадлежавших жертвам сулланских репрессий, были отпущены на волю и стали называться «Корнелиями» в честь своего освободителя. Эти вольноотпущенники тоже стали сторонниками Суллы. Но это еще будет, и Луций Корнелий Сулла сполна сдержит свое слово, и солдаты будут вознаграждены, а пока пир идет, и празднество продолжалось не только на улицах Рима, но и в более изысканном месте, в доме Корнелия Суллы, с его командующим Марком Лицинием Крассом...

Глава вторая

Зал дворца Луция Корнелия Суллы, где проходил пир этих знаменитых военачальников, представлял собой инкрустированное розовым мрамором помещение, посередине, которого располагался бассейн. Вода в нем была настолько прозрачна, что свет от светильников, пылающих под потолком, отражался от стен и падал на дно бассейна, от этого казалось, что воды в нем нет. И только, лишь, когда нагая рабыня, для постельных утех, прыгнула в воду, и вода под ее телом возмутилась, обдав брызгами ноги Суллы, Лициний Красс понял, что бассейн полон воды до краев.

– Как она мне надоела, – в сердцах вымолвил Сулла, – пора бы подыскать, что-то взамен.

– А, куда девать эту? – невозмутимо спросил Красс.

– Будто ты не знаешь? Хочешь, заведи себе.

– Хоть ты мне и друг, но я не подбираю надоевших рабынь. А хочешь я приготовил тебе не тронутую девственницу. Принцессу Египетского царства. Я уплатил за нее целое состояние, решил преподнести тебе ко дню рождения.

– Так это и есть мой день рождения. Ты же знаешь, какая участь нас ждала бы в случае проигранного сражения там, у Коллинских ворот. Это ты Марк, спас меня, когда мои войска начали отступать.

– Да, дорогой командарм, я спас и себя.

Сулла поднял со своего ложа правую руку с кубком, мгновенно стоявший за спиной в белой тунике раб с амфоры наполнил кубок вином. Красс сам налил себе вина в свою чашу из амфоры, стоявшей у его ног.

– За нашу победу, Марк! – выкрикнул Сулла, и оттолкнул ногой от себя мокрую рабыню, прильнувшую губами к его стопам. Женщина от неожиданности вскрикнула, издав звук раненой косули, и упала в бассейн, забрызгав тунику и лицо Корнелия Суллы.

– Леонид! – выкрикнул раздраженным голосом диктатор, – Убери эту мерзкую гидру с глаз моих долой, или лучше отдай солдатам, пусть позабавятся.

– Лучше отдай мне. – Сказал вдруг Красс, – Я сделаю из нее искусную танцовщицу и продам дорого, какому ни будь претору из провинции.

– Леонид, отведи ее пока в подсобное помещение, пусть посидит там. И возвращайся, да не забудь запереть дверь, чтобы не сбежала.

– Слушаюсь мой господин! – ответил верзила, широкоплечий и высокий личный телохранитель Суллы. Он подошел к бассейну и подал руку рабыне, униженно рыдающей стоя вводе. Она сунула ему свою узкую ладонь, и Леонид быстро извлек девушку на край бассейна.

– О, Леонид! – вымолвила она, с легким акцентом. Ее гладкая смуглая кожа блестела от воды, и она слегка дрожала от холода. Леонид подобрал ее одежду и укутал туникой, которую поднял, что лежала на краю бассейна.

– Пойдем, моя любовь. – Сказал ей негромко, почти в самое ухо, чтобы не услышал Сулла. Он первым вышел из зала, открыв дверь, и пропустил вперед рабыню. Когда они вышли, Леонид сказал: – Мартисия, я давно люблю тебя и хочу выкупить тебя из рабства. Мы смогли бы тогда пожениться и жить, как свободные граждане Рима.

– Так, что тебе мешает это сделать? – иронично спросила гречанка.

– Теперь уже ничто. И это я сделаю в самое ближайшее время. Красс согласится на выкуп, он ценит меня, помня мои заслуги в войне, когда я был его личным телохранителем.

– О, Леонид, Ты меня так любишь, может не стоит так, иногда мне кажется, что я не достойна тебя.

– Ты знаешь, Мартисия, любовь это такое чувство, которое случается раз в жизни и приходит, ну как снег на голову, неожиданно и внезапно, когда любовь не ждешь и не ведаешь, что она появится. Вот так произошло со мной. Я тебя люблю и никому тебя не отдам. Мне осталось еще немного собрать денег, и выкуп будет наш. А пока поживешь у Красса, он очень бережно относится к рабам, обучает их разным искусствам.

Они подошли к комнате, указанной Суллой.

– Вот тут ты будешь некоторое время, – говорил Леонид, – затем слуги отведут тебя в покои Красса, в его дом.

Леонид, оставив Мартисию одну, запер дверь, и вскоре вернулся в зал с бассейном, заняв место у своего господина.

Когда Леонид удалился, бережно прикрыв, туникой рабыню, Красс сказал:

– Корнелий, я пошлю своего Антония, он приведет Принцессу.

– А имя у нее есть?

– Ее зовут Афродита.

– Имя богини, хороший знак, Марк. Ну, приводи. – В черных пронизательных глазах Суллы промелькнули живые огоньки любопытства, и он не преминул добавить: – И для верности, пусть берет с собой Леонида. Время не спокойное, на улицах полно пьяных солдат.

– Антоний! – я вздрогнул от неожиданности.– Подойди ко мне! – Красс посмотрел в мою сторону и подозвал к себе...

С тех пор, когда я помогал отцу в море ловить рыбу, прошло довольно много времени. Из-за бедности и нищенского существования я решился, когда стал взрослее, и удрал в школу гладиаторов Лентуллы Бониата, что в Капуе. Отец нашел меня там, но его прогнала стража, и дальнейшей судьбы его мне неизвестна. Нищета и бедность были хорошим стимулом для изучения приемов боя, а хорошая еда, прибавляла силы. Через полгода, мне дали напарника Леонида с которым нам предстояло драться в смертельном поединке. В этот день умер богатый и знатный патриций, по случаю его смерти сенат решил устроить смертельные бои. Отобрали шесть пар и привезли в Рим. Нас поместили в помещение с решеткой, сквозь которую падал дневной свет. На ногах металлические кандалы, натерли до крови ссадины, каждое движение

обжигало, как огнем щиколотку правой ноги. Арена цирка, где должны проходить бои, располагалась в Колизее. Мы слышали за стенками рык львов и острый звериный запах хищников. Леонид смотрел на меня, то дружески, то со злыми искорками в глазах. Мы готовились сразиться с ним в смертельном бою. Но, каково было мое разочарование, когда я узнал, что мы будем драться со львами. Два голодных льва и мы вдвоем вышли на арену. У Леонида был щит и короткий меч, голова не прикрыта. У меня копье, щит и на голове шлем с кольчугой, укрывающий шею.

– Эй, ты, малыш! – Леонид обратился ко мне, таким унижительным тоном в голосе, хоть мы были равны ростом и мускулы рельефно облегли наши тела.

– Ты, меня зовешь, недоразвитый телом? – Леонид не ожидал такого обращения, и его хохот наполнил арену весельем. Это понравилось публике, раздались аплодисменты и зал, заполненный до отказа, разделился на две половины болельщиков. Кто склонялся болеть за Леонида, кто за меня. Такая завязка перед началом боя добавляла зрительского азарта предстоящему поединку.

– Нас выпустили на львов. – Сказал Леонид, – Будем помогать друг другу, и боги придут нам на помощь. – Чуть слышно вымолвил он. – А сейчас становимся спиной друг к другу, так легче отражать атаку зверя.

Но на арене появилось два тигра и два льва. Четверо хищников, вкусивших человеческих останков, против двух людей. Тигры заняли позиции у барьера цирка, а львы начали ходить вокруг нас, подступая все ближе и ближе, издавая устрашающий рык. Мы поворачивались следом, не сводя глаз с хищников. Вот лев приблизился ко мне и лапой отбил копье, которое я нацелил на него. У меня возникло желание метнуть в него копьем, но инстинкт самосохранения, подсказывал, что этого не следует делать. Вдруг неожиданно, раздался крик Леонида:

– Берегись! – в этот момент второй лев, что был ближе к Леониду, сделал неожиданный прыжок и я, скорее механически, чем осознанно, выставив свое копье, пригнулся к песчаному покрытию арены. Туша льва прижала мою спину к арене. Боли я не чувствовал, только, что-то теплое и липкое стало растекаться по моей спине. С трудом сбросив со спины судорожно дергающуюся тушу зверя, я понял, что мое копье пронзило львиное сердце. Запах крови возбуждал зверей. Тигры бросились на убитого льва и стали его разрывать на части. Второй лев, продолжал двигаться кругами, но нападать не решался. Тигры, разорвав тушу льва, каждый с куском части туши разбежались в разные стороны и стали с жадностью насыщаться.

Недовольные зрители стучали о каменные сидения бронзовой посудой, требовали зрелища.

Вскоре появились рабы загонщики. Загнав зверей в загоны, а нас с Леонидом отправили на отдых. Продолжилось представление гладиаторских боев. На арену выпустили три пары сражающихся.

В этот раз нам с Леонидом повезло. Мы остались живы. Когда мы проходили в свое помещение я увидел одного господина в богато расшитой тунике, он, что-то говорил, Лентулле Бониану, жестикулируя для убедительности.

В помещении с решетками на окнах, нас ждали амфоры с водой и тазы, для омовения. Две рабыни поливали нам на руки с амфор, мы помылись и переоделись в туники, затем нам принесли еду. Насытившись, мы стали дожидаться дальнейших распоряжений. На этот раз нам не надели кандалы на ноги, и это предвещало нам то, что нас готовили для поединка. Неожиданно в дверях появился владелец школы гладиаторов сам Лентулла.

– Антоний, и ты Леонид, на выход! – сказав это, Лентулла повернулся спиной к нам, и мы последовали за ним. В просторной и светлой комнате для гостей нас поджидал господин в богатой одежде. Лентулла, вошел первым и обращаясь к богатому римлянину сказал:

– Вот, они ваши. Забирайте их.

Так мы попали в дом Марка Лициния Красса, богатейшего римлянина в то время. Мы стали его личными телохранителями. Красс использовал нас для обучения купленных им рабов боевым искусствам, затем чтобы продать, как можно дороже. Вскоре Леонид приглянулся Луцию Корнелию Сулле, и Красс подарил Сулле Леонида. Так Леонид стал личным телохранителем Суллы...

Глава третья

Мы с Леонидом, прихватив с собой два бочонка с вином, пустились в путь к дому Красса, что виднелся вдалеке на возвышенной местности, как бы приподнятый над обыденностью древнего Рима, над его затхлыми улочками, вымощенными тесаными рабами камнем и стекающими по ним вылитыми из окон жилищ помоями с нечистотами вперемешку. Сейчас эти улочки были заставлены столами с яствами, которые менялись рабами, подносящими на блюдах все новые и новые окорока, жареную и вареную рыбу, с грибами и с рисом. Вина разных сортов разливались в чаши, которые осушались пьяными солдатами, требовавшими все новых яств, женщин и оравших на всех наречиях свои песни. Некоторые, потерявшие от выпитого вина здравый рассудок, кидались на своих товарищей с короткими мечами, не осознавая, что они не на поле битвы. И тут же падали в беспмятстве, что бы забыться мертвецким сном, под столом, на камне улицы или на траве парка у дома Красса. Передвигаться по пьяному разгулу солдат было не безопасно, не безопасно для обычных людей, но не для бывших гладиаторов, как мы с Леонидом. И это скоро сказалось на подходе к дому Красса. Там шла, какая то возня. Огромного роста солдат держал в обеих руках по одному, мертвецки пьяному человеку, тряс их в воздухе и орал страшным голосом, как в бреду:

– Я буду совершать казнь! Это шпионы, из вражеского лагеря! Я узнал его! – с этими словами он поднес к глазам того, кого держал в левой руке. Затем другого солдата, которого держал в правой. Снова затряс ими в воздухе и понес этих двух несчастных к огромному котлу, где варились куски бычьего мяса.

– Его надо остановить! – вдруг заговорил Леонид. С этими словами он бросился к великану. И, когда приблизился к нему, я вдруг заметил, что Леонид не такой уж и высокий, доходил верзиле до плеч. Он громко что-то крикнул импровизированному палачу, и тот мгновенно выронил солдат на землю, выхватил из-за своего пояса тяжелую палицу и, размахивая ею, бросился на Леонида. Опытный гладиатор схватил у раба, что стоял у котла, бронзовую мешалку, довольно длинную, для размешивания варева, и поддев ею подставку, на которой стоял котел, выбил под днищем. Масса горячего бульона с варившимися в котле кусками бычьего мяса, обрушилась под ноги великану, обжигая обутые в сандалии ноги. От адской боли, верзила свалился на землю, дико заорал и стал кататься по земле, проклиная, на чем свет стоит, Леонида.

Пьяные солдаты, что жаждали зрелищ, и плелись следом за верзилой, стали быстро приближаться к нам. Леонид и я бросились к ступенькам лестницы, что вела на террасу дома Красса. Путь нам преградили охранники из десяти человек. Их короткие мечи угрожающе сверкали в руках, отсвечивая блики факелов освещающих лестницу. Это были опытные бойцы, которых Красс отбирал в школах гладиаторов по всей Римской территории, куда продавал обученных бойцовскому ремеслу рабов.

– Кто вы и откуда? – спросил начальник караула. Леонид узнал в нем, своего бывшего напарника по школе Лентуллы Бониата в Капуе.

– Это ты, Олимпий?

– Ну, я, Леонид! Ты, что, думаешь, я вас не узнал?!

– Мы по приказу Красса, пришли за Принцессой. Отведем ее к Сулле.

– А, чем вы докажете, что вы от Суллы и по приказу Красса? – спросил Олимпий, обводя тревожным взглядом своих подчиненных солдат. При этом все десять солдат медленно выстроились в боевую шеренгу для отражения пришедших за Принцессой.

В это время толпа пьяных солдат, которых становилось все больше и больше, издали наблюдали за разворачивающимся спектаклем, что сулило им увидеть бой опытных гладиаторов здесь дерущихся на смерть.

– Смотри сюда, Олимпий! – громким голосом, чтобы были слышны слова Леонида всему караулу и даже пьяной толпе, – Здесь на бочонках с вином стоит клеймо, что это вино из погребов Суллы. Как ты думаешь, мы бы смогли проникнуть туда?!

Олимпий выхватил ближайший факел, воткнутый неподалеку в каменный остов лестницы, и осветил им днище. Убедившись, что Леонид сказал правду, воткнул свой меч в ножны и уже дружелюбным голосом сказал:

– Хорошо, можете оставить вино нам, а сами пройти к евноху распорядителю. Вон он, стоит там у двери, дожидается вашего прихода. Нам Красс, перед тем, как уехать на пир к Сулле дал соответствующие указания. И сказал, чтобы мы внимательно отнеслись к приходу за Принцессой, что наверняка могут быть подставные люди, чтобы похитить столь дорогое сокровище, а затем перепродать. Принцесса очень красивая и обладает многими искусствами, к тому же она девственница.

Я почувствовал, при этих словах начальника стражи, что у меня приподнялись брови от удивления. Я почувствовал, что здесь кроется какой-то подвох, и не мог поверить в чудо нетронутой девственницы, доставленной на невольничий рынок, что процветал на острове Сицилия, где купцы Красса скупали рабов. При этом мое сердце вдруг неожиданно вздрогнуло и замерло на секунду. Я снова удивился этому, чего никогда не происходило со мной. Из моих размышлений вернул к действительности громогласный голос Леонида:

– Но, ты сам понимаешь, Олимпий, что без сопровождения стражи нам не добраться до дворца Суллы среди всеобщего разгула пьяных, вооруженных до зубов солдат?

– Мы будем сопровождать вас, на это есть приказ Красса. Поднимайтесь вверх. Ехнус подготовит Афродиту и распорядится рабам носильщикам, чтобы собрать все необходимое для транспорта Принцессы...

Глава четвертая

Олимпий с подчиненной ему охраной остался у лестницы сторожить вход на верхние этажи дома Красса, где были расположены покои, отведенные для Принцессы. Мы с Леонидом, оставив вино для его охранников, поднялись на террасу, где ждал нас евнох Ехнус. Он поклонился нам и правой рукой сделал медленный жест, предлагая войти в покои Принцессы. Мы вошли в освещенное светильниками помещение устланное коврами с занавесками на окнах. Посреди помещения стояла огромная кровать с четырех сторон по периметру располагались светильники, на длинных мраморных подставках освещающая тусклыми отблесками горевшего пламени пространство комнаты. От светильников комната наполнялась благовониями, от которых легко дышалось, и было приятно вдыхать ароматы наполнявшие атмосферу вокруг. Приготовление Принцессы для передвижения во дворец Суллы подходило к концу. Остались некоторые небольшие мелочи, что не успели доделать рабыни по уходу, приставлены Крассом к ней. Принцесса сидела у огромного зеркала спиной к нам. Вокруг нее суетились красивые молодые рабыни, искусно подобранные Крассом. Все были одинакового роста и возраста, стройные и быстрые в движениях, что придавало их работе точность в действиях. Вот одна девушка, что пробежала мимо меня с подносом, с каким-то порошком на нем, стала посыпать волосы Афродиты этим порошком, отливающим фиолетовым оттенком, и укладывать их в виде башни, в свете светильников, придающим с золотистым оттенком волосам Принцессы сверкающие огоньками волнистые пряди волос в искусных пальцах рабыни.

Мы с Леонидом стояли у двери, терпеливо дожидаясь окончания сборов. Наконец Ехнус хлопнул два раза в ладоши. Рабыни прекратили работы, поклонились евноху и бесшумно

выскользнули из помещения. В дверях появился старший носильщик, он тихо, что-то сказал Ехнусу на ухо, тот кивнул в знак согласия, и раб так же бесшумно вышел.

Сердце мое непрестанно стучало в груди, от какого-то предчувствия, чего-то необычного, что должно произойти именно в эти минуты. Я не знал, что творится со мной и только чувствовал, что этот миг настанет вдруг здесь и именно здесь. Мое волнение нарастало с каждым мгновением времени. На арене цирка, где мы с Леонидом не раз смотрели смерти в глаза, такого ощущения не было со мной никогда. Прост холодный и рассудительный поток хладнокровия вливался в меня в эти моменты схватки с противником, который помогал мне победить, придавая силы и энергии. Здесь же все было по-другому. Наконец Принцесса поднялась со своего места и медленно подошла к нам. В сумрачном свете светильников, я не сразу смог разглядеть ее лица, но вот она приблизилась ближе к мерцающему свету, блики света пали на нее, на ее открытый лоб, волосы, брови, ресницы и глаза. Я посмотрел в ее ясные чистые небесного цвета глаза. В них светился целый мир и непередаваемый миг счастья. Мне хотелось смотреть и смотреть в эти бездонные глаза, искрящиеся небесным сиянием, утонуть в них забыть реальность, время и все, что было вокруг. Девушка замерла, не отводя глаз от моего лица, смотрела прямо в мои глаза. Мы стояли друг перед другом, не смея, пошевелится и двинуться с места. Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, и только когда Леонид толкнул меня в бок, я очнулся от этого колдовства ее близости. В это время Леонид сказал, обращаясь ко мне:

– Ехнус просил нас подождать тут, пока рабы поднесут к выходу переносной шатер для Принцессы.

Но я не слушал его, я стал рассматривать ее наряд.

Волосы, посыпаны фиолетовым порошком, по обычаю дев тех времен, были уложены на подобии башни, и от этого она казалась выше ростом. Сплетенные нити жемчуга были прикреплены к ее вискам и спускались к углам рта, к розовой складке губ, как распускающийся бутон розы. На груди сверкало множество камней, пестрых, разноцветных, отражающих тусклый мерцающий свет от светильников. Руки, покрытые драгоценными камнями, были обнажены до плеч. Туника расшита красными цветами по черному фону. Щиколотки соединены золотой цепочкой, чтобы походка была ровной, и широкий плащ темного пурпурового цвета, скроены из неведомой ткани, тянулся следом, образуя при каждом ее шаге, как бы широкую волну.

Взгляд мой скользнул вновь к ее огромным глазам, чистых, как утреннее небо, сверкающее утренней чистотой. Она смотрела, прямо в мои глаза, не отрываясь. Я не смог выдержать ее взгляда и стал рассматривать ее ресницы. Их длинные лепестки нежно обмахивали лилии глаз. Брови такие же черные, как лепестки ресниц, длинными дугами обнимают глаза. Как совершенна природа, что сумела создать ее, как совершенно ее лицо. Как восхитителен ее тонкий профиль, линия носа заканчивается розовым бантом губ. Их росчерк открывает ровное жемчужное ожерелье зубов, виднеющихся с чуть приоткрытых губ. Принцесса вдруг улыбнулась мне, нежной приветливой улыбкой, глаза вспыхнули небесным сиянием полным любви, зажигаясь мириадами искрящихся лучиков-частичек брошенных и забытых там солнцем.

Голова моя вдруг закружилась, в бешеном ритме застучало сердце. Я не мог совладать собой, чтобы не бросится к ней, обнять расцеловать, забыть, где я и что со мной произошло бы в эти мгновения близости.

Леонид неожиданно пришел мне на помощь, спасая от необдуманного шага, возвращая к действительности.

– Антоний, нам пора. Носильщики ждут внизу у ворот. Ведем Принцессу.

Евнух, пожелал идти с нами в сопровождающей свите к дворцу Суллы. Леонид, прикрикнул на него, громогласным голосом:

– Не велено!

Тучное тело евнуха, колыхалось следом за нами, спускаясь ступенями лестницы ведущей к воротам, где ждал переносной шатер с двенадцатью рабами носильщиками и Олимпий со своими солдатами, готовыми на все ради безопасности Принцессы Афродиты...

Глава пятая

Освещая путь факелами, которые рабы несли, спускаясь ступенями вместе с нами по лестнице. Треск горящих факелов, и пламя отсвечивалось бликами в шлемах стражников Олимпия, что поджидали нас у ворот, готовы пуститься в путь ночными улицами Рима во дворец Суллы.

Я бережно вел за руку Принцессу, ощущая холодное прикосновение ее ладони. От этого прикосновения сердце мое стучало в грудной клетке, как молот о наковальню в руках кузнеца кующего меч из восточной Дамасской стали, который рубит мечи врагов не оставляя на своей отточенной поверхности лезвия даже царапины.

От близости Принцессы, от аромата ее волос и ее дыхания, мне становилось все труднее совладать с собой, чтобы не схватить ее на руки и не бросится прочь, сметая преграды на пути к нашему с ней счастью. Но реальность этого времени и тех событий, что не зависимы от нас, ввергали в те рамки и законы, по которым существовал этот мир в эти времена.

– Афродита ступайте осторожно по выдвинутой лесенке переносного шатра. – Говорил ей на прощание Ехнус. На что Принцесса отвечала: – Да знаю я. Вот со мною в шатре будет Антоний для надежной охраны. Не беспокойтесь.

Услышав свое имя из ее прекрасных уст, мое сердце вновь стало стучать, как стук пращи о ворота осажденной крепости при штурме. Я бережно подвел ее к шатру. Она отодвинула занавеску и вошла внутрь. Заняв место на скамейке, позвала меня жестом, указывая на сидение напротив. Я быстро вскочил в кабинку шатра. Шторка задвинулась, стало темно внутри, только слабый свет, исходивший от факелов, пробивался сквозь шторы сюда к нам. Принцесса неожиданно прильнула к моим губам и жадно стала целовать меня, причитая, как обезумевшая от любви голубка:

– Люблю, люблю! – задыхаясь от восторженной страсти, повторяла она.

Я нежно целовал ее прекрасные глаза, руки, шею, брови и волосы, источающие божественный аромат. У меня кружилась голова, от внезапно нахлынувшего блаженства. Я не ощущал ни пространства, ни времени, я не видел, что разорвалась нить, скрепляющая жемчужины, что были прикрепленные к волосам у висков, и усыпали пол кабинки шатра, а прическа, так тщательно уложенная рабыней, рассыпалась по плечам, обнажая ее прекрасный шелк золотистых волос. В этом сумрачном пространстве кабинки шатра глаза Принцессы горели сказочным сиянием, отражая слабый проникающий сквозь шторы свет от факелов. Внезапно раздались крики и команда Олимпия:

– Занять позицию! К отражению!

Я немедленно высунул голову из шатра, отодвинув шторку рукой. Мгновенно, в мою ладонь впилось сто осиних жал. Я взглянул на пробитую стрелой руку, пригвожденную к дереву шатра. Быстро сломал стрелу и выдернул ладонь. Принцесса, сорвав клочок ткани из туники, перевязала рану. Вокруг переносного шатра шел бой. Неожиданно появился неизвестно, откуда, великан. Его огромные ноги были забинтованы тряпками, следствие ожога бульоном от котла. Он вдруг увидел Леонида. И бросился с криком к нему:

– Ты думал, уйдешь от Ваала?! Я Ваал, назван так в честь непобедимого моего бога, который не прощает и всегда настигает своих врагов! – сказав это, он вдруг схватился обеими руками за горло. Там торчала стрела, выпущенная невидимым лучником. Великан, хрипя в предсмертных судорогах, опустился на колени, затем упал ниц. Тело его судорожно билось еще немного в предсмертных судорогах, затем затихло. Пьяная ватага нападавших солдат, увидели неподвижного ватажка подбившего их напасть на кортеж самого Марка Лициния Красса,

быстро разбежалась. У стражи потерь не было. Было убито трое нападавших солдат и великан Ваал. Кorteж двинулся дальше. Разорванные жемчужные ожерелья и туника, получили свое объяснение, которое дал Олимпий Луцию Крассу. А, Красс, в свою очередь, поблагодарил меня за проявленную отвагу, при защите Принцессы...

Глава шестая

Луций Корнелий Сулла был в этот воскресный день не в хорошем расположении духа. Вот уже две недели к ряду, как появилась новая наложница, так рекламированная Лицинием Крассом и за которую он отвалил изрядную сумму золотых денариев, в крупных монетах ауреусах не давалась ему в постельных утехах. И все было в том, что Принцесса была девственницей. В свои пятьдесят шесть лет Сулла не находил в себе тех сил, присущих молодости, что в пылкой страсти могли сделать девушке то, что не в силах этот могущественный диктатор Рима, перед которым трепетала вся Римская знать. Растерянный Сулла в это воскресное утро, позвал к себе Леонида:

– Я слушаю вас, повелитель! – отчеканил телохранитель, приблизившись к Луцию.

– Иди к Крассу и скажи, чтобы отпустил на одни сутки своего Антония ко мне. У меня к нему есть одно неотложное дело.

Леонид не стал вдаваться в подробности, а быстро ответил:

– Да, я готов выполнить ваше поручение, повелитель!

– Отправляйся немедленно. Возьми лошадь из моих конюшен и чтобы быстро вернулся с Антонием.

Леонид уже направился к дверям, как Сулла окликнул его: – Возьми две лошади, одну себе, другую для Антония.

– Слушаюсь!

Леонид стремительно вышел из дома Суллы по направлению конюшен. А, Луций Корнелий в глубоком раздумье вернулся в свои покои, где в постели мирно дремала Афродита. Услышав, что Сулла вернулся, она подняла голову, опершись на руку, спросила:

– Вы, пришли снова ко мне?

– Нет. – Коротко ответил Луций, – Я пришел сказать вам, Принцесса, что вынужден поручить исполнить мою роль одному из телохранителей Красса. – Сказав это, Сулла испытывающее уставился своими пронизательными глазами на Афродиту. Девушка и бровью не повела, хоть и поняла о чем идет речь.

– «Какие же они все не настоящие. Ни один мускул не дрогнул на лице. Где же чувства, где любовь, где привязанность?» – сентиментальные мысли роились в голове диктатора, не сводящего своего пристального взгляда от прекрасных сапфировых глаз Принцессы. Ее золотистые волосы распустились на подушках, как в эти мгновения она была прекрасна, настоящая богиня Афродита, нет Афродита, появись она здесь, завидовала бы этой божественной красоте и захотела бы стать смертной в эти мгновения, чтобы обладать таким совершенным лицом и глазами с небесным сиянием в них. А Принцессу мучил один единственный вопрос, спросить или не спросить, кто будет от Красса? За кем поехал Леонид? Но догадки подсказывали Принцессе, что будет Антоний. Она это предчувствовала и старалась изо всех сил оставаться равнодушной, чтобы не выдать своей беспредельной радости и трепетного ожидания скорой встречи с ним...

Леонид вскоре прибыл во дворец со мной. Нас встретил Сулла, мрачнее тучи.

– Оставь нас! – приказал Леониду.

– Слушаюсь! – отчеканил тот и вышел.

– Мне нужна твоя помощь. – Сулла испытующим взглядом уставился на меня.

– Я слушаю вас, Луций Корнелий?

– То, о чем я тебя попрошу, ты должен хранить так далеко в своей памяти, что лучше после того, что ты сделаешь, тебе забыть и не вспоминать даже под пытками. Я вознагражу тебя так, что ты сможешь завести свой дом и жить как свободный гражданин Рима, купить на эти деньги рабов и вести торговлю. Ты согласен выполнить мою просьбу?

– О, Цезарь, я не знаю какая роль мне уготована, но, чтобы вы не попросили я с радостью выполню, не сомневайтесь в этом.

– Тогда слушай... – Сулла изложил в подробностях все, что требовалось от меня. Я был вне себя от радости. И еле сдерживал прилив эмоций, что не осталось незамеченным.

– О, да я вижу, юношеский румянец на твоём лице. Это говорит о том, что будет все в порядке, и ты меня не подведешь?

– О, да конечно! – все, что я смог сказать в эти мгновения диктатору.

– Тогда иди, помойся хорошо в бассейне, затем рабы тебя намастят благовониями, и ты приступишь к выполнению своего задания.

Я вышел в указанную дверь, где ждали меня рабы банщики, которые приступили к процедурам омовения.

А в это время Леонид, как личный телохранитель Суллы мог беспрепятственно передвигаться по дому диктатора стал наблюдать за Суллой из-за колонны, что были по периметру дворца, опоясывая внутренний двор, где располагался сад и розарий. Сулла часто тут принимал гостей и давал тайные распоряжения своим агентам, которые доносили ему состояние дел в Сенате и следили за тем или иным сенатором. В этот миг, когда диктатор вышел к розарию, к нему подошел раб, выполнявший самую грязную работу по устранению мешавших Сулле чиновников. Обрывки речи доносились до слуха, из которых Леонид понял, что вырваться мне из покоев Афродиты живым, не запланировано Суллой. Что если я останусь жив, боязнь потерять репутацию в глазах Сената и своих приверженцев во влиятельных кругах Рима на лицо, что негативно скажется на его реформах. Устранив меня, получит право на жизнь мысль; – «Нет человека, нет проблем»...

Я с наслаждением упивался скорой близостью с дорогим мне человеком. Воображение рисовало различные картины нашей любви, от которых захватывало дух, и сердце стучало так, как будто я лишний, а сердце само хочет бежать в стремлении к Принцессе. Неожиданно в бассейне появился Леонид. Он в двух словах рассказал о моей участи после совершения акта с Принцессой.

– Я предлагаю нам бежать. – Сказал Леонид. – Я с Мартисией, ты с Афродитой. Мы захватим пиратский фрегат и двинемся на Сицилию. Сицилия не подчиняется Риму. Там невольничий рынок, который устраивает и пиратов и Рим. И там, на Сицилии, имея деньги, мы станем никому не нужными. Многие рабы гладиаторы спаслись там от верной смерти, что ходила за ними по пятам каждый день здесь на арене цирка. – И Леонид изложил свой план побега...

Глава седьмая

Принцесса не находила себе места, ожидая встречи с Антонием. Она даже бралась нанизывать рассыпанный, еще там, в переносном шатре, жемчуг с ожерелья на нить. Но руки непроизвольно дрожали, и вставить бронзовую иглу в отверстие жемчужины ей давалось с трудом. Она металась по спальню комнате, ходила вокруг огромной постели, перестилала постель. Рабыни, следившие за спальню комнатой, старались угождать хозяйке, но она приказала им уйти и не появляться до тех пор, пока не позовет. Слезы из прекрасных ее глаз струились сами по себе. Эти слезы близкого счастья изливались из глаз и приятно орошали щеки. Она ощущала их щекоцущий прилив у себя на щеках и вдруг поняла, что радость плачет по своему, и это очень приятное, как оказалось, явление.

Трепетное чувство ожидания вселяло в нее силы и уверенность в то, что должно произойти нечто очень важное в ее жизни. Внезапно дверь комнаты отворилась, и на пороге

появился ее любимый человек, коим был в эти мгновения я. Мы не сказали друг другу ни слова. Она, моя Принцесса, бросилась ко мне в объятия, слезы счастья обливали ее щеки, капали мне на грудь. Афродита целовала меня и трепетала в моих объятиях, как раненная лань. Ее тело содрогалось от моих ласк, и сладострастные стоны любви вырывались из ее уст, как она была прекрасна в эти мгновения, как бесконечно желанна и любима мною. Когда первый приступ любовных ласк прошел, и мы обнаружили, что лежим на ковре возле огромной постели. Я хотел ей рассказать, что ждало меня за дверью. Но Принцесса, моя Любовь, прикрыла мой рот своей ладонью, как бы говорила мне этим:

– «Молчи! Молчи! Рано еще, говорить!» – и мы снова слились, в неистовой нахлынувшей страсти двух измученных ожиданием большой и страстной Любви существ, которые в эти минуты не знают, что такое время, кто они и где и, что нет ни пространства, ни времени ничего, кроме двух слившихся во едино душ. Так продолжалось довольно долго. И только глубокой ночью, когда Афродита блаженно растянулась на постели, я осмелился сказать:

– Принцесса я тебя люблю больше своей жизни. Больше всех богатств на земле, какие только бывают. Ты мое создание на века.

– Я тоже! Я тоже тебя люблю, безмерно, бесконечно и нет ничего на свете прекрасней этого чувства, что ты даришь мне, мне одной. На века я твоя с тобой моя Любовь!

– Я хочу закрепить нашу Любовь клятвой, чтобы наша с тобой Любовь спасала нас от невзгод, от лишений. Оберегала нас от опасностей и была всегда с нами вечно. – При этом я взял нож, что лежал забытый на подносе с фруктами и сделал надрез у себя на левой руке возле самой ладони. Капельки крови выступили и засияли рубиновым блеском на запястье, точно такой же надрез я сделал и Принцессе. Мы приложили ранами наши руки, и я произнес:

– Клянусь на века быть всегда с тобой моя Любовь, вечно! Не покидать тебя, чтобы не произошло со мной!

Принцесса повторила мои слова, и вдруг я ощутил огромное блаженство и уверенность от этих слов, я понял, что моя Принцесса всегда будет рядом со мной и останется моей, чтобы не случилось в мире и за его пределами. И тогда я рассказал, что уготовил мне диктатор Сулла и как мы можем отсюда скрыться, куда бежать, и, что нас поджидают в условленном месте Леонид с Мартисией. А пройти мы можем беспрепятственно, так как Леонид предупредил стражу, подчиняющуюся ему, как личному телохранителю Суллы, что пара Антоний с Принцессой, спустится ночью подышать свежим воздухом в розарий сада.

Когда мы с Афродитой вышли из спальной комнаты, стоявший у двери стражник покоился на нас. В свете трепещеющего пламени факела, его лицо, то освещалось, то меркло, и он казался не человеком в эти мгновения, а каким-то чудом возникшим неоткуда привидением. При виде его Принцесса вздрогнула, испугавшись, и прижалась ко мне, дрожа от чудесного ощущения свободы и счастья рядом со мной. Мы медленно спустились ступенями лестницы в сад. У колонны я заметил укутанную в плащ тень. Эта тень скользнула в свете луны на видное место и рукой подала условный знак. Мы прошли туда. Леонид, не громко поздоровавшись, сказал, чтобы мы двигались следом. Он шел быстрой походкой к розарию. Запахи цветения роз пахли непередаваемыми ароматами, вселяя в нас с Принцессой силы, однако мы еле успевали за стремительным шагом Леонида. Он быстро продвигался к центру сада, где была разбита клумба из кустов роз. Обойдя ее, он вдруг остановился и схватил один, легким движением поднял куст, открывая подземный ход.

– Лезьте за мной! – с этими словами, Леонид спустился вниз в тускло освещаемое факелом подземелье.

Я последовал за Леонидом. И когда очутился на каменном полу просторного хода, принял на руки Принцессу. Леонид сказал, что надо закрыть вход, чтобы преследователи не сразу обнаружили наше исчезновение и не смогли нас выследить. Для этого он влез на мои плечи,

протиснулся наружу и установил куст роз на место, закрыв вход. Мартисия уже была здесь и мы все вместе, освещая путь светом факела, двинулись подземным ходом в неизвестность.

Этот подземный ход был обнаружен случайно рабом разбивавшим клумбу розария. Раб доложил о находке начальнику телохранителей Красса, которым уже был назначен Леонид. И под страхом смерти, Леонид приказал рабу никому не говорить об этой опасной находке. Так появилась возможность тайно и безопасно уйти из дома Красса, в случае опасности.

Подземный ход вывел нас к набережной Тибра, где качались мачты судов, и множество шлюпок, пришвартованных к причалу. Когда мы выбрались на поверхность, Леонид сказал, что нам надо добраться до Неаполя, это огромный морской порт и там мы сможем найти корабль, отплывающий на Сицилию. В зарослях оливковой рощи нас поджидали подготовленные лошади с доверенным стражником Грегорайосом, которого долгое время знал Леонид. Три лошади были угнаны им ночью из конюшен Суллы, оседланы Грегорайосом и были снаряжены, в любой момент могли пуститься в путь. Леонид готовил этот побег уже давно. Для этого им был создан в заброшенной полуразвалившейся постройке тайник, что виднелась в оливковой роще, куда он перенес седла и сбрую для лошадей. Туда же и в назначенное время был доставлен им бочонок полный золотых ауреусов. Он нашел это золото в сокровищнице под домом Суллы, куда имел доступ с диктатором и однажды, был послан Суллой за золотом. Этого случая было достаточно, чтобы увести бочонок с золотыми ауреусами. На эти деньги можно было снарядить целый легион римских солдат. Усадив Принцессу на лошадь рядом с собой, я двинулся следом за Леонидом с Мартисией. Наш путь лежал в направлении Неаполя...

Глава восьмая

Перед нами расстился мрак, в котором, казалось, скрывались какие-то громады, подобные волнам окаменелого черного океана.

Полоса света уже поднялась с востока. Слева, совсем рядом, в свете бледной зари, выривывались конические крыши храмов, террасы, укрепления набережной Тибра, а над водой серой дымкой точно застыло облако тумана в утренней прохладе. По мере того, как свет проникал с высот небесной лазури, стали проступать высокие дома, теснившиеся на склонах холмистой местности, утопающих еще в черноте садов.

Мы двигались в южном направлении. Дорога виднелась все отчетливее по мере восхода солнца. Навстречу нам попадались навьюченные повозки с овощами выращенными местными крестьянами, бочками с вином, и с разной кладью, в сторону Рима. Грохот колес от этих телег все чаще встряхивал рассвет. Возницы, увидев конных, приостанавливались, в почтительных поклонах провожая важных римских воинов в красных плащах и в боевых доспехах, за которых принимали нас.

Предмесье Рима нам нужно было покинуть как можно скорее, чтобы уйти от преследования. И мы спешно двигались все дальше и дальше, уменьшая путь в 200 миль от Рима к Неаполю. Этот путь всадник мог преодолеть за шесть, максимум за восемь часов, если скакать налегке и без привала. Мы не знали, что за нами на подчительном расстоянии скачет всадник в белом плаще на черном скакуне арабских кровей, с колчеданом стрел за спиной и боевым луком. Наш привал решили сделать после того, как выйдем к заливу Гаэта, что на полпути от Рима до Неаполя...

В предрассветной мгле Сулла, не спавший всю ночь, стоял на террасе своих покоев, ожидая Онисия, раба, которому он поручил убийство Антония. Раб должен был выполнить свое поручение на рассвете, когда Антоний и Афродита выйдут в сад из покоев, прогуляться. Онисий не спешил. Луций Корнелий Сулла нервно стал ходить в зад вперед по террасе, чувствуя свое беспокойство и терзаемый недобрыми предчувствиями. Эти предчувствия всегда помогали ему в трудные минуты борьбы за власть и, прислушиваясь к их симптомам, он готовился к отражению надвигающихся угроз. Но в этот миг он был вне себя от мук сердечных, ибо

Принцесса пронзила его сердце стрелой любовного экстаза, который он не мог дать ей в ту самую ночь, когда впервые посетил ее покои.

Предутренный туман еще клубился над Тибром, и терпение Суллы иссякло. Он решительно вышел из своей обширной и просторной спальни комнаты и вскочил без стука к Принцессе.

Его взору открылась разбросанная постель, и подушки на смятом ковре, раскиданная в разных частях комнаты одежда. Все говорило о том, что сборы для побега были спешными.

Стоя посередине комнаты беглянки, Сулла превратился вдруг в решительного и строгого повелителя диктатора, которого не один десяток лет знал сенат Римского государства. Он властно хлопнул три раза в ладоши. Мгновенно в комнате появился раб, исполняющий поручения и приказы повелителя.

– Я слушаю вас, мой господин! – сказал вошедший раб, склонив в почтительном поклоне голову перед диктатором.

– Эскулап, найди, Леонида и его стражников, и Онисия! Немедленно приведи всех сюда!

Раб поклонился, не сказав ни слова, вышел.

Сулла, медленной походкой стал ходить, ожидая людей...

Первыми появились заспанные телохранители из команды Леонида. Сулла тяжелым взглядом пристально всматривался в глаза каждому. От его жгучего взгляда, не предвещавшего ничего хорошего, каждый краснел, пытался не смотреть диктатору в его колючие, пронизывающие до костей глаза. Минута молчания затягивалась, казалась вечностью, но вот наконец он сказал, глухо, почти шепотом:

– Вы все, вернетесь туда, откуда прибыли. – Сулла сделал паузу, затем добавил, – Эскулап, я приказываю взять всех пятерых под стражу, пока не пребудет Лентулла из Капуи. Отдашь их ему.

– Слушаюсь, повелитель! – раб поклонился и хлопнул в ладоши.

Мгновенно в комнату вбежали солдаты, охранявшие дворец. Раб сказал им: – Сенатор приказал взять под стражу и поместить под арест.

Когда стражу увели, Сулла спросил Эскулапа: – Где Онисий?!

– Его нигде нет. Обслуживающие конюшни, сказали, что сегодня ночью он седлал вашего Ворона, сказал, что вы срочно приказали для охоты.

– Что-о-о?! Я не отдавал такого приказа! – и уже тихим голосом, – И Онисий сбежал. – Сказав это, Сулла отошел к окну спальни Принцессы, откуда открывалась панорама оливковых рощ и вдалеке возделанные виноградники на холмистой местности. Этот красивый пейзаж нравился Сулле, и он расположил тут эту спальную комнату для своих постельных утех с многочисленными любовницами, которых ему присылал Марк Лициний. Постояв немного у окна, Сулла вдруг резко повернулся к Эскулапу и громогласно приказал:

– Немедленно пригласить сюда Красса! Возьми скакуна и быстро скачи к дому Марка, как можно быстрее доставь его сюда!

Раб, не сказав ни слова, лишь молча, поклонился и выскользнул в открытую дверь. Сулла еще постоял немного у окна, затем спокойным размеренным шагом медленной походкой ушел к своему кабинету, где обычно принимал просителей, подписывал бумаги и давал государственной важности поручения. В доме Суллы вечно толпились чиновники, сенаторы, богачи, торговцы и прочие важные персоны элитных сливок общества Рима. Он распорядился страже никого к себе не пускать, кроме Эскулапа и Марка Лициния. Вошел в свой роскошный богато обставленный кабинет и уселся за массивный письменный стол из розового мрамора, специально заказанный им у знаменитых скульпторов того времени.

Он глубоко задумался о побеге его людей, тех, кому он доверял охрану и многие секреты личной жизни. Он думал, как назвать этот поступок, предательством, похищением рабынь, или грабежом. Из этих размышлений его вывел Эскулап, который появился внезапно, весь

в дорожной пыли и с порога сразу заговорил скороговоркой: – Марк Лициний Красс доставлен, ожидает в приемной.

– Немедленно зови!

Но Красс уже вошел сам.

– Приветствую тебя Сулла! – с порога сказал вошедший, – Знаю, что случилось и я желаю тебе помочь. – В руках Красс держал клетку с двумя птицами. Сулла бысмысленным взглядом уставился на голубей, затем спросил, растягивая слова:

– Ты, наверное, решил подшутить над несчастным диктатором? – вздох горечи вырвался из его груди. Затем совладав с собой, он уже тверже сказал, – Да, ты прав, они двинутся, конечно, в Неаполь. Ты говорил как-то мне, что у тебя там вольноотпущенная рабыня проживает, которую ты любишь, и вы пишете друг, другу письма, пользуясь голубиной почтой?

– Ты Луций, иногда мне кажется, умеешь читать чужие мысли. Я сразу догадался, что бежать им некуда, кроме Неаполя. И там они, возможно, хотят отплыть на Сицилию, так подсказывает мне логических ход событий. Там у нас хороший отряд солдат, что перешли на нашу сторону, и задержать их не представляется труда. Надо только дать знать, кого и твой приказ!

– Да, Марк, ты, как всегда, прав. – С этими словами, Сулла торопливо схватил лежащее на столе гусиное перо и листок пергамента, мокнул заточенным концом пера в чернильницу и нацарапал приказ о задержании опасных преступников государственной важности. Написав два письма, он тщательно промокнул, посыпав промокаемым песком, затем отдал Крассу. Красс приладил письма к лапкам голубей и выпустил птиц в открытое окно.

– Осталось ждать. Если они двигаются к Неаполю, а они двигаются туда, потому, что на Север им бежать некуда, то скоро мы получим беглецов. – Сказал Красс, закрывая пустую клетку...

Глава девятая

Дорога пылилась и в придорожной растительности оседала на листьях кустов, на крапиве, росшей у самой кромки проезжей части серым налетом.

– Я больше не могу так ехать. – Сказала Принцесса, с нежностью всматриваясь в мои глаза. От ее взгляда синих, как небо глаз у меня перехватывало дыхание. Я не знал, что ей ответить и смотрел уже на круп лошади, на которой ехали Леонид с Мартисией. Закаленная невзгодами его Мартисия, легко переносила путь побега и лишь с благоговением смотрела на своего спасителя, коим был Леонид.

– Потерпи еще немного, моя Любовь, скоро будет привал, и мы передохнем. – Отвечал я. В ответ Принцесса прижалась ко мне ближе. От ее близости от аромата ее волос у меня кружилась голова. И я с непередаваемой благодарностью смотрел на ехавших впереди нас людей, так как мне не надо было следить за дорогой, чтобы не сбиться с пути, и это давало мне возможность полностью отдаваться этому непередаваемому чувству блаженной неги близости дорогого и любимого человека, что с такой преданной чувственностью прильнула ко мне.

Водная гладь залива сверкнула вдаль, пробиваясь сквозь верхушки кипарисов. Отсюда с высоты тропы, по которой двигался наш кортеж, мы не видели моря. Но его близость ощущалась повсеместно, так как в жаркий летний день его прохлада остужала солениватым привкусом и дуновением легкого бриза, который непрестанно прилетал оттуда с Тирренского моря.

Этот блеск близкой воды первой заметила Принцесса. Ее восторженный голос прозвучал над нами, как глас ангела во плоти:

– Озеро! Там озеро! – с детской наивностью взывала она к нам, что впереди долгожданный привал. Это значило, что пройдено сто миль пути, до заветной цели оставалось еще столько же.

Дорога спуском уходила к воде залива, что подковообразной линией пляжа открывался нам. Еще немного и мы уже у воды. Лошади, измученные переходом вошли по брюхо в воду

и застыли там, не дали нам спешиться. Я соскочил с лошади в воду и взял мою Принцессу на руки понес на берег.

– Афродита! О! Моя Афродита! – кричал я, как сумасшедший, ощущая непередаваемые чувства жизни радостью вливавшиеся в меня. Принцесса звонко смеялась и болтала ногами, как большой ребенок, полная счастья и жизни. Нам было хорошо вдвоем, а ощущение плеча друзей придавало уверенности в завтрашний день и отваги в предстоящей борьбе за свободу.

Я вынес ее на песок пляжа, и бережно опустил на ноги. Леонид так же, как и я осторожно поставил Мартисию. Афродита быстрым шагом приблизилась к ним и что-то сказала Мартисии и обе пришли ко мне.

– Мы отойдем немного подальше с Мартисией, искупаемся. – Сказала Принцесса, пробегая мимо меня. Вскоре мы с Леонидом услышали смех, и плеск девушек сквозь шум пенящихся волн накатывающихся на песчаный берег залива Гаэта. На скалистом откосе мыса, уходящего в море, нам хорошо был виден поселок рыбаков с покосившимися хижинами и в море виднелись их суденышки. У нас возникла мысль, а что если нанять один из таких рыбацких челноков и уплыть к Сицилии. За те деньги, что были у нас, можно двумя, тремя, ауреусами купить целый поселок с их снастями и рыбацкими челноками.

Грегорайос уже вывел из воды лошадей, привязав к прибрежному кусту, и к морде каждой прицепил походный кожаный мешок с овсом. Лошади фыркая, жевали овес, мотая головами, и бросали благодарные взгляды на своего хранителя.

Солнце немилосердно жгло все, что попадалось на пути его лучей. И если бы не прохлада вод залива, спасения от жары не найти здесь в прибрежных зарослях из кустарника. Мы с Леонидом, отошли в тень кипарисов для краткого совещания, как быть с дальнейшим продвижением к Неаполю. Грегорайос возился возле лошадей и не обращал ни малейшего внимания на нас. Визг девушек невдалеке, заставляя нас быть спокойными для ориентации наших дальнейших действий.

– Предлагаю, – я начал говорить, – давай найдем рыбацкое суденышко и двинемся на Сицилию?

– Что верно, то верно, – сказал Леонид, – но, для осуществления нашего плана, нам не хватает короткого пути. До острова Сицилия триста миль, а рыбацкие ветхие посудины, не смогут преодолеть этот путь без проблем.

– Ты, конечно и прав, но до Неаполя морем мы все-таки сможем доплыть, а там переберемся на корабль и достигнем берегов Сицилии.

– И, то верно, – согласился Леонид.

– Я еще предлагаю, для сохранения нашего сокровища, разделить на равные части ауреусы так, чтобы мы смогли хоть часть сокровищ сберечь, в случае нападения на нас грабителей.

– Я и сам думал об этом. – Сказал Леонид. В это самое время он взглянул на Грегорайоса, что расчесывал шерсть лошадям скребком. – Мы разделим наше сокровище на четыре части.

– А, Грегорайос? – спросил обеспокоено я.

– Ему останется сбруя и лошади. Это дорогие атрибуты, с ними он сможет безбедно существовать, или на худой конец продать их.

Я, конечно, не был против такого дележа, но с другой стороны, оставляя лошадей и Грегорайоса с ними, среди толп бездомных и вооруженных до зубов бандитов, которыми кишели леса и горные тропы Римской республики после недавней гражданской войны, было равносильно убийству. Но таковы правила борьбы за существование и жизнь. Грегорайос страстный любитель лошадей даже предложи ему побег с нами на рыбацкой посудине в Неаполь, отказался бы плыть, думая о своих оставленных лошадях, за которыми он привык ухаживать за всю его невольничью жизнь в конюшнях Луция Корнелия Суллы.

– Однако надо спросить у него, согласен ли он на такие условия? – сказал Леонид, и обратился к нему, – Эй, Грегорайос, подойди к нам, надо поговорить!

Грегорайос неторопливо отложил скребок в сторону и медленной походкой приблизился к нам.

– Что случилось, господа? – его настороженный взгляд говорил о том, что конюх был готов к любым действиям.

– Мы решили плыть в Неаполь на рыбацком судне. Тебе предлагается остаться с лошадьми и забрать их себе в полное твое распоряжение с амуницией и всем тем, что принадлежало для их обеспечения. Что скажешь на это? – Леонид вопросительно стал смотреть на реакцию бывшего раба конюшен Суллы.

Грегорайос просиял, улыбнувшись своей добродушной улыбкой. В его светлых глазах светилась детская наивная доброжелательность и благодарность за оказанное доверие. Он был польщен таким вознаграждением, и в эти минуты его беспокоило лишь одно, чтобы ничего не произошло такое, что могло помешать этому предложению.

А мы с Леонидом, посоветовавшись, решили идти всем вместе в рыбацкое поселение с бочонком с золотыми ауреусами, и нанять судно для переброски нас в Неаполь. Грегорайос остался со своими лошадьми...

Глава десятая

Наши любимые девушки были веселы и смех и их счастливые улыбки сияли, как свет солнечных лучей, заражая нас с Леонидом весельем. Тропинка, ведущая к рыбакам, вилась по склонам скалистых пород, выступающих то тут-то там из красноватой суглинистой почвы, поросшей жесткой травянистой растительностью. Всюду росли высотными мачтами кипарисы, какobelisks стояли на нашем пути. Умеренный шум прибоя, легкий бриз с моря и крики чаек, носившихся в воздухе с рыбой в клюве, все говорило о том, что улов у рыбаков в этот июньский день будет отменным.

В поселении рыбаков, мы рассчитывали получить еду, и подкрепится, в этом мы не ошиблись. Мужчин в поселении не оказалось, все были в море на ловле рыбы. Рыбачки наперебой стали приглашать нас к себе, видя в нас богатых господ и желая щедрого вознаграждения за оказанные услуги. Леонид, узнав, что у самой зажиточной семьи, был парусник, плавающий раз в полгода в Неаполь за товарами, согласился отобедать у приветливой хозяйки, которая между тем предложила подождать, когда муж вернется с уловом и с ним можно будет договориться о транспорте всей команды Леонида в Неаполь за определенную сумму денег...

Грегорайос долго стоял, глядя в след удаляющимся Леониду и мне с нашими девушками, затем нехотя повернулся и медленной походкой направился к своим лошадям. Он не сразу понял, что властным окриком его останавливает незнакомец, угрожающим голосом, приказывая, остановится.

– Стой! Если хочешь жить, Стой!

Конюх оторопело поднял голову в направлении голоса. На него в белом плаще с капюшоном смотрел человек с направленной на него стрелой в натянутой тетиве боевого лука.

– Еще шаг и ты труп! – исторгал угрозы человек в белом одеянии. Черный, как воронье крыло конь, вдруг заржал, увидев своего любимого конюха, который так приятно чесал ему шерсть на крупе, когда они возвращались вместе с купания в Тибре. Это вернуло Грегорайосу память воспоминаний его службы в конюшнях Суллы и, вдруг, в белом человеке Грегорайос узнал Онисия.

– Ты, что не узнаешь меня? Это же я, Грегорайос! – испуг у конюха окончательно прошел, и он сделал еще один шаг к Онисию, но свист выпущенной стрелы остановил его. Стрела, просвистев, вырвала клочок волос из кудрявой шевелюры конюха. Он вскрикнул от жгучей боли и опустился на колени, прощаясь с жизнью.

– Я же тебя предупредил, чтобы ты не двигался с места.

– Я еще жив? – вращая вылезшими из орбит глазами, в страхе проскулил Грегорайос.

– Стрела немного причесала тебя. Если бы я тебя хотел убить, то давно сделал бы это. Ты мне нужен. Поедешь со мной к Сулле. Там расскажешь все диктатору Римской республики, куда двинулись беглецы и куда они намерены дальше бежать.

С этими словами, Онисий связал уздами все три лошади, привязав к седлу Ворона. Затем, приказал Грегорайосу сесть на свою лошадь, и легко вскочив в седло, погнал Ворона в направлении Рима. Онисий доставил Сулле лошадей и конюха поздно ночью. Сулла не решался казнить или миловать Онисия, но утром принял решение оставить ему жизнь. Онисий был несказанно рад этому, так как, симпатизируя Леониду, Мартисии и мне с Принцессой, он не стал убивать нас, хоть мог это сделать без особых проблем, так как был искусным лучником.

Утром, допросив конюха, Сулла понял, что Леонид, уговорит рыбака, отправится не в Неаполь, а на Сицилию. Там достать беглецов Сулла не сможет. Он в отчаянном состоянии и расстройстве заходил по своему кабинету. Затем, размышляя над возникшей ситуацией, грозившей ему репутацией трезвого политика в Сенате, понял наконец, что кроме Красса и беглецов никто не знает, что произошло прошлой ночью в его доме. Красс будет молчать, так как от него Суллы зависит занимаемое почетное положение Красса в обществе Рима. Так чего же беспокоиться по пустякам. И бодрый с веселым расположением духа диктатор утром, оседлав Ворона, поехал в Сенат для ведения заседания по реформам. А дел у Луция Корнелия Суллы в этот период было много серьезных и важных. По его реформам и его утвержденной конституции Римская республика превратилась в Римскую единовластную империю и просуществовала еще тысячу лет нашей эры...

Наша счастливая четвертка успешно добралась до Сицилии, заплатив два золотых ауреуса владельцу судна. Он был в не себя от радости. И тут же на Сицилии разменял ауреусы на две пригоршни серебряных монет, которыми не страшно было расплачиваться в этом кишачем подозрительным людом острове. На эти деньги рыбак купил новые рыбацкие сети, паруса и наряды для своей семьи.

Мы же в представителей местной власти выкупили два участка земли и занялись строительными работами. Отстроили два роскошных дома. В одном проживали мы с Принцессой в счастливом семейном благополучии. Леонид с Мартисией жили рядом. В наших домах в жаркие летние дни всегда было прохладно и приятно. Принцесса родила мне двоих детей девочку несказанно красивую и мальчика. У наших детей счастливо сложилась жизнь. Мы дожили до глубокой старости. Я не помню момент моей смерти, помню лишь, легкость в своем теле, которого уже не было. И, что я высоко поднимаюсь, растворяясь в пространстве и во времени в океане счастья, спокойствия и неги, что это состояние продолжалось, и продолжалось, стирая с памяти страдания страхи и боль. Пока мне снова не захотелось окунуться в жизнь на земле. И я стал стремиться к земле. Океан неги стал превращаться в голубоватое пространство, где я увидел и узнал Леонида, затем Мартисию и наконец Принцессу. Мы собрались снова все вместе и договорились, что встретимся вновь на земле и будем держаться друг друга. Принцесса прильнула ко мне, и я чувствовал, что неотвратимая сила влечет снова, и снова нас, друг к другу, да так, что я испугался, что мы сольемся вместе и будем вместе, как единое целое на земле. Мы увидели облака и небо, внизу виднелись леса, реки и моря. Появилась, церковь с куполами и золочеными обводами вокруг окрашенных в зеленый цвет. Принцесса в этот миг спросила меня:

– «Ну, что идем?» – слов не было была только ее мысль в моей голове.

– «Давай ты иди первой, я пойду следом».

Она нырнула в открывшееся пространство между белых облаков. Я еще немного постоял не более двух, трех минут, и прыгнул вниз. Этой задержки хватило для разброса нас соединенных клятвой Любви, во времени на тридцать лет. Так как время в пространстве течет по-разному. Клятва неотвратимо соединяет нас вместе и получилось так и в этот раз. Она стала моей матерью с теми же красивыми глазами и улыбкой. С той же фигурой и характером. В бес-

конечном круговороте рождений, где все существует одновременно в настоящем, будущем, и прошлом, мы с Принцессой, достигнув высокого развития, приняли решение внести корректировку некоторых моментов наших воплощений, чтобы исключить аномальное явление, что моя мать это Принцесса. Инициатором стала она. Из будущего переместив в 1989 на 1 марта рождение новой Принцессы. Мне было десять лет, когда прилетели ко мне из далекого будущего мы же сами, чтобы открыть мне Символ Вечности, его значение и показать, что должно произойти со мной, какие события на протяжении моей столетней жизни. И вот мою Принцессу в будущем 1989 году назовут Анжелой, и работать она будет в Ашане, где я устроюсь в охранную фирму «Витязь Групп Украина» и познакомлюсь там с ней. Я, десятилетний мальчишка смотрел на экран, где она стояла передо мной, как две капли воды похожей на мою мать в том же возрасте. Спасибо клятве, что сводит нас вместе и в тоже время огромная разница в возрасте не дает мне право полноценно общаться с моей Принцессой. Но родство душ, беспощадно влечет меня к ней и не дает покоя, я чувствую ее с кончиков ее ногтей на ногах до ее волос на голове. А глаза, такие же, как у моей матери, добрые и чувственные, синие, синие, огромные и сказочно красивые. Такие глаза одни на целом белом свете и ни с кем не спутать их мне на века...

ЧАСТЬ – 2. " ...скажи мне, кто тебя обидит?

Тому рубль дам!»

Глава первая

Шпительки. Это название села, расположенного на двадцать восьмом километре Брест Литовского шоссе от Киева на Запад.

На двадцать восьмом километре шоссе, дорога сворачивает влево и, по вымощенной камнем проезжей части, мчится в сторону села. До семнадцатого года в Шпительках была усадьба известного сахарозаводчика Терещенко.

Богатый помещик разбил прекрасный парк усадьбы, вырыл каскад прудов. Построил церковь, точную копию Киевского Владимирского собора.

Внутри церковь была расписана ликами святых. Над росписью трудились ученики самого Васнецова. После революции, до событий, описанных в книге, церковь еще сохранилась и даже велась служба.

В пятидесятые годы единственным кирпичным домом был дом моей матери Зимогляд Ольги Андреевны, который она построила на банковский кредит. В то, послевоенное время, не всем давали кредит в банке. Так как Ольга Андреевна была избрана депутатом Верховного Совета Украины 4-го созыва, ей выдали банковский кредит в размере 10 000 рублей под строительство. В строительных материалах проблем не было, так как депутату Верховного Совета СССР полагалось обеспечение в первую очередь при гарантии оплаты. И дом был выстроен.

Внутри дома было прекрасно летом. Прохлада освежала, когда жара стояла снаружи. И сыро и холодно было зимой. Печки вечно дымили, и стоял едкий резкий запах брикета (смесь угольной пыли со смолой).

В доме, моя бабушка, старая морщинистая женщина с дрожащим подбородком в длинной юбке и переднике, стояла у печи и мешала жар. Звали ее Евгения Лаврентьевна, фамилия по мужу Зимогляд, а ее девичья фамилия была Срибная. Моя бабушка была родом из города Переяслав-Хмельницкого, и длинными, зимними вечерами часто вспоминала о своем доме и родном брате, к сожалению, я не запомнил его имени, знаю только то, что он всю свою жизнь прожил в Переяслав-Хмельницком. Что он был фанатическим приверженцем голубей. В своем частном доме у него на чердаке была оборудована голубятня, где царил строгий порядок и чистота.

В доме Ольги Андреевны пахло борщом и вкусным ароматом тушеного мяса. Село жило в достатке, так как сами выращивали все – и овощи, и мясо.

Я все время вертелся возле бабушки, непроизвольно мешая колдовать печными вилами. На что бабушка сердилась и ворчала:

– Была бы, утопила в уборной, и не мучилась бы! – не зло, глядя на меня, сказала она. Я никогда не обижался на бабушку, и теперь, попросту не обратил внимания на ее слова. Только спросил:

– Бабушка, а что сегодня на обед?

– Что, что, увидишь! – недовольно ответила бабушка, – Только съешь!

– Буду, есть только мясо, – отвечал я, – сало сама ешь.

– Вот вредитель. Будешь ты, гадовая душонка, корочки хлеба рад.

Мне стало обидно. Я надул пухлые щеки и отстал от бабушки. У меня в руках оказался перочинный ножик, который я носил в кармане вельветовых темно-коричневых шортах до колен. И принялся мастерить пропеллер. Мне нравилось, когда ветер вращал мое изделие, и, тогда казалось, что я в самолете лечу над просторами полей села, выше деревьев и заснеженного парка.

Вечер. Сумерки сгустились за окном. Бабушка зажгла электрическую лампочку, щелкнув выключателем. В коридоре слышались шаги и дверь открылась.

На пороге в зеленом платке и фуфайке появилась румяная и очень худая моя мать. Ее светлые глаза пробежали по комнате, нашли табурет. Она устало, уселась, стала снимать валенки.

– Холодно на улице. Мороз. – Сказала она, не глядя на меня. —

Валик кушал, или нет?! – спросила она у бабушки.

– Пусть сам расскажет. – Не дружелюбно ответила та, принявшись доставать еду из печки. Я стал рассказывать, чем накормила меня бабушка, а мать комментировала:

– А молока, почему ты не пил, а?

– Я не бочка, чтобы лопнуть?

Тем временем на столе, возле окна появилась дымящаяся глубокая тарелка с борщом и двумя кусками свинины, издающей аппетитный аромат.

Мать отломала зубок чеснока и, макая его в соль, стала есть.

Я наблюдал за едой матери, морщась от неудовольствия. Представлял, как душно и противно будет насыщена этим запахом спальня. И как тяжело будет болеть голова и грудь от чесночного смрада в непроветриваемом помещении, где он спал в одной комнате с матерью. Так уж сложилось, что мать ела один раз в день, и это было вечером.

Утром она спешила на работу еще затемно, и возвращалась, когда было уже совсем темно.

В совхозе, где она работала, ее знали, любили и уважали за ее трудолюбие, бескорыстие и простоту. Товарищам по работе с ней было и трудно и легко одновременно. Ее темпераментный и нервный характер заставлял с ней считаться. А правда и справедливость, с которой она говорила все вслух и при всех, вызывал симпатию у всех тружеников и скрытую ненависть у руководства. Ее боялись. Старались не допустить к верхушке управленческого аппарата и терпели, помня о тех связях, которые у нее сохранились еще со времен работы в правительстве с самим Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Хрущев в свое время занимал пост секретаря ЦК КПСС Украины, а сейчас он руководитель СССР. Многие односельчане помнили, как стаканами пил самогон на новоселье дома у Зимогляд Ольги Андреевны полковник КГБ, ныне генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко. И какие только фронтовые анекдоты безбоязненно рассказывал о Сталине, Жукове, Ленине и Крупской. Даже в Хрущевскую оттепель, расскажи один из них простой смертный, по головке не погладят.

Жила моя мать Ольга Андреевна одиноко. У нее были замужние четыре родные сестры. А у меня двоюродные братья и сестры разных возрастов. Никто из них недолюбливал меня. Все считали меня байстрюком, так как родился я, хоть и в законном браке, но от распутного пьяницы Альберта.

Дружбы со сверстниками не получалось. Село дружно завидовало моей матери, и тихо презирало за безотцовщину. Хорошая сытая пища, экстремальные условия жизни в изолированном «коконе» закаливали. Я, как волчонок, научился огрызаться, давать сдачи...

Глава вторая

В воздухе стоял пряный аромат цветов. Легкий июльский ветерок, чуть касаясь, шевелил верхушки высокой и сочной травы, перебирая листики стебельков и от этого, казалось, что травинки шепчутся меж собой о сказочных, сокровенных тайнах скрытых в их непроходимых дебрях.

Вот бы забраться туда в зелень этих джунглей стать хоть на минутку таким, как трудолюбивый муравей, помочь ему перетащить огромную в три муравьиных роста соринку. Потом взобраться по скользкому, блестящему, словно лакированная жердь, стебельку к роскошному цветку клевера и попить, как пчела, нектар.

– Жу—жу—жу—жу—у—у—ж! – жужжит басовито шмель.

Черный комочек кружится некоторое время над цветком, словно прицеливаясь и, наконец, тяжело садится на розовый бархат бутона. Деловито, с легкостью, перемещая неуклюжее лохматое тело от кулечка к кулечку, он с явным удовольствием смакует сладкий нектар, совершенно игнорируя любопытный взгляд, рассматривающий шмелиный завтрак. Да разве есть время оглядываться по сторонам, когда рядом столько цветов, давай только поспевай, собирай сочный ароматный нектар. Да разве заметишь среди этого моря благоухающих разноцветными бутонами головок, да разве заметишь, когда глазами мальчишки смотрит само небо. Такие они синие, синие. Или, может, шмелю показалось, что это два василька повернули свои головки под легким дыханием лета.

Моя русая голова застыла в поросли разнотравья. Очарованный увиденным таинством природы, я смотрел широко открытыми глазами на нетронутую красоту трав, на снующих, с озабоченной суетливостью, насекомых, жужжащих, шуршащих, стрекочущих в траве. На деревья старого сада и наконец мои глаза встречаются с небом. Я смотрю в его бездонную синь, лежа на спине. Как хочется взлететь в безбрежный манящий простор, парить в нем, и смотреть, и смотреть с высоты на родное село. На сад, в котором я сейчас лежу. На пасеку. На старинный парк. На свой дом, что стоит вот рядом, стоит перелезть через забор и перейти дорогу.

Солнце подымается все выше и выше. Краски утра постепенно теряют прозрачность, превращаясь в выцветшие тона. День разгорается. На солнце становится жарко, настоящий солнцепек. Жаркий ветерок доносит запахи сосновой смолы. С трудом, оторвавшись от манящей прохлады трав, я пошел по ворсистой зеленой мякоти травяного ковра в сторону беленьких домиков—ульев выстроившихся ровными рядами за сетчатой оградой пасеки...

Сквозь стекла, единственного большого, окна на дощатый пол комнаты, падает сноп солнечных лучей, очерчивая аккуратный квадрат с шевелящимися тенями листьев в нем. Вплотную к подоконнику, расчерченном прямыми линиями (солнечных часов), приставлен стол, одновременно это и верстак для столярных работ. Пахнет терпким смолистым ароматом. Свежая стружка и пряный запах воска, исходящий от рамок, сплошь развешенных на стенах комнаты, создают этот удивительный аромат меда воска и сосновой стружки.

Обстановку подсобки пасечника дополняет печка выложенная почти до самого потолка. В углу комнаты, напротив окна слева, стоит металлическая бочка с центрифугой внутри. От большой ручки через шестеренчатое зацепление вращение передается на центрифугу.

За столом—верстаком сидит пожилой человек. Он держит в руках толстую книгу и внимательно читает. Сквозь спущенные на нос круглые очки в книгу смотрят карие сосредоточенные глаза из под нависших седых бровей. Старик внезапно оторвался от чтения, прислушался. За дверью раздались шаги. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на дверь. На пороге появился мальчишка:

– Здравствуйте деда!

– А, это ты, Валик. Входи, входи.– Сказал старик, мягким и добрым голосом.

– Деда, а пчел пора уже смотреть?

– Пора, пора. Давно уже прошла. Ох—хо—хо. Что ты раньше делал?

– Так я и так рано пришел. Просто, опоздал.– Сокрушенно ответил я.

– Ну, ничего.– Хитро заулыбался пасечник.

Он, с оханьем, тяжело поднялся и направился старческой шаркающей походкой к центрифуге:

– А я, тут тебе меда приготовил.– И, кряхтя он достал из бочки рамку с тяжелыми, полными янтарного меда, сотами.

– Бери кружку и набирай побыстрее воды.

Мед, смешанный с воском сот, таял во рту и был гораздо вкуснее меда, который едят просто ложкой. Я вынимал изо рта аккуратные жеванные комочки и бросал их в ведро, куда пасечник сбрасывал куски воска, чтобы затем сплавить восковой слиток. Эти слитки он обменивал на восковые заставки в рамках с размеченными на них аккуратными шестигранниками, под будущую пчелиную кладку. Насытившись медом, я отпивал два три глотка воды из тяжелой медной кружки и вновь принимался жевать сочные медовые соты. И так, смакуя, ел и ел до тех пор, пока пасечник не останавливал меня:

– Ану, покажи живот?

Я задираю рубашонку, открывая вздутый, как барабан и круглый живот.

– Ого! – нарочито удивленно, внимательно осматривая и ощупывая шершавой ладонью живот.– Тут уже мед стал выступать!

– «А, может, я объелся и у меня случится заворот кишок?» – с опаской подумалось мне. А спросить об этом хитрого пасечника не решался, вместо этого спросил:

– Деда, а, что это у вас за кружка такая?

– Какая, такая?

– Ну, такая вот, будто и маленькая, а тяжелая. – Я вертел в руках медную кружку,

– Вот у нас дома и большая, и легкая.

– Ну, так-то ж у вас, а то у нас.

На этом разговор обычно заканчивался. Но, мне хотелось поговорить. Я пытливо всматривался в седые лохматые брови старика, и продолжал:

– А что это вы читаете?

– Что читаю? Э—э, это тебе еще рано знать.

Он закрыл массивный переплет книги и отодвинул толстый том в сторону. Потом поднялся со своего стула, внимательно, рассматривая какие-то линии начертанные карандашом на подоконнике. Тень от оконной рамы уже совпадала с одной из них. Удовлетворенно крякнув, старик произнес:

– Ну, от уже пора и домой идти.

Обидно было в душе на старика. И что ж он такой неразговорчивый, пугает медом, выступившим на животе. Да-а, видно не любит пасечник гостей. По дороге домой я приостановился перед забором сада. Воровато осмотрелся по сторонам, затем торопливо задрал рубашонку и внимательно осмотрел живот. Живот лоснился от капелек пота, выступивших по всей его поверхности, и были те капельки так схожи с капельками меда, что палец сам невольно потянулся к липким бусинкам и собрал несколько на пучку пальца. На вкус капельки оказались

самыми обыкновенными потничками и были солоновато горьки. Вот если бы за этим занятием заметили его мальчишки, друзья. Навеки покой убежал бы от него. Но их не было рядом и мальчик продолжал изучать выпуклый живот. Он даже повернулся к солнцу, но все напрасно, кроме маленьких блесков—капелек пота, меда нигде не было. Значит, пасечник обманул его? Снова досада подступила к горлу предательским комом. Я насупился, заправил рубашонку в штаны, надел на правое плечо шлейку—подтяжку, чтобы не спадали, перемахнул через забор...

Лето, жаркая пора для сельских тружеников, работающих в поле. Летний день проходит быстро, как одна минута. Для детей, бегающих в детские садики, и школьников, отдыхающих на каникулах, летний день мчится вмиг, сменяя утро на полдень, полдень на вечер. И уже режут стада, возвращаясь с пастбищ, в медных лучах заходящего солнца. Раздаются голосистые призывы матерей, зовущих домой играющих детей.

Вечером, за ужином, я спросил у матери:

– Мам, а кто такой пасечник?

Мать не довольна ответила:

– Ты лучше у бабушки спроси?

Я снова насупился:

– «Ну, что же, почему же они не разговаривают со мной по-доброму? Э эх, вот отец Вальки все время с улыбкой, все время все рассказывает про все на свете».

Но, любопытство взяло верх. И я подошел к бабушке, которая в это время возилась, как всегда, у печки. Бабушка повернула ко мне лицо, все изрытое глубокими мелкими морщинами, с вечно дрожащим подбородком:

– Ты чего вскочил со стола? Садись обратно, я слышу.— Я снова уселся за стол, – Я картошечку с мясом достану.

Бабушка, ловко орудуя печными вилами, извлекла из печки чугунок с жарким.

– Ба а, а, бабушка?

– Та слышу, слышу. Чего тебе?

– А кто такой пасечник? – не сдавался я.

– Это же Федось Кузьмович, дьякон!

– Ба—а, а, бабушка, а, что такое, дьякон?

– Это тот, кто в церкви псалмы читает. Вот пойдем со мной пасху святить там и увидишь.

Глава третья

Бабушка моя была мне лучшим другом. Всегда защитой, всегда советчицей – другом одним словом. Мать же, занята работой в совхозе, практически не занималась мной – некогда. И я рос без должной материнской ласки, сам по себе. Отца у меня не было. Кто такой отец? Его назначение в семье ему неизвестно. Но бессознательное чувство влекло меня к чужим отцам. И посещая своих друзей, порой не хотелось уходить домой, такой уверенностью веяло от отца друга. Такой сыновней атмосферой окружали отца дети, что я всегда с сожалением возвращался домой. Что тут говорить, я в тайне завидовал соседской девчонке Вале и ее брату Володе Сениловым.

Однажды, я это запомнил на всю жизнь, отец повел детей в магазин. И я, как бездомная собачонка, увязался за соседями. Там чего только не было. И ружье, стреляющее пробками, и мячи, и даже самокат. Отец покупал детям игрушки, на выбор. Володя получил ружье и самокат. Валя, мяч и куклу. Мне, конечно, ничего...

Пришло время праздника Пасхи. Бабушка надела чистую праздничную одежду, мне выдала белую рубашку и новые бриджи, чуть ниже колен. На штанинах бридж были застёжки на пуговицах под коленями. И мы с бабушкой пошли к церкви. Из корзинки, которую несла

бабушка, исходил пряный аромат пасок, пирожков с домашним творогом, и запеченных на пирогах хлебных крестиках, и крашеные яйца.

У иконостаса поп в длинной рясе до пят стоял спиной к прихожанам и басом нараспев читал молитвенник:

– Отче наш, Иже—еси, на небесах. Да святится имя Твое. Да будет воля Твоя...

Церковный хор, из набожных старушек, звонкими голосами подпевал ему. В черном костюме и начищенных до блеска сапогах, облокотившись на узенькую трибуну, стоял лицом к хору Феодосий Кузьмович. На его длинном носу сидели круглые очки. Сквозь них он рассматривал тексты библии и тенором пел вместе с хором. В церковном зале многолюдная толпа прихожан, быстро крестилась в паузах хора. И крестное знамение, и хор, и торжественная тишина прихожан, наполняли пространство церковного зала и мое воображение ощущением какого—то таинства. И поддавшись всеобщему порыву набожности, я сложил три больших пальца правой руки в «пучку», как учила меня бабушка, и с замиранием сердца — крестился. Содеянный жест вызвал трепетное чувство ожидания чуда. Мне вдруг казалось, что вот, что —то должно произойти. Хор в это время запел:

– Господи, помилуй, Господи, помилуй. Помилуй на—а—с...

Из церковных высоких и длинных окон на иконостас падали снопы солнечных лучей, четко вырисовываясь в частичках пылинок церкви. Казалось, что вот-вот, еще одно мгновение, и по образовавшимся лучам сойдет Архангел Святой Михаил или Гавриил и освятит своим присутствием всю паству и пасхи прихожан.

Но кроме голосов хора, да шуршания одежд крестьящихся ничего необычного не случилось. Зато бабушка, глядела на внука, со слезами умиления, тепло нежно и ласково.

Я чувствовал от этого ее взгляда столько уверенности в себе, своих душевных силах, что нет теперь преград в мире, которые мне не преодолеть. Нет черных злых сил, которых мне теперь не одолеть. Вздохнув на полную грудь, впитывая в себя атмосферу торжественности и значимости происходящего, я уверенно крестился и слушал молебен и пение хора...

Домой из церкви возвращались весело. Набожные бабушки нахваливали внука моей бабушке. А я чувствовал себя в этот миг не одиноко.

Глава четвертая

Мне пять лет.

Как-то утром бабушка сказала:

– Ты давно не был в детском саду. Собирайся, сегодня пойдем!

– А где мама? – я протер кулачками глаза.

– Она в Киеве, на собрании.

Так бабушка называла конференцию колхозников, куда была направлена моя мама. О, как я не любил ходить в этот детский садик, одному Богу известно. В садике дети часто дразнили меня прозвищем «депутат», как сына матери бывшего депутата Верховного Совета Украины, а ныне депутата сельского совета села Шпитьки. Мне от этого было обидно и неприятно. Я за это, порой, даже сердился на мать за ее депутатство. У всех матери, как матери, а у меня какая-то непохожая на всех. Вечно у нее дела. Везде ей нужно успеть, побывать и на работе, и на сборах и на ферме, и на выставке. Ну, прямо не человек, а дело. Конечно, мне непонятна была добросовестность матери, давно снискавшая ей уважение. Ее любили работники совхоза, односельчане. Зато дети их почти ненавидели ее сына. Я редко видел маму. Но, случались минуты, когда она появлялась дома и спешила выслушать не сына, а его двоюродную сестру Нюсю. Сестра часто спекулировала своим положением в семье и жаловалась на невинные мои шалости. И вместо поцелуев долгожданной мамы, нередко доставался шлепок. Мне становилось обидно на мать, на зловредную сестру, на детей, дразнивших меня обидным словом «дипутат», и, наконец, на весь Мир, за то, что он такой красивый и приветливый, допускает суще-

ствование обид. Однажды, получив порцию истерических выпадов со стороны матери смачно сдобренных розгой, под ехидные смешки Нюски я не в силах сдерживаться от незаслуженных обид, выбежал на улицу. В эти минуты я твердо решил уйти из дома и никогда больше не возвращаться. Дорога шла к центру села, где были магазины и аптека. Пройдя метров двадцать, в сторону центра, я стал размышлять, а, что если зайти в аптеку и попросить лекарство, какое ни будь, чтобы не воспринимать так остро обид и не злиться. Эта мысль все настойчивее врезалась в меня и совсем побудила к действию, когда я поравнялся с аптекой. Не решаясь войти внутрь, я прошел мимо. Затем вернулся и решительно вошел в просторный коридорчик с широким окном. Постояв с минуту решительно толкнул дверь и вошел. Аптекарь стоял за прилавком. Увидел вошедшего знакомого мальчика, спросил:

– Что, Валик, что-то случилось с мамой? – он смотрел внимательно на мое заплаканное лицо, ожидая ответа. Слезы давили меня, я не мог отвечать. Аптекарь вышел из за прилавка и подошел ко мне.

– Знаешь что, ты расскажи мне все по порядку. Может какое-то лекарство тебе необходимо, я тебе дам, а деньги потом принесешь. Хорошо?

Я кивнув, в знак согласия, сказал:

– А лекарство от зла у вас есть? – и вопросительно уставился на аптекаря.

Он вначале не понял, что я спросил. Потом резко вскочил на ноги, отворачиваясь от меня, очевидно, прятал улыбку, быстро стал за прилавок аптеки, делая вид, что ищет лекарство от зла. Немного погодя, поднял голову от стеклянной полки с лекарствами, сказал: – А, что же такое случилось, что ты пришел за лекарством от зла?

– Та злые все, мама, Нюська. И даже моя бабушка не может меня защитить. Мама как бешенная, ее Нюська все время настраивает против меня, вот сучка, вот и все. – Слезы снова навернулись на глаза, дыхание сперло. Аптекарь, чтобы скрыть улыбку, быстро отвернулся в сторону подсобного помещения, сказал:

– Подожди, я скоро, принесу лекарство от зла. – И исчез за дверью подсобки. Через некоторое время он вернулся, держа в руке два круглых пакета таблеток.

– На вот это таблетки от зла. Будешь принимать после еды три раза в день.

Я обрадовался и с благодарностью принял лекарство. На душе у меня стало тепло и радостно, что так просто разрешилось мое бегство из дома, и уже нет никакого желания никуда бежать я выскочил из аптеки. Мимо проходил Леня Очколяс. Метров на двадцать он отстал от своей матери, которая шла впереди.

– А это ты Валик?

– Ты что, не видишь что это я? – ответил я ему.

– Ты что делал в аптеке?

– Вот купил лекарство от зла.

– Такого лекарства нет. – Авторитетно заявил Очколяс.

– Вот смотри! – я торжественно показал ему две упаковки.

– Так это же глюкоза. – Не моргнув глазом, ответил Леня.

Я не знал еще, что такое глюкоза. Но отступить было не куда, и я спросил:

– А что это такое, глюкоза?

– А дай мне я покажу.

– На. – Я дал Лене пакетик. Он деловито развернул его, достал одну большую таблетку и положил себе в рот. Потом достал еще одну. Протягивая мне, сказал:

– Возьми, попробуй. Они сладкие и очень вкусные.

– Льонька, – позвала Леню мать. – Долго я буду ждать тебя. Анну ка бегом ко мне? Вот возьму дубину, я тебе дам по мягкому месту.

Очколяс с недоеденным пакетиком бросился к матери, забыв вернуть его мне. Но мне уже было все равно. Снова обман и разочарование. Аптекарь выдал обыкновенную глюкозу

за лекарство. Но где мне понять уловку аптекаря, ведь эта глюкоза, как лекарство от зла, помогла мне оправиться от обид и привести себя в норму. Дала новый толчок к тренировке самообладания в стрессовых ситуациях в будущем и помогла мне осознать, что надо взвешивать свои поступки и действия, дабы сохранять спокойствие и самообладание...

Глава пятая

Я остро нуждался в друге, задушевном, сильном советчике, который заменил—бы отца. Быть с другом всегда и везде вместе, ощущать его защиту и поддержку, разве это не счастье. Такого друга не было. Одиночество волной захлестывало, подавляло душевные порывы к прекрасному видению Мира. Все казалось мрачным, неприветливым, враждебным. Особенно тягостно оно в минуты непонимания детьми, близкими и родными людьми, и я выдумал себе верных друзей. Так моим другом стал перочинный ножик, который помогал создавать из срезанных прутиков настоящие «сабли» или «ружья», которыми я сражался со злой крапивой, чувствуя себя в этот миг сильным и отважным. Цветное стеклышко, синее – синее, в котором мир предстал в таких синих красках, как в кино, и птицы, и листья в нем, и трава, и небо, все было синее. А небо днем казалось таким, каким было ночью. Только солнце, такое же яркое, как всегда, и смотреть на него сквозь синее стеклышко так же больно, как и без стеклышка. Еще моим другом был петушок. Он гордо вышагивал по двору. Его разноцветный хвост развивался на ветру, привлекая внимание несушек. Петушок здорово умел драться. И хоть я и побаивался его, но считал петушка своим другом, потому, что он никогда не был смиренным и вечно задирался ко мне. Бывало, растопырит крыло, и боком – боком подступает, воинственно покрикивает, как индюк. Я «саблей» отпугиваю забияку, но все напрасно. С диким кудахтаньем петух прыгает ко мне на голову, бьет клювом по голове и принуждает спасаться бегством. Я прячусь за массивной дверью деревянного коридора. А петушок с видом победителя, вышагивает, чинно поворачивая бока несушкам, мол, смотрите какой я герой. Горьки минуты одиночества. Последний год перед школой выдался особенно трудным. Открылся летний детский сад для детей работников колхоза «Большевик», зимой Шпитьковский детсад не работал. Бабушка собралась отвести меня.

– Ты снова улелся? – окликнула она меня. Я успел уже задремать, лежа на печке, мечтая о своих друзьях. – А ну ка слезай, а то уже девять скоро! – твердила неумолимо бабушка.

Я неохотно слез с печки. Снял длинный сестрин сарафан, служивший мне ночной рубашкой. Надел трусы, шорты на одной шлейке-подтяжке штанин, безрукавку и выбежал босиком во двор. Там уже меня поджидал забияка петушок. Птица, завидев своего врага, покосилась глазом, и пошла было в наступление, воинственно переваливаясь с ноги на ногу, как бы, подражая увесистому гусю. Но скрипнула, отворяясь, коридорная дверь и на пороге появилась бабушка. Петух нехотя отступил, делая вид, что собирает зерно, и никакого дела ему нет до мальчишки. Бабушка, заматавшись у печи, опаздывала с внуком. Но, тем не менее, бабушка взяла меня за руку, и мы двинулись в путь. Мне ничего не оставалось делать, как плестись следом за ворчащей бабушкой. Мы вышли на улицу. Дальше дорога потянулась аллеей столетних лип, остатки старинного помещичьего парка, буйным цветением встретивших меня и бабушку. Неожиданно бабушка остановилась и внимательно осмотрела меня:

– Боже ж ты мой! На кого ж ты похоже, а?! – она всплеснула руками, ухватила крепко меня за плечи и притянула к себе. Я завертел головой, но бабушка неумолимо стала облизывать чумазые щеки, смачно сплевывая грязную слюну. «Умыв», таким образом, мое лицо, она повела меня к детскому саду. А, мне, так не хотелось туда. Не хотелось расставаться со своими друзьями Ножиком, Синим Стеклышком, и Петушком, их не разрешалось брать с собой. Я нехотя плелся следом, намеренно отставал от спешащей бабушки. А каштаны приветливо качали зелеными листьями. Парк пел листвою приветливые гимны.

– Да иди же быстрее! – подгоняла она меня. И я подбавлял шага, но как только бабушка отворачивалась, уходила чуть вперед, снова отставал и, наконец, решил-таки спрятаться за ствол раскидистого каштана.

– Ты смотри какое вредное дитя? Удрало! От паршивец! А ну ка выходи?! – бабушка, ворча, таким образом, возвращалась, проходила мимо, а я выбежал из-за ствола каштана и насмешливо говорил ей в спину:

– Б—бабушка, а кого вы там зовете?!

– Ну, подожди, вот скажу воспитательнице тете Оле, она тебе крапивой, крапивой! От будешь знать, как издеваться над старыми людьми!

Вот и детский сад. Воспитательница полная, круглолицая, встретила нас у калитки.

– Я вас не приму. Уже все дети давно в столовой.

– Так и не нужно ему кушать. Пусть играет! – парировала бабушка.

– У нас так нельзя. – И, обращаясь ко мне, – А ты будешь наказан за опоздание. Последний раз принимаю тебя. – И уже бабушке, – Больше чтобы не опаздывали! – строго приказала она. На что бабушка махнула рукой проворчав:

– А-а-а! – Знаем вас, лодырей!

Я поплелся за воспитательницей следом.

В столовой было тепло и жарко, дощатые столы уже убраны.

– Садись за стол! – приказала воспитательница.

Я сел, стал болтать ногами. Неожиданно рядом вырос длинный худой мальчик. Это опоздал в детский сад Шут Коля. Я считал его своим другом. У него тоже не было отца и он тоже, как и я, сегодня опоздал в детский сад. Дружба наша началась еще из прошлого года, когда к нам домой приехала родная сестра моей бабушки по отцу мерить мою мать с Альбертом, моим отцом. Ее звали тетя Зина, и она жила в Москве, и работала стенографисткой в канцелярии правительства СССР. Мать говорила, что она стенографировала разные совещания правительственных встреч и даже присутствовала на визитах иностранных делегаций по приглашению правительства. Она привезла целую уйму шоколадных конфет с вишневым ликером, с коньяком, ну, в общем, мне было позволено взять целых два кармана в мой пиджачок. И тетя Зина, а мать строго настрого приказала мне не называть ее бабушкой, называть только тетей Зиной, хоть на самом деле она была мне двоюродной бабушкой. Тетя Зина вызвалась повести меня в садик, но мать не позволила, как оказалось, моя мать боялась, что меня заберет отец в Москву и отдаст на воспитание тете Зине. Вот поэтому я, с набитыми карманами шоколадных конфет, моя мать и тетя Зина вдвоем привели меня в детский садик. Вот тут то и появился Шут Коля, который раньше совсем не обращал на меня никакого внимания, так как он был на целый год старше и у него был свой круг друзей однодок. Он робко подошел ко мне и спросил:

– Валик, а дай мне конфету. – Он возник рядом с нами и не уходил, пока тетя Зина не сунула ему в руку конфету в красной обертке. Он взял угощение и, обращаясь ко мне, сказал:– Дай и ты мне, для хлопцев. А я скажу, чтоб они тебе не обижали. А если кто-то и будет к тебе задираться, то ты только скажи мне. – Он стоял и не уходил, теребя уже обертку от конфеты в руке. Тетя Зина сказала мне: – Валик, не давай конфет этих никому. Они с алкоголем и детям этих конфет нельзя давать.

Я почувствовал свою важность и значимость в эти минуты и обратился к тете Зине:

– Может, одну дадим? С одной же ничего не будет плохого. – Мать посмотрела на меня и сказала, – Ну дай ему одну. И пускай себе идет, угощает товарищей.

Я сунул Коле две конфеты, и он с радостью убежал к друзьям, суя в рот все сразу. Там еще два мальчика стали смотреть в мою сторону. Не трудно было догадаться, что они узнали от Коли. После недолгого совещания, Коля опять пришел, и так повторялось до тех пор, пока не кончились все мои конфеты. После чего Коля забыл о моем существовании...

– А, это ты, Коля. Садись рядом из Валиком. – Нежно, почти ласково обратилась к нему воспитательница тетя Оля, колыхая увесистым телом, пошла к раздаточному окну.

Столовая была сооружена в виде навеса. Разница в обращении воспитательницы ко мне и Коле, была заметной. Коля опоздал тоже, даже на большее время. Но с ним обращались особенно подчеркнуто ласково, когда рядом находился я. Я, конечно, не понимал такого обращения, где-то подсознательно ощущая себя изгоем.

Перед нами появились тарелки с супом со свежим горошком и кусками мяса.

Коля заглянул в мою тарелку и сказал:

– Дай мне твой жирный кусок, я тебе дам вот этот кусок «мяса».

В тарелке у Коли был большой белый кусень вареного подчеревичного сала.

– Это не мясо! – парировал я.

– Мясо! Мясо! Это оно такое белое и совсем нет там сала.

Не успел я ответить, как Коля бросил белый, дрожащий как желе кусок вареного сала в мою тарелку, и из моей тарелки зачерпнул аппетитное ребрышко с мясом.

Комок огорчения подступил к моему горлу, и я от обиды перестал есть.

– Возьми, съешь, это же мясо. – Уговаривал, не отставая от меня, Коля.

И поверив в это, я взял кусок в рот.

– Только ты проглоти его сразу. Это же мясо! – глядя широко открытыми глазами на меня, продолжал Коля.

Я сделал над собой усилие и проглотил варёный кусок чистейшего подчеревичного свиного жира. Снова обидно защемило сердце от обмана Коли, считавшимся другом. Я еле сдерживал слезы и тошноту все ближе подступавшую к горлу. Кушать не хотелось. Кусок жира застрял в горле тошнотворным препятствием. А ведь такой ароматный свежий горошек, зеленый укропчик и коровье домашнее масло сверху в супе. Любимый суп, теперь казался безвкусным. А тут еще повариха прицепилась:

– Ты чего не ешь?! Анну ка давай ешь!

Воспользовавшись минутой, когда она отвернулась, Коля схватил мою тарелку с супом и выплеснул под стол, затем быстро поставил порожнюю передо мной. Повариха обошла вокруг длинного стола и вновь приблизилась к нам:

– Ну, от молодец. Добавки дать?

– Не, я уже не хочу. – Промямлил я.

– На, вот, пей компот! – она поставила передо мной граненый стакан грушевого компота, пахнущим дымком. Я в мгновение осушил стакан, таким вкусным показался напиток после порции вареного, отвратительного жира. Казалось, дай мне ведро компота, в тот памятный момент, половину ведра наверняка выпил бы. Но порции были строго ограниченные.

Тошнота подступала. Стучало в висках. Красные бабочки запорхали перед глазами, дыхание чуть не остановилось.

С чувством омерзения я посмотрел вокруг и увидел напротив смеющуюся физиономию Коли. Мальчик ликовал. Издевка удалась, чувство победителя засияло в его самодовольной ухмылке.

В этот момент мне хотелось убежать домой к своим Друзьям, – рыжему петушку и собачке по кличке Марсик, к любимой корове Зорьке, и к вечно ворчащей бабушке Евгении Лаврентьевне.

Я выбрался из-за стола. Тошнота усиливалась, сердце учащенно билось, в висках стучало. Пошатываясь, я, как пьяный, поплелся к умывальнику. Там меня вырвало. Жирные отвратительные кусочки сала вместе с желудочным соком освобождали желудок.. Содержимое желудка выплеснулось в корытце умывальника, облегчая общее состояние. Коля, довольный собой, побежал на дворик, где шла веселая игра. Я умылся и протер лицо полотенцем, самочувствие мое значительно улучшилось, головокружение прошло, и я побежал в сторону веселых голо-

сов детей. Во дворе меня встретил гам детских голосов. Игра шла полным ходом. Кто лепил бабки в песочнице, кто дрался за формочки и совочки для песка. Кто собирал на клумбе, где, кстати, запрещалось это делать, цветы, пока тетя Оля провожала мою бабушку. Но лишь только она повернулась в сторону детей, все дети с невинным видом игрались. Шалости мгновенно забывались. Гроза – воспитательница с карающим стеблем роскошной крапивы, была лицом уважаемым и страшным для детского восприятия. Я влился в группку мальчишек возившихся с деревянной качелью, внешне чем-то напоминающей гигантское пресс-папье выкрашенное синей краской, успевшей кое, где облупиться. На меня дети не обратили никакого внимания. Двое из них сидели на сидении слева, а трое справа и с удовольствием качались. От неравного веса качели перекосилась и почти не качалась.

– Эй! Давайте я вам Киев покажу! – вдруг предложил я.

– А как?! – почти хором закричали мальчишки.

– Очень просто. Давайте я вылезу на сидение один, а вы все садитесь напротив меня и меня поднимет а ж до самых облаков.

– Ура—а! – дружно закричали дети.

Я вылез на сидение один, все пятеро, взобрались напротив, и меня подняло высоко над двориком детсада, над цветочной клумбой, над детьми.

– Ну, видать Киев? – спрашивал белобрысый мальчишка, с широко открытыми синими глазами.

– Видно! – авторитетно отвечал я.

– Анну, покажи! – все дружно бросились ко мне, и “ пресс-папье», кинуло меня вниз, переваливаясь в мою сторону.

– Ну, что вы наделали?! Я теперь уже не вижу ничего.

Но игра потекла уже в новом русле. Про Киев все забыли, принимаясь за игру «Квач» (в догонялки, кто кого догнал, тот и Квач). За веселыми играми я забыл о наказании, но оно поджидало меня, грозя неожиданной мстостью за ослушание бабушки.

Неожиданно появилась воспитательница тетя Оля:

– Дети поигрались?! – обозвалась тетя Оля, – Теперь дружно пошли строиться.

После завтрака, воспитательница тетя Оля, полная и неповоротливая от своей полноты, выводила детей в дубовую рощу на мягкую бархатистую траву. Она расстелила одеяло под толстым узловатым стволом старого дуба, поместила на него свое тучное тело и принялась за каждодневное свое занятие, вязание кофточек или штопанье чулков.

– Валик! – позвала она с ядовитыми нотками в голосе.– Ти сегодня наказан и играть не пойдешь. Сиди тут и никуда не отходи.

Что может быть страшнее за самое страшное наказание для непоседливого мальчишки, как сидеть возле воспитательницы, когда идет веселая игра прямо тут рядом перед глазами. Лишится игры, в которую рвется всей душой мое естество, а строгость запрета не позволяет отдаться наслаждению, тогда игра становится во сто крат привлекательнее, чем есть на самом деле. И это мир взрослых. Что может быть скучнее этого мира? Неужели взрослые не понижают сердец маленьких людей, ведь запреты в этом моем возрасте воспитывают обман и хитрость у маленьких. Так сидя рядом с тетей Олей, философски размышлял я. И грустные мысли повергали меня в дебри рассуждений о том, что взрослые могут только в разрешении стимулировать к игре ребенка, а запрет лишь ужесточает душу, толкает на преступление.

– Валик! – позвал изнывающего от скуки мальчишку, худенький и щуплый сверстник. Его широко открытые серо-голубые глаза, смотрели простодушно. Улыбка приветливая и добрая сияла, а вздернутый носик, делал все выражение лица безгранично наивным. Он жестаи стал выманивать меня за собой. Воспитательница в это время, посапывая, уже клевала носом, как-то умудряясь спать сидя, не опираясь спиной о ствол дерева. Я осторожно встал, на цыпочках забежал за дуб.

– Ну, что тебе, Павлик?

– Пошли, поиграем у Квач.

– А, если кто расскажет?

– Да не расскажет.– Заверил Павлик. Уговаривать меня долго не пришлось. Я весело побежал навстречу игре мальчишек и девчонок. Навстречу веселому ветру, не слыша голоса воспитательницы. Когда Павлик остановил меня, до сознания донеслось:

– Вот я тебе! Ты же наказан?! Анну ка иди сюда?!

И я, опустив голову, побрел в сторону зовущей тети Оли. Рядом с воспитательницей ехидно улыбался Леня Очколяс. Правую руку воспитательница уже держала за спиной, недобрый знак для меня. Я приблизился с опаской, наблюдая за этой спрятанной за спиной рукой. Видно, что-то там крайне неприятное, и страшно приятное зрелище ожидает Леню Очколяса. Не трудно догадаться, кто сдал меня и услужливо принес воспитательнице стебель крапивы. Когда же я приблизился на расстояние вытянутой руки воспитательницы, то это что-то, как я и догадывался, оказалось жгучей крапивой, которая прошумела в воздухе, опускаясь на щиколотки под сладостный дикий хохот Лени Очколяса. Слезы обиды и огорчения выступили на моем лице, я тихо заплакал, почесывая вздутые красные бугорки на ногах.

– Ну, что, получил? – язвил, радостно ухмыляясь Очколяс. Этот мальчик рос в многодетной семье. Он был моим сверстником, и был самым хрупким маленьким, и болезненным парнишкой из всех мальчишек в детском садике. Тонкие ноги и большой живот, делали его фигурку комичной, затеняя даже кукольные черты лица, а всегда ехидная улыбка и склонность ябедничать обо всех проделках мальчишек, сделали его ябедой. Мне стало обидно не столько на воспитательницу, а, скорее, на ябеду Леню Очколяса, который не только рассказал о самовольной отлучке, но, в чем я был уверен, даже принес орудие наказания, крапиву. И сейчас, улыбаясь, радовался мукам своей жертвы. Мне хотелось в эти минуты унижения забежать далеко ото всех, забиться, куда ни-будь в темный далекий угол, скрыться и побыть одному. Мне живо вспомнился дом. Петушок забияка, от которого я получал удары и совсем не обижался, потому, что петушок никогда не был близким другом. Он был другом—врагом и ничего больше. А Леня Очколяс умел быть и тем, и другим. Это сеяло недоверие к Лене, как к другу и не вызывало чувства злобы и желание победить, как врага. Единственное чувство, которое вызывал Леня в моем воображении, это было чувство жалости, родившееся еще тогда, когда мама рассказала мне, как хлопотала перед администрацией колхоза, чтобы многодетной семье Очколясов, у которых было пятеро детей, построить дом. Как семье рабочего колхоза погибшего от рук бандитов, объявившихся после амнистии. Она рассказала мне, в каких ужасных условиях живут Очколясы. В крохотной избе, крытой соломой, с земляным полом, наспех слепленной, после сожженного дотла добротного дома. Мама рассказала и о трудностях молодой женщины, матери Лени, оставшейся одной с детьми.

Врожденная зависть к зажиточным, как ему казалось, детям, породила ненависть и злобу в израненной бедностью душе.

К обеду жжение пожаленных ног утихло и почти уже не беспокоило. Настроение малопомалу вернулось ко мне, и уже беззаботно смеясь, я вышагивал в строю детей, подставляя подножки шедшему впереди Пономаренко Коле, толстому и неповоротливому мальчугану...

На следующий день я шел в детсад один без бабушки. Бабушка категорически отказалась меня водить в садик. А на замечание матери, она отвечала:

– Он знает дорогу и может сам уже туда ходить. Не маленький, ему скоро шесть лет исполнится, пускай привыкает! – на что мать отвечала.

– Оно же малое. А забредет куда-то?!

– Не забредет, не велика потеря! А была бы, в нужнике утопила бы и не мучилась бы! – мать проглотила обиду, молча, и уже ласково спросила меня, знаю ли я дорогу. Я как мог, рассказал, как идти в детский садик. Мать утвердительно согласилась. И я первый раз само-

стоятельно утром вышел из дома. Дорога шла парком. Впереди в кустах я увидел Льоня Очколяса, который воровато озираясь, что-то там искал. Меня он не видел и я, обрадовавшись, что дальше пойду не один в детсад позвал его:

– Эй, Льонька, ты, что там писал, или что?! Пошли в садик! – Леня, испугано посмотрел в мою сторону.

– Иди себе куда идешь. – Ответил не дружелюбно Очколяс.

Я подошел к нему ближе. И только сейчас увидел, что он ищет подходящий стебель крапивы для воспитательницы, чтобы этим орудием наказания она страшила детей, а Леня, как всегда, будет заслужено пользоваться большим доверием и благосклонностью. Я еще немного подождал его, но, боясь опоздать, ушел один. Когда я вошел на детскую площадку и стал рассматривать детей копошившихся в песочнице, из-за угла спального корпуса показалась тетя Оля. Она подозвала меня к себе и сказала:

– Валик, скажи мне, наверное, что-то в лесу дохло, что ты со своей бабушкой не опоздали сегодня в садик? – у воспитательницы было хорошее настроение, и эти слова она произносила с добродушной улыбкой, показывая ровные и белоснежные зубы. Я озадачено смотрел ей в рот, отвечая:

– Это в садике что-то издохло, так воняет с кухни, что, а ж дышать нечем. – Я сказал эти слова, не задумываясь, воняет там или нет, но замечание воспитательницы проняло меня своей беспредельно уничижительной формой обращения в отношении моей бабушки, которая была мне другом. В миг у тети Оли улыбку, как будто, кто стер с лица. Она покраснела, ничего не ответила. Повернулась и нервной ходьбой ушла за спальный корпус детсада в сторону столовой. Вскоре из столовой были слышны истерические вопли воспитательницы:

– Ты что тут развела, а?! Я, Клава, тебе спрашиваю?! – раздавался голос тети Оли. Замечание мое закончилось нагоняем для бедной поварихи, которая оправдывалась, рассказывая, что травила крыс, и, что какая-то, наверное, издохла под полом и воняет там. Вскоре на детской площадке появился Леня Очколяс. В руках он держал, как жезл, высокий стебель крапивы, высотой в свой рост, с толстым и прочным стеблем и большими пилообразными листьями. На его лице сияла торжественная улыбка выполненной просьбы воспитательницы и его крестной мамы, тети Оли. А в столовой в это время повариха, тетя Клава, после утреннего нагоняя, нервно стуча посудой, раздавала детям еду на завтрак...

Глава шестая

Утром, как всегда, в детском саду встречала детей тетя Оля:

– Вы ж сказали родителям, что сегодня будет полное солнечное затемнение днем, что бывает один раз в сто лет? – все дети дружно отвечали, что родители отнеслись к этому по-разному. Некоторых детей не привели в детсад, воспользовавшись предложением полного солнечного затемнения. Тех детей, кого родители привели в садик, снабдили задымленными стеклышками, чтобы не больно было смотреть на Солнце. Кто-то принес даже морской бинокль, и мальчики по очереди смотрелись в него. Было очень интересно и не понятно, почему с одной стороны бинокль приближает предметы, а когда смотришь с обратной стороны, то отдаляет их на большое расстояние. Я взял с собой свое синее стеклышко и смотрел сквозь него на Солнце. Но синее стеклышко не защищало глаза достаточно хорошо, и сквозь него было больно глазу, когда смотрел на Солнце. После мертвого часа и последовавшего за ним полдника дети, как правило, проводили время во дворе за играми. Воспитательница предупредила детей, что в четыре часа дня начнется полное затемнение Солнца спутником планеты Земля Луной. Чтобы никто не пугался, что это всего на пять минут и не больше. И что к детям придут родители, и будут вместе смотреть на затемнение. Лучше бы воспитательница этого не говорила. Дети притихли, испуганно посматривали по сторонам. Было всего десять детей, вместо двадцати трех. Солнечное затемнение начиналось с появлением родителей этих детей. Моя мать

пришла в выходной одежде. На ней был черный жакет и бархатная юбка. Она сообщила мне, что после затемнения ее повезут в райком партии в Святошино на собрание парторгов Киево-Святошинского района, и она приедет из Киева поздно вечером. Мне очень хотелось поехать вместе с ней. Я просился взять меня и, о счастье, она пообещала, что возьмет. Вдруг стало темнеть. Сумерки надвигались очень быстро. Совхозное стадо коров проходило мимо садика, так как правление приняло решение загнать коров в стойла, чтобы избежать нежелательной реакции стада на это редкое природное явление. Коровы стали громко и тревожно мычать. Где то вдалеке залаяли собаки. Щебетание птиц внезапно прекратилось. В мое подсознание стал заползать животный страх. Ощущение тревоги и надвигающейся катастрофы с наступлением темноты все отчетливее ощущалось в сумрачной и бесповоротно надвигающейся ночи. Солнце угасало на глазах и внезапно исчезло с небосвода. Небо укрылось россыпями звезд. Наступила тишина. Даже собаки перестали лаять. Слышно лишь завывание одинокого и далекого пса. Мать прижала меня к себе, стояла, молча, посреди детской площадки и вздрагивала от жуткого состояния внезапно пришедшей ночи среди летнего дня. Так длилось целую вечность, казалось, не будет этому конца. Внезапно повеяло прохладой. Солнца не было и мрак вступал в свои владения. Прохлада была ощутима от внезапного исчезновения жаркого солнечного света, и это добавляло страхов безвозвратности явления. У меня возникало чувство, что теперь никогда не будет солнца, а будет мрак. Но постепенно яркая полоска на месте солнца вырастала все шире и шире. И, о! Чудо! Солнце стало вырастать на небосводе и появилось вновь. Тепло вновь полилось щедрой рекой на парк, на листья, на детей и детскую площадку. Запели сельские петушки. Защебетали птицы, и все вернулось на круги своя. Я был счастлив и проникся ожиданием обещанной поездки с мамой на собрание в ее обком. Но мать, казалось, забыла о своем обещании. Я напомнил ей об этом, но мать мне не ответила. Она уже разговаривала с другими родителями, которые пришли за своими детьми. Наконец мать обратила на меня внимание и сказала мне, что меня, сегодня, заберет Нюська. Не выполненное обещание матери взять меня с собой больно резануло досадой. Вместо этого еще и сюрприз, что Нюська заберет меня. Что я сам не дойду до дома? Задавал я сам себе этот вопрос. Я твердо решил не идти домой вместе с двоюродной сестрой. После того как мать ушла вместе с другими родителями, я спросил у тети Оли разрешения идти домой, сославшись на то, что мать разрешила мне это. Она ответила утвердительно и я ушел. Нюська, конечно меня не обнаружила в садике и нажаловалась матери. Утром я получил розгами по мягкому месту от матери, под одобрительные ухмылки сестры...

О, время, как стремителен твой бег. Промчался еще один год. Наступила пора прощания с детским садиком. После обеда, в столовой, воспитательница объявила всем детям, достигшим семилетнего возраста, в том числе и мне, что сегодня они последний день в саду. Что до первого сентября им осталось ровно один месяц, что они уже почти школьники.

Через месяц первое сентября. Мне 7-м лет. Меня ждет первый класс. Новые товарищи, почти взрослые заботы.

«А, как я буду читать и писать? А, как считать?», – думалось мне. – Вон Пономаренко Коля знает азбуку, Лёня Очколяс умеет считать до десяти».

С горьким сердцем пожаловался Пономаренку Васе, брату Коли. Нет, не того Коли, который подсунил мне вареное сало, а другого Коли, уже ученика первого класса.

На что Вася авторитетно заявил:

– Мой брат не знал даже первой буквы. А, вот читает букварь. – Гордо сказал Вася.

– Что, правда?! – обрадовался я. И на душе у меня стало спокойней. Всей душой я потянулся к Васе, но Васе еще оставался в садике, ему в школу только в следующем году. Вот, как друзья познаются, в самый последний день.

– Ты рассказывай мне все, что там в школе. Мне ж аж на следующий год. – Попросил меня Вася. Вася и Коля Пономаренки жили по соседству с нами, и я часто ходил к ним играть. Стоит перейти через соседский огород и я уже у Пономаренков...

Мертвый час. Дети спят в своих кроватках. Последний мертвый час в детском садике, последний день дошкольного детства Я вздыхал и вертелся, никак не мог уснуть, переживал. Меня терзали страхи:

– «Как я пойду в школу? – с ужасом думал, ворочаясь на своей постели, во время мертвого часа, – Я ж не умею ни читать, ни писать, не знаю даже букв».

Я стал вспоминать буквы. Легко вспомнилась буква «А», как два телеграфных столба, сведенных сверху и скрепленных перекладиной. Ее-то легче всего запомнить, таких столбов вон, сколько хочешь на совхозных полях. Легко запомнилась и буква «О», похожая на обруч, которым дядя Федор скрепляет бочки для засолки помидоров и огурцов у мамы на работе. Как не старался Валик вспомнить еще хоть одну, хоть какую ни-будь букву, на память не приходило ничего. Он стал ворочаться. Лег на спину посмотрел в потолок, вспомнилась, почему —то бабушка у печки и ее кочерга.

– «Ага, похоже на букву «Г». – Подумал я, вороша в памяти приспособления, которыми бабушка ловко орудует, ставя в печку чугунок, разгребают жар. Но больше я не смог вспомнить. Валик повернул русую голову набок, прислушался. В подушке потрескивало, сминалось сено. В спальне раздавалось сопение спящих детей. Прожужжав, пролетела муха. Всюду царит сонная тишина. И вдруг на подушку рядом с моей головой шлепнулся скомканный зеленый листик липы. Я поднял голову, пружины предательски заскрипели. Внимательно оглядевшись по сторонам, обнаружил, что все спят:

– «Павлик? Не похоже, спит как убитый». – Думал я. Взгляд скользнул по кроваткам в дальнем углу спальни, потом остановился на соседе справа. Но одеяло Васи Пономаренко чуть поднималось в такт посапыванию, мальчик спал. В его открытом рту виднелись два белых зуба, и он всем своим спящим видом напоминал сейчас кролика, мирно спящего на подушке. Я обернулся направо, посмотрел на койку Лени Очколяса, Там, зашуршав, отодвинулся край одеяла и под ним воровато сверкнули бусинками черные глаза.

– «Ах, ты, ябеда! От я тебе!» – моя маленькая ручонка схватилась за край подушки и в одно мгновение мягкий снаряд, описав в воздухе дугу, опустился на укрытого с головой Леню. Одеяло с молниеносной быстротой распахнулось. На меня уставились широко открытые черные глаза Лени.

– Я тебе дам! – сказала лицо. И в ответ полетела ко мне подушка Лени. Дерущихся мальчиков остановили торопливые шаги за дверью. Когда тетя Оля вошла в комнату, картина, представшая перед ней, казалась, ничем не нарушала сонной атмосферы. Воспитательница озабоченно осмотрела спящих. Когда же ее взгляд остановился на моей койке, в ее глазах мелькнули недобрые искорки. Я лежал на скомканном одеяле кровати ногами в сторону подушки. Голова же лежала там, где должны лежать ноги. Мои закрытые глаза предательски трепетали веками. Изо всех сил стараясь изобразить сон, я силился не моргать веками. Однако напрасно, предательские ресницы своим трепыханием портили притворство. Строгая тетя Оля уже и так поняла все. Она тихонько вышла и через мгновение появилась вновь. В руке у нее, покачиваясь длинным стеблем, подарок Лени Очколяса, зажатая в правой руке, крапива. Она подошла ко мне «спящему» и принялась волочить крапивой по голому моему животу. Ресницы моих закрытых глаз отчаянно затрепетали, но тело лежало неподвижно. Леня Очколяс с умилением наблюдал со своего «укрытия» за происходящим. Ему очень льстило, что крапива, которую он так любовно выбрал сегодня утром по дороге в детсад, не увядает зря. Так окончилось мое дошкольное детство...

Глава седьмая

Уже дома меня встретила бабушка.

– Завтра воскресенье, пойдем на Бузову, на базар. – Торжественно сообщила мне Евгения Лаврентьевна.

Базар был далеко, за шесть километров от Шпитек. Местные жители называли это место «Базар на Бузовы». Населенный пункт хутор Бузовая располагается от Киева на тридцатом тридцать первом километре Брест Литовского шоссе.

Бабушка объявила эту новость и с довольным видом добавила:

– Может я уже не смогу пойти. Схожу хоть в последний. . .

Ранним утром я проснулся от легкого бабушкиного прикосновения.

– Вставай уже. – Она наклонилась надо мной в белом чистом платке и погладила меня по голове.

Я протер глаза. Поднялся, сонно поплелся на кухню. Там на табуретке стояло ведро с водой и кружка, а рядом, возле табуретки помойное ведро. Зачерпнув кружкой воды, набрал в рот, затем полил изо рта себе на руки над помойным ведром. И, намылив мокрые руки хозяйственным мылом, умылся. За бабушкой зашли две женщины средних лет.

Это были две тетки в белых цветастых платках. Одна дальняя родственница, тетя Маня из соседнего села Лычанки. И другая, старшая дочь бабушки, Мария или, как ее все звали, тоже тетя Маня. Они были, как и бабушка в белых платках. На тете Мане из Лычанки надета красная шерстяная юбка и коричневые туфли без каблуков. А тетя Маня из Шпитек одета в легкую длинную и просторную хлопчатобумажную юбку в серо—коричневую горошку. На ногах у нее сандалии. А моя бабушка надела мягкие домашние тапочки, в которых ей, как она сказала, будет удобно.

Солнце своими лучами коснулось вершин деревьев, окрасив их в нежно розовый цвет. На траве блестела роса. Картошка в огороде расцвела белыми цветами. Стояло затишье полевых работ. Та пора, когда урожай впитывал в себя влагу, удобрения и тепло – вызревал.

Крестьяне могли сделать передышку. Конец июля, начало августа. Затем, чтоб собраться с силами и убрать урожай, запастись на зиму.

Дорога медленно плыла под неторопливыми шагами женщин. Любопытными глазами я всматривался в окружающий мир, такой удивительный и огромный, насыщенный неумолкаемым пением птиц и стрекотанием кузнечиков. Криками снующих ласточек и синим-синим небом. День обещал быть жарким. За прохладой села дорога свернула в поле. Тут бабушка сняла тапочки и дальше пошла босиком. Женщины последовали ее примеру, приговаривая, что до базара так дойдут, а на базар наденут обувь. Медленно шли полевой дорогой через пространство в сторону синеющей извилистой линии горизонта. Солнце еще не поднялось к своему жаркому блеску, и идти было легко и приятно, хоть под ногами был мягкий песок. На Смолянке, по дороге на базар, нам встретилась девочка-подросток Катя. Смолянка, такое название эта местность приобрела из незапамятных времен, когда на месте старого русла реки Лыбедь, ныне поросшей сочной травой простор, текла полноводная речка, по которой плавали лодки рыбаков. На берегу этой реки тут был рыбацкий поселок, и место где конопатились и смолились рыбацкие суденышки. И называлась эта местность Смолянка. Ныне это было хорошее место для выпаса коров. Сюда на Смолянку Катя и выгнала Шпитьковское стадо. Она подбежала к нам и подбодрила приветствием. Всего за два километра от Шпитек, Катя рано выгнала стадо коров. Бабушка, отыскав нашу Зорьку, посмотрела в ее сторону. Зорька перестала пастись подняла свою морду и приветливо мычала бабушке. Евгения Лаврентьевна скомандовала своему отряду:

– Пошли, пошли скорее, а то еще за нами пойдет. – Быстро распрощавшись с Катей, мы двинулись дальше. Было приятно встретить соплеменницу так «далеко» от дома и ей нас повидать тоже.

Через поле прошли, когда солнце ощутимо грело в спины. Но первые деревья у обочины шоссе укрыли дорожников тенью, и идти стало легче. Бабушки решили передохнуть и уселись под деревом на траву, заодно и обулись. Бузовая, с ее базаром, была через шоссе. Достаточно пройти еще метров двести. Шум торгующей толпы, хрюканье, мычание и рычание животных, сливалось в отдаленном гомоне уже близкого базара.

На базаре тетя Маня из Лычанки купила поросенка. И он забился в мешке дикими воплями. С этим поросенком, без конца кричащим в мешке, мы ходили по базару, привлекая всеобщее внимание. Торговали здесь всем, лошадьми, коровами, щенками, кухонной утварью, обувью, одеждой, кормом для животных, семенами и так далее... Я не мог понять, что ищет моя бабушка. Но, когда тетя Маня из Лычанки подошла к женщине, держащей в руках детскую школьную форму, стала торговаться, я все понял. Бабушка заставила меня надеть китель. Все сразу одобрительно закивали головами, и форма стала моей за десять рублей. Поросенок в мешке, то затихал, то снова неистово орал на весь базар. И только тогда, когда тетя Маня из Лычанки осталась с односельчанином, торговавшим фуражом, мы избавились от поросенчьего пронзительного визга. Она уехала на телеге с односельчанином. А мы пришли тем же путем поздно вечером домой.

Пришли. Как приятно было после жаркого солнечного похода окунуться в чистую прохладу дома. Нас встретила мать в белом платке, повязанном на манер большевицких красных косынок. Приятно видеть ее приветливую улыбку, что было крайне редким явлением.

– Ну что, купили форму? – увидев покупку, она обрадовано спросила бабушку. И бабушка развернула узел. И достала оттуда школьную форму.

– А вы ж примиряли форму? – озабоченно спросила она, – Ану давай, Валик, надень.

Я надел на себя крайне неудобный пиджак школьной формы с металлическими пуговицами, фуражку с кокардой и стал похож на маленького юнгу с парусника, только китель был не морской, а школьный.

– Ну, теперь можно и в школу. – Откуда не возьмись, раздался голос Нюски.

Нюска считалась двоюродной сестрой, но вела себя, словно старшая и родная сестра, позволяя себе разные воспитательные выпады в мою сторону. Она была среднего роста, ей было шестнадцать лет. Отличалась ехидной подкупающей манерой поведения и, сейчас, она пыталась язвить:

– Ты как министр в министерской форме.

Она жила у Ольги Андреевны и была дочкой тети Феодосии или, как все называли ее маму, родную сестру Ольги Андреевны, тетя Феодосия, по-домашнему, тетя Феня.

Итак, смотрины прошли успешно. Бабушка Евгения Лаврентьевна больше не делала таких длинных путешествий и занималась хозяйством. Варила еду у печки, убирала грецкие орехи, помогала по уборке картошки с огорода. Так за заботами подошло первое сентября. К этому торжеству мать подготовилась сполна. У меня был новенький портфель, тетрадки, букварь, ручка, чернильница, чернила и все-то необходимое, что нужно первокласснику...

Глава восьмая

Наступил 1955 год и настал день Первое Сентября. Я пришел с матерью в школу и увидел несколько знакомых мальчиков и девочек по детскому садику. В основном большинство детей я не знал. Первое с чем пришлось столкнуться, это место за партой.

Я зашел в класс, выбрав удобное место, как мне казалось в центре школьного ряда, сел за парту. Но тут подошла девочка с круглым толстым лицом и торчащими в разные стороны косичками.

– Это место мое! – насупив брови, сердито сказала она. Я попытался возражать.

– Я первый сел тут! – на что девочка сказала:

– Посмотри под партой, там мой портфель.

Подняв крышку парты, я увидел там портфель. Пока я поднимался, освобождая место, класс быстро наполнялся первоклассниками. Не теряя больше ни минуты, Я ринулся на свободную парту рядом. Как только уселся там, сразу же посмотрел под крышку парты, там было пусто. Но мгновенно передо мной вырос белокурый стриженный под нулевку мальчик:

– Это место мое! – заявил он, – Я его занял!

Я сердито ответил:

– Тут нет твоих книжек. Я отсюда никуда не уйду, садись за мной.

Мальчик хотел возразить, но его мама усадила за соседнюю парту сзади. Когда прозвучал первый звонок и родители покинули класс, внезапно, я почувствовал страшную боль в волосах. Мгновение спустя до меня дошло, что меня, что есть силы, таскают за волосы. Я инстинктивно схватил руки противника и вскочил с места. Мальчик, оставляя в своих пальчиках клочки выданных моих волос, с трудом оторвал руки от моей головы. Моему бешенству не было предела. Потеряв контроль над собой из-за острой боли, я изо всех сил ударил соседа по голове кулаком. Мальчик тут же осел на своем месте, заплакал, и из его носа ручьем хлынула кровь.

В это время в класс вошла учительница. Она увидела это, бросилась к пострадавшему, и платком остановила носовое кровотечение. Затем, как ничего не произошло, начала первый урок. Она представилась:

– Дети, я ваша первая учительница. Мене звать Ольга Васильевна. Я буду вести вас до четвертого класса. – Она сделала паузу, а затем продолжала:

– А теперь давайте познакомимся. Я буду называть фамилию, имя и отчество каждого, и, каждый должен подняться со своего места, чтобы все видели его.

Знакомство началось.

Когда очередь дошла до меня, я услышал свою фамилию, почувствовал, как краска заливает лицо, встал.

Весь класс смотрел в мою сторону и мир, казалось, замер в ожидании чего-то не обычного, так мне казалось в эти мгновения (и это было так, потому, что в будущем, спустя много лет, выйдет мое произведение, роман «СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ», который всколыхнет весь Мир).

– Садись! – донеслось до слуха слово учительницы. И я, повинувшись голосу учительницы, сел на свое место за партой.

– Кливчук! – назвала следующую фамилию Ольга Васильевна.

Встал белобрысый мальчик со следами крови на носу. Оказалось, что этого мальчика зовут Колей и ему уже восемь лет. От мальчишеских глаз в классе не скрыть мою драку с Кливчуком Колей, и, мальчики зауважали меня, равно как и убоялись. Но борьба за лидерство велась постоянно ежечасно, и, ежеминутно.

В классе надо было учиться хорошо, даже на отлично, что достойно лидера.

На перемене лидер должен быть самым сильным, но старшеклассники любили, при случае, показать свое превосходство в силе и лидерстве. Показать старшекласснику беспомощность младшеклассника, особенно престижно. Но унижить лидера младшеклассника старшекласснику не менее престижно перед своими одноклассниками.

На этом и построены были в то далекое время все отношения в сельской школе между мальчишками.

Родители ушли раньше и первый школьный день закончился. Впервые дети, как взрослые, шли домой самостоятельно.

Я обнаружил, что следом за мной идет девочка из нашего класса. На следующее утро я столкнулся с ней, когда выходил из калитки своего дома на улицу.

– Здравствуй. – Поздоровалась она тоненьким голоском и опустила глаза.

– Здравствуй. – Ответил я.

И мы, молчаливо, шли в школу...

Осень. Желтые листья на стройном ряду каштанов возле церкви и синее-синее небо, бодрящая прохладца осеннего ветерка, жужжание ос, шныряющих, как быстрый полет камешка, все это бабье лето. Юные школьники шли улицей в школу мимо каштанов, церкви и школьной спортивной площадки. Вот ступеньки входа. Попутчики слились с толпой спешащих школьников, и скрылись за дверью школы.

– Итак, дети, сегодня мы во второй раз пришли в школу. – Начала урок Ольга Васильевна.

– Сегодня я вам расскажу, как необходимо вести себя в классе. – Она стала рассказывать о том, что надо делать, когда нужно что-то спросить и т. д. Неожиданно с последней парты вскочил мальчик и стремительно ринулся на выход. Хлопнула дверь, растерянная учительница раскрыла рот от неожиданности, слушая шаги удалявшегося ученика.

Мальчик вскоре вернулся и также стремительно прошел на свое место. Учительница и в этот раз не смогла прореагировать, только стояла растеряно у доски с открытым от удивления ртом.

– «Даже не поднял руки и не спросил выйти». – Подумал я. Мне не было понятно, почему Володя Ципа (так звали мальчика) не понял, как надо проситься выйти из класса. Учительница, оправившись от неожиданного поведения ученика, спросила:

– Ципа, ты чего вышел без разрешения? – Она вопросительно смотрела на ученика, ждала ответа. Ципа сказал:

– Я вышел на улицу. – Ответил тот.

– Почему? – Ждала объяснений учительница.

– Я писать хотел. Вышел и пописал под забором школы. – С этими словами Ольга Васильевна покраснела до ушей. Затем немного оправившись, стала спокойно объяснять:

– Володя, и все дети, слушайте еще раз, когда вам необходимо выйти в туалет, нужно поднимать руку. И когда я спрошу, что вам нужно, вы ответите, что мне необходимо выйти. И только по моей команде, когда я скажу идите, вы можете выйти. Понятно?!

Дети хором ответили:

– По—ня—тно—о!

Я пришел со школы в приподнятом настроении. Бабушка была на огороде. Она копала картошку. Я это понял сразу, увидев лямку запора, брошенную без замка прямо на скобу калитки. Это значило, что хозяйка на огороде и в доме никого нет. Я поставил портфель под дверь коридора и пошел на огород искать бабушку.

На огороде, среди сухих картофельных стеблей, румяных шаров тыкв и сухих листьев тыквенной ботвы, низко, наклонившись над землей, стояла бабушка и крючковатыми черными от работы пальцами разгребала землю. Белые клубни картошки выныривали на поверхность, ловкие пальцы хватали их, и каждая, по величине, падала в свою строго отведенную корзину.

– А, это ты, Валик? – ласково обратилась она ко мне. С трудом выровнялась. – Ну, идем уже кушать. Я сегодня сварила борщ с фасолью и мясом. Еще гречневая каша.

У бабушки было хорошее настроение. Сегодня прекрасный, теплый осенний день. Богатый урожай и любимый внук, хоть и безотцовщина, но любимый, пришел со школы, все-таки есть работа, все-таки есть о ком позаботиться, и все-таки есть минутка, когда можно отдохнуть. Бабушка, охая и волоча корзины с картошкой, громко скомандовала:

– Лопату возьми!

Я послушался, и мы пошли к дому. Лопата волочилась за мной. У коридорной двери я поставил лопату и вошел в коридор следом за бабушкой. Уже в доме бабушка сказала:

– Помой руки. И садись за стол.

Я вымыл руки с мылом, вытер полотенцем и сел за стол. Бабушка в это время суежилась у печки. И кухонная комната наполнилась ароматными запахами свежесваренного борща. Вскоре на столе появилась глубокая миска с дымящимся борщом.

– Каши гречневой не хочешь? – спросила бабушка, доставая из печи еще один горшок с отборно-зернистой гречневой кашей. Каша вкусно пахла, издавая аппетитный аромат, и, я деревянной ложкой достал кашу и насыпал ее в борщ. Помедлив, положил еще. Борщ переполнил края миски, обозначив круглую красную обводку, отливающую золотистыми блестками жира.

Я ел досыта. Живот упругим стал, как барабан, а бабушка все приговаривала:

– Хлеба бери, ешь. В школе набегался?

Я съел мясо, а кость с жиром на ней оставил в миске.

– Почему сала не ешь? – строго спросила бабушка. – Вот Очколясы так все едят!

– Так-то ж Очколясы. – Ответил я и встал из-за стола.

– Пойду, погуляю, – сказал и вышел.

Уроки не заданы, ведь в школе он был всего два раза. Было четыре часа дня. В садике, в кроне высокой груши-дички, шумела листва, лениво чирикали воробьи. На дороге за забором сонно прогрохотала телега, подняв тучу пыли. В атмосфере стоял пряный аромат осени. Пожелтевшая листва на грецком орехе колебалась в дуновениях ветерка, призывая к сбору плодов. Кожура на большинстве орехов потрескалась, пришло время собирать плоды. Там на ветке, в кроне ореха, мелькнул оранжевый комочек. Я присмотрелся и увидел рыжую белку, нервно запрыгавшую с ветки на ветку.

Я запустил в нее орехом. Мое путешествие закончилось на огороде, туда вскоре вернулась бабушка.

– Бери лопату и подкапывай! – скомандовала бабушка.

Я сказал в ответ:

– Нет, не могу. Я так наелся, что будет заворот кишок.

– Вот лодырь! – недовольно поругала меня бабушка, – Тогда иди и не мозоль глаз моих.

Я быстро ушел с огорода.

На следующий день утром, по дороге в школу, я снова столкнулся с девочкой. На ней форма в виде маленькой гувернантки. Такую форму я видел в дореволюционных книжках с картинками, которые находил на чердаке дома.

Белый передник на коричневом платице особенно подходил к ее двум косичкам с бантами. Она несла большой портфель.

– Здравствуй! – тоненьким голоском, подражая взрослым, поздоровалась она.

Тебя Валик звать? – спросила она.

– Валик, а тебя ж как? – я в школе слышал ее имя, но не запомнил.

В классе заметил, что она сидит возле стены с рыжеволосой девочкой.

– Меня звать Шура, – сказала она, взглянув на меня серыми огромными и чуть раскосыми глазами. Ее красиво очерченные брови были длинными и чувственными, слегка припухлые губы приветливо расплылись в улыбке.

– Так ты в школу? – авторитетно спросил я.

Девочка опустила глаза и пискнула:

– В школу.

– Ну тогда пошли вместе.

До самой школы шли молча. Возле школы мальчики увидели их вместе и понеслось:

– Жених и невеста, тили-тили тесто, жених и невеста!

Я и Шура покраснели до ушей. Каждый из нас твердо решил больше не ходить вместе в школу.

Утро. Воскресенье. Моя мама уехала с яблоками на базар в Киев. Бабушка, как всегда, вертелась у печки.

Солнце яркими, еще розовыми лучами проникает в комнату. На душе у меня тоскливо и одиноко.

Увы, село отвернулось от меня, вернее его половина. Полнейший бойкот со стороны детей, ибо ходят слухи; что дом Ольга Андреевна построила за колхозные деньги; «... и выплодила байстрюка». Хоть и боялись ее и одновременно уважали, но дети дружить со мной не хотели. Друзей не было. Утро, тоска, хочется игр и развлечений со своими сверстниками. И я решаю пойти в гости к своим двоюродным братьям. Я встал, надел свои неизменные вельветовые шорты с одной шлейкой-подтяжкой. Рубашку и пиджачок на одной пуговице, черевички, и сказал бабушке:

– Я до Бабченка Коли.

– Скажи, пусть там тебя накормят! – строго приказала бабушка. Мама Бабченка Коли была средней дочерью Евгении Лаврентьевны, а мне приходилась тетей Ганей, так ее называли знакомые дети ее сыновей Бабченка Коли и младшего Шуры. Она работала в колхозе дояркой, и сегодня в воскресный день у нее был выходной.

Я вышел на улицу. Солнце светило прямо в лицо, по радио разносилась песня: «Вставай страна с рассветами на встречу дня...».

И солнце, и песня, и радость бытия прогнали меланхолию одиночества, а с ними вселилась и вера в собственные силы. Вливалась во все мое естество непередаваемая бодрость и энергия. Казалось, что дорога проходит мимо величественных зданий Московской улицей. И это утро, и рассвет, и песня были так близки моему, возникшему вдруг, настроению, что, особенно остро, хотелось поделиться своими ощущениями с друзьями, которых не было. Хотелось поделиться с друзьями, которые поняли бы меня и разделили со мной ощущение радости жизни и гармонии бытия, но жизнь вносила свои не преодолимые коррективы. И мне, не искушенному еще в перипетиях жизненных препятствий, предстояло разобраться в хаосе взаимоотношений между людьми, детьми и взрослыми, женщинами и мужчинами, жизненного бытия...

Дорога пылилась и песок, почти пыль, был еще розовым от солнечных лучей раннего утреннего солнца. Розовой дорогой, в запахах, доносившихся отовсюду богатого вызревшего урожая, я шел этой дорогой в неизвестность.. Я хотел этой неизвестности, и хоть это было в воображении, а наяву почти казалось правдой.

Вот и ворота двоюродных братьев. Было очень рано. Я открыл тяжелую калитку и услышал неистовый лай дворовой собаки, сидевшей на цепи возле своей будки. На собачий лай выбежала тетя Ганя – мать Коли и Шурика Бабчеков, родная сестра моей матери Ольги Андреевны. Она с не срываемым раздражением сообщила мне:

– Парни ще спят. – И выплеснула из таза, прямо с порога, грязную воду после промывки картошки.

Я понял, что ему предлагают уйти. И нахмурившись, ответил:

– Ну, я ухожу. – И закрыл за собой калитку. Ком обиды подступил к горлу, и я решил пройти чуть дальше, недалеко почти рядом с домом Бабченка, только через дорогу, жила двоюродная сестра Шлейченко Ольга или как родственники и дети называют ее Леська, она же дочь тети Мани.

– «Пойду до Леськи».

Я вошел в калитку. На пороге меня встретила тетя Мария, или по домашнему, Маня, старшая сестра моей матери, Ольги Андреевны.

– Это ты Валик? А что мама, чем занимается?

– Мама в Киеве. – Ответил я

– А что повезла, неужто яблоки?

– Да, яблоки.

– А бабушка, что делает?

– Варит еду в печи.

– А что она не собирается до своего брата, деда Григория съездить?

– Не, не знаю. Не собирается.

– А что, разве ты не знаешь? Что она тебе не говорила, что собирается у Переяслав-Хмельницкий съездить?

– Нет, не говорила.

На пороге хаты, крытой соломой, внезапно появился красивый мужчина в белой майке и светло-синих спортивных шароварах.

– Здравствуй, Вася. – Поздоровался.

Мужчина кивнул пшеничными кудрями, приветствуя меня.

– Я сейчас тебя сфотографирую, хочешь? – приветливо ответил он и скрылся в сенях.

– Заходи, я вареники з маком сварила, покушаешь. – Заботливо сказала тетя Маня. Не успел я ответить, как на столе возле порога появилась глиняная миска вареников.

– Вон там умывальник, пойди помой руки. – Приказала тетя Маня. Я щедро намазав свои ладони душистым мылом, сполоснул под струей из умывальника и вытер насухо. Затем уселся за стол на лавочку. Взял рукой одну из миски и стал есть. Вареники были в меду и очень вкусные. В руке появился следующий вареник. Но Вася был уже с фотоаппаратом и я с зажатым в правой кисти вареником стал под бревенчатую стенку хаты фотографироваться. Сфотографировав меня, Вася попросил, чтобы я снял и его. Что я с удовольствием выполнил.

Недавнее огорчение у Бабчинков сменилось поднятым настроением и веселой компанией старших двоюродных родственников. Вскоре я снова был за столом, и светлые добрые улыбки светились приятным расположением ко мне. Домой я вернулся в три часа дня. Мать уже приехала с базара и привезла на вырученные деньги французских булочек с изюмом. Бабушка, как всегда, достала из печки жаркое, вкусно пахнущее дымком и с кусками не жирной свинины и я и мама стали обедать, под разговоры бабушки.

– Пока лето, надо съездить в Переяслав, а то уже не увижу хату, где выросла и Григория, – вытирая жирные руки о фартук, говорила бабушка.

– Если надо, то надо, – не возражала мама, и добавила, – а кто будет еду готовить? Я ж на работе?

– Я попросила Маню чтобы, пока меня не будет, похозяйничала. – Я не выдержал и вставил свои пять копеек:

– Бабушка, возьмите меня с собой.

– А, мама отпустить, то я й возьму? – хитро, глядя на мать, спросила бабушка.

– От Мани нечего делать? – сердито ответила мать. Отъезд бабушки явно ей не нравился. Было видно, что это ей испортило настроение. Не доев жаркое, мать вышла из дома на двор.

Бабушка собралась и через неделю, в сопровождении тети Мани и ее сына Василия, старшего лейтенанта ВВС в отпуске, уехала на вокзал. Сначала, как всегда, помог дядя Ваня. Он подъехал на подводе, запряженной двумя лошадками и забрал всю компанию, чтобы доставить до Брест Литовского шоссе, которое от Шпитек в трех километрах. Там на рейсовом автобусе провожатые отвезли Евгению Лаврентьевну на вокзал. У брата Григория бабушка прогостила две недели. Она приехала помолодевшей, с радостными впечатлениями и конечно с подарками. Это были две голубиных тушки, и с десятка два голубиных яиц, так как дедушка Григорий был заядлый любитель голубей и содержал большую голубятню с породистыми и редкими особями голубей. Он хотел подарить бабушке двух редкой породы голубей для меня, но бабушка отказалась, мотивируя тем, что негде содержать. Когда я узнал об этом, огорчился. Бабушка лаконично и точно ответила на мое огорчение:

– Хочешь, чтоб понасрали тут? Кто будет убирать, а? – и вопрос отпал сам собой. Но зато дедушка Григорий смастерил мне из натуральной кожи добротные сапоги. Они пришлись мне точно по размеру, потому, что бабушка перед отъездом сняла мерку с моей ноги. Сапожки надо было смазывать дегтем, и дядя Ваня для этого принес пол-литровую банку березового

дегтя. Где он взял этот деготь, одному Богу известно. Я смазал сапоги дегтем, и они заблестели и пахли дегтем, приятно щекотало от этого в носу. Все-таки получать подарки здорово.

Глава девятая

Наступила ранняя оттепель. Конец февраля, начало марта принесло таяние снегов. Талые воды не успевают уйти в землю. Мерзлые слои надежно задерживают и образуются целые озера. Утром, стеклянным блеском, отражая розовые лучи восходящего солнца, блестит в них лед. К вечеру лед тает, чтобы ночью вновь превратится в стывшее стеклянное поле для катания на ногах.

Ночью в погребе оказалась вода.

Мать обнаружила ее в четыре часа утра, тревожно заглянув туда. Картошку затопило, затопило двадцатисантиметровым слоем, и вода медленно прибывала.

Меня разбудил нетерпеливо-злой окрик матери:

– Анну вставай, помоги носить воду!

Я не сразу сообразил куда носить и что носить. Хотелось спать, глаза слипались, хотелось снова лечь в кровать, в самый разгар уютного тепла нужно было вставать в мерзкую холодную хлябь. Но неумолимый окрик повторился снова:

– Я дубину сейчас возьму! А ну вставай, гадовая душа! – не на шутку злой голос матери пулей вытолкнул меня из постели.

Через минуту в больших резиновых сапогах я уже шлепал по ступенькам погреба с ведром, полным талой воды и выливал за порог.

Несмотря на нечеловеческие усилия, вода не убывала. Рассвет медленно подкрадывался, вытесняя серой мглой свет свечи, в котором проявлялось изможденное решительное и злое лицо матери. Я знал, что вычерпывать воду бесполезное занятие. Надо найти дырку, откуда она поступает, и забить ее. Вода из погреба уйдет сама в землю.

Сказать матери, значит услышать унижительные, оскорбительные слова, что-то вроде:

– «Лодырь. Хочешь чтоб затопило?!!» – и в таком роде что-то еще. Но я жалел мать и решил все-таки сказать:

– Надо забить дырку. Ты же видишь уже светло, а воды не убавилось.

– Умный ты, как Берковы штаны. Так покажи, где эта дыра? – мать с ненавистью смотрела на меня, добавляя для связки слов, – Я вот плетку возьму, и как дам тебе, лодырь. А ну ка носи воду, и не смей мне указывать, что мне делать. Ач какое?!

Мне было неприятно слушать все это от несчастной женщины, но я стерпел и решил днем найти и забить дырку.

Шарканье шагов в предрассветной мгле насторожило барахтающихся нас в погребе меня с матерью.

– Кто там? – спросила мать.

– Это я! – ответило пространство мужским голосом.

– А это ты, Иван! – мать узнала Бабченка, отца мальчиков Коли и Шуры.

– Что, залило?

– А ты не видишь? – чуть не плача от бессилия сдавленным голосом ответила моя мать.

– Надо поднять картошку. Или засыпать немного погреб.

– То взял и поднял бы.

– Хорошо. Давай доски. Я помогу вытащить в ящики картошку из воды, а потом сделаю настил.

И работа закипела вновь. Мать неожиданно scomандовала, глядя в мою сторону:

– Иди, собирайся в школу.

Я стрелой бросился в дом. У печки грела завтрак бабушка. Тепло, уютно обласкало уставшее и не выспавшееся тело. Ничего не хотелось делать, шевелиться, думать.

– Сынок, иди к столу. – Голос бабушки заставил вздрогнуть. Я стал, есть почти остывший гречневый суп с мясом.

– Я тебя будить не хотела. Совсем замучила дитя. – Сокрушенно качала головой бабушка и добавила, – Говорила ж, была бы у нужнику утопила, и сама не мучилась бы и его б не мучила.

В школе я кивал головой, засыпая на уроке Украинского языка.

Надежда Григорьевна монотонным сонным голосом с посоловелыми от каких-то своих забот серыми глазами медленно преподавала грамматику. Да так, что казалось, мухи в нашем классе при полете от доски к окну не долетали, а падали, засыпая от этого голоса прямо в полете.

Упав на руки, я крепко уснул. Проснулся от жгучей боли, кто-то остервенело, таскал меня за волосы.

Когда окончательно я пришел в себя и вскочил на ноги, чтобы хоть как-то унять острую боль, то увидел уже не в седой дымке, а стальной взгляд учительницы, крепко державшей пятерней мои волосы на голове. В классе воцарилась мертвая тишина. Дети с любопытством наблюдали эту сцену инквизиторской экзекуции. Таская мою голову за волосы, как маятник у напольных часах, с металлическими нотками в голосе учительница в такт колебаний, как автомат, чеканила слова:

– Чтоб завтра была мама в школе! Без матери не смей приходить! Повтори, что я сказала?!

– Что-о б м-м-атерь была в школе. – Делая над собой усилие, чтобы не расплакаться, повторил.

С широко открытыми глазами на меня с противоположного конца класса смотрела Шура. Я впервые ощутил сочувствие в глазах девочки, и это укрепило во мне внутренние силы, дало толчок в сторону уверенности в себе. О, как хотелось мне в этот миг плюнуть в эти сонные, ненавидящие глаза, желчно-бледное лицо Надежды Григорьевны, преподнесившей прекрасный поэтический Украинский язык так бездарно и нелепо. Но, судьба сдерживала меня. Горечь душила горло. И я без сил опустился на скамью парты.

– А те-пе-рь дети, за-пи-шите до-ма-ш-нее за-да-ние. Иван Франко, выучить на память стих «Каменяри». – Монотонно диктовала Надежда Григорьевна.

По дороге домой меня догнала Шура.

– Послушай, что эта падлюка так тебя таскала за волосы?

– Я вчера ночью вытаскивал воду с погреба и не выспался. – Объяснял я Шуре. – Мать злющая, как ядовитая змия, а тут еще в школу ее вызывают. – Вздохнул я от безысходности навалившихся обстоятельств на мою голову.

– Ну, хочешь, я пойду, поговорю с твоей матерью. – С участием сказала Шура, – Может это поможет.

– Нет, не нужно, я сам! – я твердо решил не вызывать мать в школу и ничего ей не говорить об этом происшествии с учительницей Украинского языка. Возле калитки моего дома девочка подошла ко мне и протянула свою руку, – До свидания, Валик. Не волнуйся.

Я невольно пожал ей ладонь. Впервые ощутил прикосновение девчоночной руки и очень удивился холодной руке девочки. Как будто кусочек живого льда нес я домой в своей правой ладони и в то же время прохлада этого «льда» чудесным образом согревала мою душу.

Дома мать была в очень хорошем настроении. В погребе не было воды. Бабушка рассказывала мне, ставя на стол дымящуюся миску с борщом.

– Иван нашел кротовину и забил ее тряпками и камнем. Сделал настил и картошка сейчас на настиле.

Вздох облегчения поневоле вырвался из груди, и я с аппетитом принялся за еду.

– Ну, что там, в школе? – спросила мать.

– Что, что, оценок нет, к доске не вызывали. Поем да начну делать уроки.

– Может, гулять пойдешь? – ехидно спросила мать.

– Мама, мне сейчас не до гулок.

– Гляди мне, – и, обращаясь к бабушке, сказала. – Пойду на работу, скажу, чего меня сегодня не было.

А я про себя подумал:

«Вот если бы сказал сейчас, что ее ждут в школе, что бы был-о-о?»

Боязно думать о завтрашнем школьном дне, о зануде учительнице Надежде Григорьевне и лишь бабушка внушала уверенность и давала какую-то внутреннюю силу.

– Пойди, поспи немного, – сказала она в унисон моих мыслей.

– А, мамка?

– Пошла уже. Иди!

И я с полным животом борща лег на диван в спальне матери. Тяжелым сном сомкнулись веки. Я проспал с трех часов дня до пяти. Проснулся со страшной головной болью и тошнотой. Встал и вышел на воздух. Голова прошла только утром. В школе чувствовал себя хорошо...

Глава десятая

– Валик, можно тебя на минутку? – Голосом заговорщика подошел ко мне одноклассник Очкаляс Леня.

Я в душе почувствовал неладное:

– Чего тебе?

– Я подслушал разговор Трофима Петровича з Надеждой Григорьевной, и она сказала, что вызывала твою мамку, а твоя мамка не пришла. Вот увидишь, что-то будет?

Леня злорадно заглядывал в мои глаза, пытаясь разглядеть там испуг.

Я выдержал этот подленький взгляд ябеды, ответил:

– Так и что? Придет?

– Ну, так я пойду, скажу Надежде Григорьевне, чтобы вона не волновалась?

Очкаляс, не дождавшись согласия, бросился в учительскую. Вскоре оттуда вышел, припадая на протез вместо левой ноги (ногу учитель потерял на фронте), классный руководитель, учитель истории, Трофим Петрович. Он жестом махнул рукой, поманил Меня. Я с замирающим сердцем двинулся в учительскую.

Там была Надежда Григорьевна и другие учителя, Трофим Петрович начал тоном полиция:

– Ты знаешь, что ты уже в шестом классе? Ты уже не маленький и должен отвечать за свои поступки!

Классный руководитель выдержал паузу, затем продолжил, он любил читать нотации:

– Почему ты не вызвал мамку в школу?!

Мне от нервного напряжения свело челюсть.

– А, так ты ухмыляешься. Ехидно смеешься над нами? Что, тебе законы поведения не писаны?! Собирайся из школы и без матери сюда не приходи!

Чуть не плача я выбежал с учительской, и первое время думал, вообще, не являться домой. Но, собирая книги в портфель, подумал, что от случившегося не уйти. Собрался домой. В дверях столкнулся с учителем географии, который спешил к нам на урок и не был на разборках.

– Ты куда собрался?

– Иван Панасович, спросите у Трофима Петровича?

– Ты как со мной разговариваешь?! – загораживая дорогу, наступал Иван Панасович на меня, – Чтоб мать завтра ж была в школе!

– Хорошо, – ответил я, – А сейчас дайте пройти?

И я бросился к выходу. Дома решил все рассказать матери. Но мать уже ждала меня с розгой в руке. С криком набросилась:

– Что это мне рассказывают Очколясы? А, я тебя спрашиваю, падлюка ты?! – розга молнией сверкнула в воздухе и с частотой автоматной очереди обрушивалась на плечи, лицо, руки, спину, больно кусаясь и не щадя.

– Они сегодня сказали, чтоб ты пришла. – Матери, казалось, этого только и нужно было. Она взвизгнула, как ужаленный щенок, и бросилась прочь на улицу. Я испугался, посмотрел на затихшую у печки бабушку.

– На, садись за стол. Поешь, как следует. А там видно будет. – Хозяйским тоном заговорила бабушка.

И я успокоился, принялся за еду...

Мать пришла через два часа. Тихая, присмирившая. Подошла ко мне испуганному, и прижала меня к остро пахнувшему задушливым потом пиджаку. Погладила по голове и тихо сказала:

– Теперь уже не вызовут. Можешь ходить спокойно. А если будут звать снова, скажи, что я им снова устрою, но теперь с прокурором. – Намек на генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденка, с которым мать была хорошо знакома еще с ее депутатских времен в Верховном Совете УССР.

Я долго повторял в уме незнакомое слово «прокурор», чтобы озвучить в случае чего назойливым учителям, когда спросят.

В школе учителя старались не смотреть в мою сторону. При моем появлении Надежда Григорьевна с бледной превратилась в пунцовую. Худое лицо ее залил румянец, и так остался на лице до конца урока, а глаза покраснели.

Но после урока Украинского языка, Трофим Петрович вызвал меня в учительскую.

– Что ты наговорил матери, что вона тут чуть не сожгла школу?

Удивленно открыв глаза, я серьезно возразил:

– У неё даже спичек не было. Где она взяла огонь? – искренне сказал я.

– А так вы с ней заодно?! – заорал контуженым голосом инвалид Великой Отечественной Войны.

Я улыбнулся приветливой улыбкой, стараясь показать, что мне влетело, как следует от матери, но истерический вопль учителя заставил меня не отвечать.

– Вон! Вон! Вон из учительской!

Я рванул дверь и пулей вылетел в коридор, даже не заметил, что открывшаяся дверь ударила по носу Очколяса Леню, подслушивающего, о чем там крик. В коридоре возле своего класса я собрал свои мысли воедино и понял, что меня не погнали со школы, выгнали только за пределы учительской. Я вошел в класс и тихо сел на свое место. Следом зашел с клочком окровавленной ваты в носу Очколяс Леня.

Урок географии начался. Вел его Иван Панасович, так как он был вместо урока истории. Учителя истории Трофима Петровича в это время хватил сердечный приступ. Он поболел еще несколько дней и вернулся в школу, но от классного руководителя шестого класса, в котором я учился, отказался. Нашим классным руководителем стал учитель географии Иван Панасович. Учитель географии был влюблен в свою профессию. Он любил эти места. Историю происхождения села. И с теплотой относился к детям. Он любил походы по родному краю, и часто на школьных каникулах водил школьников по туристическим тропам. С приходом в шестой класс Ивана Панасовича началась новая страница в жизни шестого класса и школьников. Ивану Панасовичу, его походам по родному краю, посвящено мое стихотворение «Старый Рюкзак».

Старый Рюкзак

Старый Рюкзак заплесневелый послушай,
Помнишь, как пили горячий из кружек,
Чай заварной из смородины дикой
Мы на привале в походе под липой.
Помнишь, подружку мою синеокою,
Как подвернув, она правую ногу
Шла, ухватившись за шею мою,
Словно боец, получивший в бою
Рану за подвиги. Я вообразил,
Будто из леса враг нам грозил.
Вот он крадется по нашим стопам,
Скорее вперед! Друзья наши там!
И побеждая усталость—врага
Шел я вперед, обгоняя врага.
Два рюкзака на себе волоча,
Да на нее: – Не стони! – Лишь ворча.
Как хорошо на привале вздохнуть.
Нос от усталости в бок твой уткнуть.
И замереть, не дыша, отдохнуть.
Думать, что мне удалось победить.
Помнишь, мой старый Рюкзак дорогой,
Как от грозы мы бежали гурьбой.
К лесу скорее, скорее туда,
Кров под листвой нас укроет всегда.
И все до нитки, промокнув, дрожа,
Чуть лишь грозу и буран переждав,
Бросились ветки сухие ломать,
И с нетерпеньем костер разжигать.
Жались и грелись от дыма слеза.
Помнишь, как наши смеялись глаза.
Помнишь, как жалась всем телом, дрожа
Моя подружка, а вы сторожа,
Нас ограждали от тесного круга.
Сбросив на землю зеленого луга,
Вас рюкзаки, мы теснее присели
И наши руки вместе согрели.
Старый Рюкзак, я давно тебя бросил,
Жизнь ты большую походную прожил.
И вот теперь позабытый, ненужный
Тут прозябаешь, и с Плесенью дружишь.

Пришла весна. Молодая травка пробивалась сквозь прошлогоднюю листву и первые листочки на березе окрасились в светло салатный цвет, еще не успев позеленеть. Стояли пасмурные и прохладные дни. Наша корова Зорька, долго не была на выпасе и, чувствуя весну, жалобно мычала в хлеву. Мать беспокоилась за нее и говорила бабушке, что может сгореть молоко, и она перестанет доиться.

– А, что Очколяс Вася не гоняет коров на пастбище? – спрашивала бабушка мать.

– Я у Гани спрашивала, почему Вася не выгоняет стадо? Она мне сказала, что он болеет и не может, пока не поправиться.

– А что другие пастухи? – наседала бабушка.

– Другие не хотят. Говорят что его очередь, вот и все. Сегодня воскресный день, Валик дома. В школу ему, а ж завтра, то пусть выгонит. И меня на работу вызвали, там, около базы есть хороший выпас на Чистом Озере, уже хорошая трава выросла.

– Куда ж в такую погоду? – озабочено спрашивала бабушка.

– Только облачно, дождя нет. А как пойдет дождь, то погонит обратно. Я буду до обеда на работе, надо отпустить яблоки в магазины в Киев и все. Пускай гонит Зорьку, а я приду позднее, надо еще в контору зайти. – И, обращаясь ко мне, – Ты знаешь, где там Купина около Чистого Озера?

Я ту местность знал очень хорошо. Мы даже на Купине ловили одюшок с Колей Бабченком. Неприметная старица, с хорошей впадиной с небольшим озерцом, на середине которого, плавал островок из плотно переплетенных водорослей. Вода в том озерце была всегда теплой и зимой и летом, а берега были покрыты хорошей и сочной травой. Озерце приобрело свое название от плавающего островка на нем купина. Местная легенда гласит, что, когда-то в запорожские времена проходил там Казацкий Шлях на Киев, и стояла небольшая деревянная церковь, где время от времени ставили свечки Пресвятой Богородице, молились проезжие люди об удаче и легком пути. И вот однажды ночью провалилась с 30 Апреля на 1 Мая, в Вальпургиеву Ночь, земля провалилась и церковь ушла глубоко под землю, а на месте, где была церковь, образовалось бездонное озеро. Кого не спроси об озере Купина, старые жители в Шпитьках расскажут эту легенду. Мы с Колей Бабченком однажды решили проверить глубину озерка. Специально в парке нарезали длинных веток из кустов лесных орехов. И договорились, если кто будет спрашивать, зачем вам столько палок, скажем, рыбу ловить на удочки. И вот я взобрался на купину с длинными палками, слушая советы Коли:

– Ты не стой на одном месте, а ходи, чтоб не провалится. – Он подавал мне длинные палки на островок с берега. Я связывал их вместе, передвигаясь по мягкому, плавающему настилу островка из корней водорослей и опускал в воду, пытаюсь достать дно. Но двух метровые палки уходили она за другой вниз, не нащупывая дна. Когда третья связка уперлась во что-то твердое. Я стал вынимать палки. Третья нижняя была вся грязная от мглистого дна. И я понял, что она просто согнулась в месте связки и залегла в илистое дно. Так что глубина озерка, по моим подсчетам была не бездонной, а около двух, двух с половиной метров. Коля философски заметил:

– Так замуслило дно. Что прошло триста с не большим года.

Мы наловили мелкой рыбешки на удочки и ушли домой, храня полную конспирацию, что бы не влетело от родителей.

Итак, я выгнал Зорьку, подождал мать. И мы вместе пошли до поворота в совхозную контору. Мать повернула в сторону конторы, куда я часто ходил в свой детский сад. Я погнал Зорьку в сторону овощной базы, где работала моя мать заведующей этой базой одновременно и кладовщицей за семьдесят пять рублей в месяц. Заведующая имела зарплату пятьдесят пять рублей, кладовщица сорок пять, а поскольку мать совмещала эти должности, то ей платили семьдесят пять рублей.

Свинцовые тучи низко стелились к земле. По каменной мостовой, дорога построена еще со времен сахарозаводчика Терещенко. И вот я в сапогах сшитых дедушкой Григорием, гнал свою Зорьку вдоль заборов домиков односельчан. Навстречу шла знакомая работница овощной базы с двумя ведрами Колодежной воды.

– Валик, это ты? Куда ты в такую погоду гонишь бедную корову. Её ж сдует, если будет есть мокрую траву.

Я не выдержал, что бы ни ответить. Мне и так было не по себе. А тут еще стал моросить мелкий дождик, мрячка, как мы называли эту небесную морось.

– Что я могу сделать? Мамка сказала выгнать Зорьку пастись, сказала это мне, чтобы гнал корову, а то Вася Очколяс заболел.

– Что, заболел? Он не хочет, сказала его мать. Не может выгнать из дома. Говорит, что Вася хочет, что бы платили по рубль пятьдесят в месяц за корову, что за копейки гнать стадо не будет. А ты гони корову обратно, иначе подохнет, как сдует, увидите.

– Не сдует. А как мать сказала так я и сделаю. – И я погнал Зорьку дальше. И только услышал в след сердобольную хозяйку:

– Не жаль ни дитяти, ни коровы. В такую погоду хороший хозяин собаки не прогонит со двора.

В природном овражке, поросшем сочной зеленой травой, с озерцом по середине, мы остановились и Зорька стала пастись на влажной траве. Вскоре она остановилась и стала жевать жвачку. Мне было холодно. Мелкий моросивший дождик и сырость проникали под мой пиджачок и свитер, было только тепло в ноги, которые я тщательно завернул в онучи и надел сапоги. Зорька легла на траву и продолжала жевать жвачку, вздыхая, как человек. Чтобы как то согреться, я присел рядом и притиснулся спиной к теплой туше животного. Мне стало теплее. Корова вздыхала и смотрела на меня своими увлажнившимися добрыми глазами. И в эту минуту мне показалось, что она плачет, жалея меня. Я ближе притиснулся к Зорьке. И, как бы, в подтверждение этих чувств, Зорька лизнула меня в щеку. От ее шершавого языка, остались на моей щеке царапины. Своей коровьей любовью ко мне, мальчику, забредшему невесть в какую даль под струями моросившего и холодного дождя, как бы сказала: – «Не горюй, мальчик, у тебя все будет хорошо». У бока коровы было тепло. Но, я не мог, как следует согреться, поворачиваясь, то спиной, то своим боком к ее боку. Так и застала меня мать. Она несла в руках хлесткую вербную розгу. Я подумал, что мне вот в эту минуту сейчас влетит. А за что? Так мать всегда найдет за что. Но на этот раз она только сказала:

– Вот хорошо, что я не послушала Лены, что носила воду с колодезя, что я погнал Зорьку домой, говорила она мне.

На следующий день, я ушел в школу. У меня текло из носа, и я чихал. День выдался солнечным и прохладным, какие бывают ранней весной в середине мая. Когда я вернулся со школы, во дворе увидел Виктора, мужа Нюськи и привязанную к старому шелковичному дереву Зорьку. У коровы были непомерно вздутые бока. Она стонала, как человек, и время от времени жалобно мычала. Витька просунул в пасть коровы качалку, которой бабушка раскатывает тесто, привязал концы качалки веревкой к рогам коровы, которая изо всех сил, орудовала языком, пытаясь вытолкнуть качалку изо рта. Глаза Зорьки были выпучены от ужаса, полны слез, которые ручьями текли из глаз. Витька принес бутылку подсолнечного масла и стал через больничную клизму, самотеком, вливать в Зорькину пасть. Корова вынужденно через силу глотала масло. Когда вся бутылка была израсходована, Витька закатал рукав правой руки. Затем сказал мне:

– Погуляй, я пойду в дом, через минуту выйду, чтоб бабушка мне помогла.

Витьки довольно долго не было, мне казалось, что мучения Зорьки будут продолжаться вечно. Она косилась плачущим глазом в мою сторону, как бы прося защиты, вздыхала и жалобно мычала, пытаясь выплюнуть качалку, но все было напрасно. Вскоре появился Витька, сообщив:

– Бабушка сказала, что не выйдет. Что не может смотреть, как бедная корова мучается.

От него несло самогоном. Я понял, что стакан не меньше потянул он для успешного лечения Зорьки от вздутия желудка. А чтоб был предлог выпить, придумал позвать на подмогу бабушку. Далее он открыл наш нужник, и закатанная рука проникла в отверстие уборной. В этот миг мне стало понятно, что на трезвую голову никто не сможет этого сделать. Зачерп-

нув изрядное количество вонючих испражнений, он поднес ко рту бедного животного и стал рукой пихать фекалии корове в глотку. Так продолжалось три раза. Затем он пошел к заблаговременно вынесенному помойному ведру с налитой в него водой и там тщательно сполоснул руку. Потом попросил меня слить из кружки, и уже чистой водой с мылом тщательно вымыл руки. Теперь от него несло не только водкой, но и густым запахом фекалий. Корова начала громко выпускать из пасти вздутия. Комки жвачки вылетали вместе с содержимым желудка, а из заднего прохода выходил кал вперемешку с громкими выхлопами газов. Вскоре она судлась и стала походить на измученную тощую скотину, которую не кормили ну по-крайней мере с месяц. А Витька, уже пьяным голосом говорил мне:

– Смотри, только не давай ей лечь, а то в хлев не попадет и будет всю ночь лежать на улице, может простудиться.

Он начал отвязывать ее от шелковицы. А я хлестал ее хворостинкой, не давая лечь.

– Веди в хлев. Там я сниму качалку.

Из коровьей пасти несло густым запахом фекалий. Тошнота подступала к моему горлу. Набрав полные легкие воздуха, я загнал Зорьку в стойло. Она сразу же упала на колени, затем улеглась. Витька зашел следом, шатаясь от выпитого самогона. Я выбежал на воздух, и жадно хватал свежий, чистый воздух открытым ртом. Зорька была спасена...

Уроки географии стали проходить интересно. Иван Панасович рассказывал о далеких странах, морских путешественниках и об географических открытиях. От него я впервые узнал, что Земля круглая, а звезды в ночном небе не что иное, как далекие солнца.

Первым знакомством с астрономией был поход вечером в поле за село. Полная Луна светила как днем. В школе был телескоп и, установив его на видном, не затемненном деревьями участке за селом, учитель показал Луну и рассказал о ней детям. Впервые ученики поняли, что Луна имеет кратеры и их хорошо видно с Земли в телескоп.

Таинственный бледный свет Луны освещал притихшие лица школьников. В глазах светило любопытство, и все ожидали тайны. Вот раскроется пространство и неизвестность протянет руку, позовет вдаль, чтобы оттуда из глубин Космоса взглянуть на нашу Землю так, как дети сейчас смотрят на Луну. Учитель только мельком намекнул ученикам о будоражащем чувстве таинственного, этим познавательным, специально запланированным по школьной программе вечером.

Поглядев каждый в телескоп, ученики гурьбой побрели в село, по домам. Первый дом был Шуры. Она окликнула меня. Очевидно, девушке хотелось, чтобы он задержался ради нее. С окон ее дома доносилась песня Эдиты Пьехи, что-то про любовь.

Но я, переживший столько неприятностей в школе, истерику матери и колкие немые взгляды окружающих, комплексовал. Я предпочел пройти мимо, сделать вид, что увлечен разговорами с ребятами о кино, о предстоящих обещанных учителем походах, что не расслышал. Дома я взглянул на Луну и с тайным трепетом подумал об оклике Шуры. Но, подавив в себе всякие чувства, вошел в дом. Позже я пронесу этот окрик одноклассницы сквозь годы и хоть никогда мы не были так близки, как в тот запомнившийся вечер, все же посвящу Шуре стихи о моей воображаемой дружбе с девушкой. Вот это произведение, написанное в память о школе, и, конечно же, о Фесич Шуре:

Школьная записка...

На клочке бумаги из тетрадки
Ты две строчки написала мне.
Через годы, так горьки и сладки,
На клочке бумаги из тетрадки:
«Приходи учить урок ко мне!»

Снова вместе. Ты стоишь, как прежде.
Так же челка смотрит у виска.
Не по росту, в простенькой одежде,
У порога школьного, как прежде,
Я встречаю школьницу тебя.
Мы идем учить уроки вместе,
Нам каштаны раздают плоды.
Тополя застыли в строгой чести,
Мы идем из школы снова вместе
К дому, где в листве нас ждут труды.
Облетели листья на деревьях.
Вот Зима пришла и холода.
А Весна нам распахнула двери
Математики заумной дебри
Унесла весенняя вода.
У порога школы мы расстались
С легкостью подобною ветрам.
Все, о чем с тобою нам мечталось,
Время непокорное металось,
Я нашел наперекор ветрам.
Я нашел и песни и палатки,
И мороз Сибири и тайги.
Только снов мгновения так кратки,
В тишине ночной палатки,
Я желал твоей большой Любви.
Вспоминал я с трепетом уроки.
Двойки, слезы и твои глаза.
На щеке, подружки синеокой,
За мои не знавшие уроки,
Как дрожит прозрачная слеза.
Десять лет уже прошло, промчалось,
Промелькнуло время за окном.
Мне легко расстаться так казалось.
И легко о будущем мечталось,
Вспоминается с тоскою о былом.
На клочке бумаги пожелтевшей
Ты две строчки написала мне,
Времени наперекор летевшей,
На клочке бумаги пожелтевшей:
«Приходи учить урок ко мне!»

Глава одиннадцатая

Лето. Каникулы. Мне девять лет. Я провожу лето дома. Среди цветущих пион, роз, яблоч и слив. Среди луж и увлекательных историй, выдуманных и рассказывающих Еременком Колей в кругу соседских мальчиков. Вишневые сады были всюду во дворах соседей. И мы гурьбой, то там, то тут, собирались и лазили по деревьям. Помогали взрослым убирать вишневый урожай. Взрослые, затем, возили корзины с вишнями на базар. Но такая дружба не прерывалась и сплачивалась рассказчиком Колей. Невероятные приключения роились в его маленькой голове, и, мы, мальчишки, открыв рты, слушали и смеялись до слез. А когда делать было нечего и слу-

шать не хотелось, потому что дождь кончился и можно бегать по лужам. Бегали, по теплой воде босиком, обрызгиваясь с ног до головы. Запускались парусные кораблики в далекие страны.

Много детских игр знали мы.

А в парке пели птицы. По дороге громыхали подводки, мычали вдалеке коровы, до мальчишек никому не было дела. Прекрасная пора, все-таки детство.

Наш дом стоит по соседству с Сениловым Володей и Валею. Володя был умным и сообразительным мальчиком, он был почти уже взрослым, старше от меня на два года, а Валя старше на год. Через дорогу, прямо напротив моего дома колхозный сад, и там размещалась совхозная пасека. Пчелы жужжали в кронах душистых лип, сновали по цветам, собирая пыльцу. В один из летних июльских дней стояла жаркая погода. Я вышел в огород, поискать чего-нибудь и увидел через забор Валью. Она была в одном купальнике. Мне вдруг захотелось увидеть ее голой, и я подошел к забору.

– Привет! – Поздоровался я.

– Здравствуй! – Ответила она.

– А где Вовка?

– Он в Киеве с мамкой. А ты что делаешь? – спросила Валя.

– Так, ничего.

– То может, пойдем яблока красть в сад. – Предложила девочка.

Я обрадовался этому, и мы пролезли в дырку в заборе, которую Вальке показал Володька. Мы очутились под яблоней раннего сорта. В траве под яблоней было много паданок. От нападавших на траву яблок исходил аромат спелых фруктовых плодов, и всюду сновали пчелы и осы на гнилушках. Я предложил собирать паданку, указывая на сновавших кругом пчел и ос. Валька боялась их, и сразу же ей захотелось подальше держаться от летающих жал. Она быстро сказала:

– Он там, дальше есть вкусная яблоня. – Указывая вглубь сада. От того, что мы были в чужом колхозном саду, чувство опасности и постоянной настороженности возбуждало во мне низменный инстинкт, не успевший еще, как следует, оформиться и созреть. Я почувствовал влечение и страстное желание увидеть плоть девочки, задыхаясь от волнения, подошел ближе к ней и дрожащим голосом сказал:

– Послушай, покажи мне свою киску? – Я не смотрел на девочку, но та молчала, делая вид, что не слышит.

– Ты меня слышишь? – повторил я свой вопрос.

– Слышу! – Ответила девочка. Ее, налитые созревающие груди тринадцатилетней девочки уже хорошо выступали остротой сосков и округлостью.

– Ну, покажи. Тут нет никого.

Она снова молчала, тогда чтобы ее как-то достать я добавил:

– Я тебе свою покажу. Смотри! – и, расстегнув штаны, я достал свой торчащий член.

И тут девочка откинула часть купальника, демонстрируя свою плоть, покрывшуюся на удивление мальчика девичьим пушком из черных кудряшек. Она и я были крайне возбуждены и задыхались от волнения. Я подошел ближе, сказал:

– Давай, как папа с мамкой делают. Попробуем.

– А как? – спросила девочка.

– Ты ложись вот сюда на сено. А я сверху. Только, только киску открой, ну сними с неё, отодвинь купальник.

Валя легла, а я стал прицеливаться, но ее лобок был так неудобно расположен, что нельзя было никак воспользоваться сладостью запретного плода.

Вдруг из кустов выскочила целая гурьба мальчишек. И улюлюкая стали смеяться над застигшими врасплох «любовниками». Девочка и я бросились друг от друга в разные стороны. Больше нас никто и никогда не видел вместе. Я стал первым героем сердцеедом. Меня стар-

шие мальчишки зауважали за это и стали солидно приглашать в свои компании. Угощать сигаретами в надежде, что я расколуюсь и расскажу о своей первой забаве. Но я молчал. И это предавало интригующей загадочности в моем первом опыте. Эти слухи дошли до Шуры. И она зачастила к Вале. Валя и Шура стали закадычными подругами, и в мой адрес полетели колкости и насмешки со стороны подруг.

Меня это злило и доставало, и я часто жаловался брату Вальки. Вовка, скотина, на мои жалобы только хихикал, ничего не отвечая. А, когда отпираться ему было уже совсем не куда, наставительно говорил:

– Валик ты извини, но это ж моя сестра. Я не могу с ней ругаться.

И поддерживал свой имидж союзника вредных девчонок. А мне так хотелось дружбы. Так хотелось с кем-нибудь быть в хороших дружеских отношениях. И я часто себя ловил на мысли, что проходят дни и недели, а друга нет. Одиночество тягостно и страшно опутывало меня и когда, это было нестерпимым, я глядел на петушка. Подходил к нему, ловил его и гладил у петушиной шеи перья. Петух старался вырваться, затем, наступал на меня, бросался, как собака на вора, и игра начиналась. Одиночество исчезало, на смену приходил азарт охотника.

Я учился побеждать одиночество. От этого я ставал холодным эгоистом для близких людей но, близкие делали все, чтобы оттолкнуть меня от себя, при случае унижить, посмеяться, возбуждая и принуждая к защитной реакции. И я перестал замечать окружающих, презирая, и порой сам насмеялся над ними. Взрослея, стал интересоваться развитием силы, чтобы защищаться и уметь давать сдачи. Известные спортсмены того времени, делились своим опытом, в различного рода брошюрах. В них предлагались комплексы упражнений с гантелями для развития силы и выносливости. И я, будучи в восьмом классе купил в магазине спорттовары гантели и брошюру с комплексом упражнений. Но это будет позже, а пока у меня каникулы и я только перешел в четвертый класс Шпитковский Средней Школы...

Глава двенадцатая

Двоюродная сестра Нюся жила некоторое время в нашем доме Ольги Андреевны. Но, когда ее отдали замуж, она стала жить отдельно, но часто навещалась в «свой» старый дом. У нее были соседские подруги, одноклассницы и они часто ходили в гости друг к другу. По вечерам играли в карты, а иногда и выпивали, но не много. За игрой в карты рассказывали разные истории, делились нехитрым опытом, помогали друг другу советами.

Нюся была небольшого роста с массивной челюстью, маленькими желтыми посаженными близко у самого носа, глазками. Над ними были почти выцветшие брови, а над верхней губой торчал острый нос. Он был сильно задран кверху, придавая лицу с массивной обезьяньей челюстью глупое выражение. Нюська, как называли ее все, знавшие ее, отличалась невероятной хитростью, мстительным нравом и никогда не прощала обид. Меня она не просто не любила, она меня ненавидела всем своим сердцем, всем естеством, впрочем, как всех мужчин на свете, исключением не был даже ее муж. Добрый и тихий парень Кучеренко Виктор. В отличие от Нюськи он относился ко мне тепло и по доброму. С ним можно было говорить о многих вещах, не боясь насмешек, как со стороны Нюськи. Ее крылатое выражение: «Хто його полає, тому його мати Ольга Андрийівна руб дасть!» – бытовало среди взрослого населения Шпитек и наших родственников обретая узаконенную форму общения между мной, моей матерью и окружающими людьми. Откуда возникло это выражение и оформилось в крылатую фразу, предшествовало одно событие происшедшее со мной. Моя мать рожала меня вместе с одной женщиной тетей Зиной, у которой тоже родился мальчик. Его назвали Колей и его, как и меня бросил отец, заявив, я себе девятнадцатилетнюю найду, зачем мне старая жена, так рассказывала моя мать моей бабушке. Тетя Зина работала продавщицей в сельском универмаге, и жила в центре села. Когда мы подросли, я стал дружить с Колей. Но я жил несколько дальше, чем сын Трофима Петровича, сельского учителя истории. У Трофима Петровича был сын Вла-

дик на два года старше от нас с Колей. И Коля дружил с ним, как с более сильным мальчиком. Когда нам исполнилось по пять лет, а Владика уже было семь, и он осенью собирался идти в первый класс. Я познакомился с ним, когда меня мать повела на Колин день рождения. Мать моя дружила с тетей Зиной и та по дружбе называла Ольгу Андреевну сеньора. Во время, когда моя мать была депутатом Верховного Совета УССР, брат мужа тети Зины, отца Коли, Андрей Михайленков попал под следствие, за мелкое нарушение закона и мать ходатайствовала об его освобождении из следствия. Ее ходатайство увенчалось успехом, Андрея Михайленков освободили от следствия, и тетя Зина стала дружить с моей матерью, а Коля со мной. Я мог приходить до Коли, и был в их доме как свой. Однажды я пришел к ним в гости. Коля возился во дворе в куче песка с машинкой. Увидев меня, он сказал:

– Пошли до Владика. У него никого нет. Мама из отцом в школе, а сестра тоже в школе. Он один.

Мы с улицы стали звать Владика выйти. Он вышел к нам. Сказав, чтобы мы подождали его. Его отец оказался дома на обеде, вот когда он уйдет, тогда Владик пойдет с нами погуляет. Мы толкались довольно долго, собирая вокруг себя мальчиков, которые приходили с матерями в продовольственный магазин и оставались с нами. Набралось целая ватага мальчиков от пяти до семи лет. Они все жили в другой стороне села и недружелюбно относились ко мне, случилось, по детскому садику дразнили меня “депутатом” и не прочь были подразнить и теперь. Мы начали игру в жмурки. Рассчитавшись Коля стал жмуриться а мы попрятались, кто куда. Я забежал в туалет и закрылся на крючок. Нужник этот был выстроен для продавцов магазина, туда ходила и семья Трофима Петровича, так как их дом и придомовая территория прилегала к продмагу. Владик увидел, что я спрятался в туалете, тихонько подкрался и закрыл снаружи на крючок дверь. Дети все разбежались, а я сидел и ждал, когда меня откроют. Владик и Коля и еще несколько детей постарше наблюдали, что будет дальше, и как я выпутаюсь? Мне стало обидно, когда я догадался, что меня закрыли. А дети в это время потешались тем, что я сижу запертым в общественном нужнике. Меня, как всегда, выручил мой “друг” ножик. Я достал его из кармана штанов и лезвием откинул скобу. Как ни в чем не бывало, сдерживая обиду, я пришел к месту жмурки и увидел, что все смеются надо мной и спрашивают:

– Ну, что, депутат, кто тебя из туалета выпустил?!

Я сказал, что раз плюнуть открыть дверь. Меня спросил Владик, как я это сделал, пошли покажешь. Я согласился. Достал ножик и показал, как я это сделал. Тогда Владик попросил меня дать ему ножик посмотреть, какой он. Я ничего, не подозревая, дал ему ножик посмотреть. Владик нагло засунул мой ножик в карман своих штанов, сказал:

– Я тебе потом отдам ножика. А сейчас попробуй вылезть отсюда без ножика. Неожиданно толкнул меня в середину туалета. Захлопнул дверь и стал удерживать дверь снаружи, чтобы я не открыл ее. Так продолжалось до тех пор, пока мой друг Коля не принес штакетник от забора. Владик подпер им дверь нужника, чтобы я ее не смог открыть. Слезы душили меня. Я вытерся рукавом, перестал плакать, стал соображать. Мне было обидно вдвойне. Не так за запертую дверь, как за отобранный ножик. Было ясно, что Владик его не отдаст. Я стал осматривать доски нужника. Обнаружив на одной из них сколотую щепку, отломил ее. Щепка была узкой и подходящей, что бы использовать ее в качестве орудия освобождения. Первым делом я достал штакетник и поддев его щепкой отвел в сторону так, что если открывать дверь, то она сама съедет без сопротивления. Дернув дверь, я понял, что она заперта снаружи. Снова щепка пошла в ход. И, как в первый раз ножиком, щепкой поддел крючок и открыл дверь. Выйдя наружу, увидел в белом халате идущую продавщицу.

– Валик, это ты тут? А я вижу, что тут дети собрались и думаю, пойду, посмотрю, что тут твориться? – это была тетя Мария из магазина, где продавались сигареты “Огонек”, Жигулевское пиво и селедка, спички, консервы и прочее. Обида снова сдавила мне горло, сквозь душившие меня слезы я ответил:

– Это мальчишки меня закрыли тут. А Владик еще и ножика у меня отобрал.

– Ты скажи мамке, пусть поговорит с его отцом, а Трофим Петрович с этим хулиганистым Владиком. Я знаю, что ему в школу в этом году, а он уже и курит. Его отец бил ремнем по жопе за это, да наверное мало.

Окрыленный такой поддержкой тети Марии, я пришел заплаканным домой. Мне было жаль себя, было жаль, что вокруг нет настоящих друзей, что я лишился последнего друга "ножика". О своих горестях я решил рассказать матери. Матери еще не было дома. Она появилась около шести часов вечера и я, когда увидел, побежал навстречу, чтобы высказать ей свое унижение детьми. Слезы душили меня, я не мог говорить. Наконец мать стала беспокойно спрашивать меня:

– Валик, у тебя что-то болит, скажи? Это может тебе бабушка чего-то не дала покушать? Что случилось? – она обняла меня и прижала к себе. Я исполненный надежд заступничества матери стал рассказывать ей историю унижений пережитых от мальчишек. Мать, внимательно выслушав меня, раздраженно сообщила:

– *В следующий раз скажешь мне, кто тебя обидит? Тому рубль дам!* – обидно во сто крат слышать такие слова от родной матери. Значит, только на собственные силы отныне я должен надеяться и только. Никакого заступничества со стороны самого близкого существа на свете, матери, мне ожидать не придется. Это выражение молнией разнеслось по селу и часто оно стало звучать из уст двоюродной сестры Нюски в насмешку надо мной и от некоторых родственников, которых я здесь упоминать не хочу.

Однажды я проснулся рано летним июльским утром. Мать уже ушла на работу, бабушка готовила корм для свиньи. В хлеву мычала корова Зорька. Старший Очколяс Вася пас стадо коров и собирал их по дворам. Зорьке скоро на выпас.

– Иди, выгони корову. – Сказала бабушка. Я вышел во двор. Внутри хлева открыл дверь коровьего стойла и стал снимать цепь с нетерпеливого животного. На лбу у коровы красовалась белая звезда, а сама она была черной масти и только у копыт белые пятнышки. Пока я возился с коровой, послышался свист с улицы и мычание стада. Это Вася, старший из братьев, уже звал на выпас Зорьку. Я, прутиком, поторопил Зорьку. И корова быстрее выскользнула с хлева. Стадо коров ее встретило дружественным мычанием. Хлев опустел. Я проводил животное до калитки.

– Давай быстрее, – прикрикнул на меня Вася, – а то коровы разбредутся.

Это был худой и длинный мальчик с мускулистыми и длинными руками. Он держал в правой руке хлыст с сыромятной кожи, и ловко им хлопал в воздухе. Проводив корову, я вернулся во двор и зашел в дом. Бабушки уже там не было, она копала на обед молодую картошку. И я снова вышел во двор. Надо мной, над домом и огородом, зеленью сада синее-синее небо. В деревянном коридоре под самым потолком, ласточкино гнездо.

Ласточки шныряют в небе, по очереди с криком залетают в коридор и оттуда раздаются пiski птенцов. Иду в клубнику. Красные ягоды ароматные и вкусные. Я выбираю самые крупные и срываю сочные плоды и сладостно, тая во рту, ягоды наполняют ароматом дыхание, освежают прохладой. Солнце поднимается все выше и выше, печет в голову. С корзиной картошки пришла бабушка.

– Взял бы насобирал на компот, – ворчала она, – я немного смородины, поричек ивишень собрала. Вот и будет компот.

Она достала из корзины, с картошкой, тряпицу в которой краснели ягоды.

Я не слушал уже, поспешил в тень раскидистой яблони. Нашел пару сочных яблок, протер их об штанину и с аппетитом съел.

Вторая половина дня. Послеобеденная жара. Солнце, как рассердилось, жжет ненасытно. «Надо пойти на пруд». – Подумалось мне. Внезапно раздался испуганный крик Нюски, донесшийся с улицы, заставил прислушаться.

– Он привидения ходят по улице! – Нюська стояла у калитки. Мне был виден ее цветастый платок.

– Идите скорее, увидите! – возбужденно вопила она. Не верилось. Но любопытство взяло верх. Уже за калиткой Нюська сказала мне:

– Все в белом.

– Бреешь?! – выкрикнул я, мгновенно появляясь рядом с Нюської.

Она лишь чуть-чуть покосилась на меня, изобразив, профессорскую осведомленность и не удостоилась ответить. Но я понял, что она не врет.

– Они пошли на село. – Сказала тревожно, глядя в сторону центральной площади села, где были расположены церковь и магазины.

– Может, будут идти назад, то увидишь.

Ответила она, затем бросилась к калитке:

– Вон они! – дрожащей рукой указала в направлении центра. Я вышел на дорогу.

– Не ходи, вернись! – завершала она.

Но это лишь подлило масла в «огонь», Я стал наблюдать не шелохнувшись. Вскоре увидел две фигуры с ног до головы, укутанные в белое. Одна фигура была выше другая ниже. Та, что ниже, шаталась и, спотыкаясь, шла рядом с первой. За этими «привидениями» бежала толпа девочек и мальчишек и что-то кричала им вслед. Я, как околдованный, смотрел на приближающиеся фигуры в белом и ждал, что скоро они дойдут до нашей калитки. Но преследуемые толпой «приведения» свернули в переулок. Превозмогая страх, я бросился к переулку. Нюська побежала следом, вопя:

– Вернись, кому говорят!

Но я уже ее не слышал. Закутанные в белое фигуры, стояли у калитки двоюродных сестер Коли Еременка. Их руки были подняты в локтях ладонями к толпе. Пальцы растопырены с огромным маникюром ухоженных ногтей. Ни одного участка тела видно не было, кроме кистей рук с огромными ногтями на растопыренных пальцах. Двоюродная сестра Коли, хозяйка дома, возле которого они остановились у калитки, попыталась приблизиться к ним. Но, растопыренные пальцы, угрожающе в мгновение были направлены на нее, и молодая девушка отпрянула, демонстрируя всем ободранное предплечье, на котором красовалась от локтя до кисти кровоточащая красная борозда.

– Я хотела посмотреть кто оно такое. Так оно, падло, так меня царапнуло, – визгливо жаловалась она, – посмотрите на руке, какие коготы!

– Та это ж девчата с самодеятельности. Он та артистка, что хату купили недавно, – высказала догадку Леська! – что каким-то чудом оказалась в толпе. – И подруга с Киева. Понадевали маскхалате и придуруются, глаза позакрывали, чтоб никто не узнал, – и повернувшись к «артисткам», крикнула:

– Что, мы такие дураки, думаете, не узнали вас. Сейчас разденем, то так надаем по заднице, что забудете кто вы!

Фигуры стали говорить друг с другом, издавая лебединые звуки, короткие и длинные. Затем повернулись, закрытыми щелками для глаз, к толпе и Валик вдруг увидел, что правая рука стоявшей фигуры справа, машет ему, приглашая приблизиться.

– Подойди, тебя зовет. – Сказала вдруг Ольга, сестра Коли Еременко. Я приблизился. Фигура, что слева, нервно схватила меня дрожащей рукой, и сильно прижала ртом и носом к своему животу, препятствуя дыханию.

Я от удущья стал задыхаться. Но когда мне удалось вдохнуть, то дыхание вдруг перехватило острым неприятным запахом гнивающего мяса. «Это мое тело так пахнет. Мне плохо». – Послышалось в моем мозгу. Не слова, а понимание без слов: – «Мы не можем существовать в вашей атмосфере. Скажи им вслух: – «Они ничего плохого вам не сделают. Не трогайте их».

Я заколебался, боялся, что меня не будут слушать. Но сильная рука снова прижала рот и нос к животу, дыхание прекратилось. Я скорее осознал, что скажу эту фразу. И в то же мгновение, огромные и страшные когти впились больно в правое плечо и стремительно развернули меня к толпе. Я перевел дух, но когти впивались все сильнее и сильнее, боль усиливалась, и одновременно шла информация:

– «Говори! – когти сильнее впивались в плечо, – Говори!» – еще больней, – я начал говорить. По мере высказанных слов, за каждое сказанное слово, когти ослабляли давление, и боль прекращалась постепенно:

– Они, – боль слабее, – вам, – боль слабее, – ничего, – боль слабее, – плохого, – боль слабее, – не сделают. Не трогайте их! – говорил я. Толпа, разинув рты, молча, слушала. А мне пошла информация благодарности:

– «Мы потерпели аварию. Наш спасательный модуль на обратной стороне Земли. Но он уже вышел в зону слышимости маяка. Сейчас мы уже в безопасности. Ты спас нас. Ничего просто так не бывает. За все надо платить. Мы отблагодарим тебя. Мы вернемся еще к тебе».

Одновременно передавая информацию, кисть, гладившая мою голову, легонько толкнула меня к толпе. Когда я обернулся, фигур уже не было, они скрылись в доме Еременко Ольги.

Девушка бросилась следом за ними в дом. Все с нетерпением ожидали. Вскоре хозяйка вышла.

– Как сквозь землю провалились. Я и под кровать заглядывала и у открытое окно на огород смотрела. Нигде нет.

Девушке никто не поверил, а Леська философски заметила:

– Это она с артисткой по соседству живет и покрывает ее!

– А какое твое дело?! – вмешалась Нюська. Толпа, переругиваясь, постепенно разошлась. Я пошел домой, недоумевая о случившемся, а следом плелась Нюська и ворчала:

– Я вот мамке расскажу, какой ты послушный.

– Та замолчи, – не удержался я, – говори, иди расскажи, мамка тебе рубль даст!

Нюська уже ничего не слушала, она разговаривала с бабушкой. А я был убежден, что это переодетая соседская девушка, с городской подружкой мутили толпу односельчан, тренируясь в подготовке в артистический институт.

Но, как я был удивлен, когда часом позже, та самая «артистка» спокойно шла с прибывшей гурьбой пассажиров автобуса, который прибыл из Киева. Ее окружили подруги и вскоре бедная девушка, закрыв лицо руками, плача убежала домой...

Прошло две недели со времени этого события. Дни стали дождливые, пасмурные. Жара сменилась прохладой, какая бывает среди лета. Я простудился и спал на печке. Как то поздним вечером, я выбрался на печку и почти заснул. А бабушка еще подгрребала жар в печи, закрыв коридорную дверь на запор. Мать посапывала во сне в спальне на своей постели, как вдруг раздался быстрый стук в коридоре. Бабушка открыла дверь кухни и в коридор спросила темноту:

– А кто там такой? У нас все дома!

– Да открывайте быстрее, это я Нюся! – дрожащим от страха голосом, кричала двоюродная сестра.

– Ты ж дома должна быть с Виктором?! – бабушка не могла поверить, что в столь поздний час Нюся надумала придти к нам. Недоверие бабушки было основано еще и на том, что от животного страха у сестры изменился голос, да и еще тем, что, когда ее выдали замуж, за Кучеренко Виктора, работника колхоза, она переехала жить к Федосии Андреевне (тети Фене), своей матери. После развода с мужем, тетя Феня купила хату и жила там одна, а вот теперь уже живет и со своей замужней дочерью и ее мужем, все-таки веселее. Нюська вскочила в кухню с широко открытыми глазами и дрожа от страха начала скороговоркой говорить испуганной на смерть бабушке:

– Я былл-ла у Ол-ли Еремчихи (Еременко), вона с парнем встречается, и спрашивала меня, как свадьбу справляют? Кого в дружки брать? И когда собираются они пожениться? Ну я засиделась там. – Внезапно из спальни вышла заспанная мать. Стала внимательно слушать Нюськи рассказ.

– Когда я уже шла домой. Хотела огородом, перелезла через забор и напрямик. И тут, около Каленьков что-то поднялось из бурьяну и за мной. Я скорее и оно скорее. Я чуть медленнее и оно не спешит, держит дистанцию, не подходит и не отстает. Как меня стало колотить. Так хорошо, что вы тут рядом живете. Я бегом, сиганула через забор, руки дрожат. Стала ляжкой стучать, чуть не умерла со страху.

– Тю, дура! Я думала, у Феньки хата сгорела. И что ты брешешь, как ты могла через забор перепрыгнуть, там полтора метра высотой? Если сломала, Витька будет весь огород городить. – Сказав недовольным тоном, мать, шаркая комнатными тапочками, отправилась в спальню, крикнув на ходу, – Иди, ложись на диван, Валик сегодня на печи спит, простудился.

Нюська замялась, глядя на бабушку.

– Ты, чего? – удивленно, глядя на нее, спросила бабушка.

– Мне б переодеться не мешало б? – вопросительно и несмело, спросила она. Бабушка с любопытством смотрела, не понимая, что ей надо. Затем догадливо спросило ее:

– Ты что усцалась, что ли?

– Та тише, Вы. Валик он слышит. – Стыдливо, опустив глаза, замялась Нюська.

– Так что я не понимаю или что? Иди в спальню, снимешь там трико, и ложись, я тебе одеяло сейчас вытащу из шкафа.

– А что я буду гола?

– А у тебя сорочки исподней нет?

– Майка есть. Холодно ж на улице.

– До утра не замерзнешь. Твое трико засцаное я на заслонку положу, до утра высохнет.

Нюська ушла в спальню матери с бабушкой. Оттуда засыпая, я слышал голоса бабушки и Нюськи.

Бабушка: – То когда свадьба у Ольги?

Нюська: – Через год, в августе... – Они еще о чем-то говорили, но я уже почти не слышал. Скоро из комнаты вышла бабушка с ядовито салатного цвета женскими исподними штанишками. Всю ночь, лежа на печке, и подставляя бока теплой черени, я нюхал удушливый запах Нюськиной мочи, забивавший мне дыхание своим густым отвратительно-тошнотворным запахом. И только к утру этот запах выветрился в дымоход, Нюськино трико высохло. Я еще спал на печке, когда мать и Нюська вышли из дома.

На следующий день, поутру, Нюська пришла к нам проситься снова переночевать. Под глазом у нее сиял сине-черный синяк. Она в слезах жаловалась бабушке на гада Витьку, приревновавшего ее к несуществующему любовнику. Нюська вертелась целый день у нас дома и рассказывала бабушке, что приезжал в сельсовет к Здоренку (председателю сельсовета) из Киева капитан КГБ, брал подписки о неразглашении у тех, кому исполнилось шестнадцать лет, кто видел привидения, что бродили по селу и пугали детей. Вечером мать разрешила переночевать Нюське у нас. Но поздно вечером пришел пьяный в стельку Витька, просить прощения у Нюськи. Мать и Нюська с трудом уговорили Витьку никуда не ходить, а ложиться на моем диване в спальне матери. И супруги вскоре мирно спали на диване вместе до утра, а утром помирившись, ушли домой. При этом гад Витька клялся Нюське, что никогда и пальцем ее не тронет, что будет жить мирно и хорошо. Нюська впоследствии родила ему четверых сыновей. Она очень хотела девочку, но родились мальчики, причем рожала почти каждый год, и, подряд после свадьбы.

Как то вечером меня спросила мать:

– Что это меня спрашивал Здоренко, что ты что-то видел на улочке около дома Еременко Оли? Это правда? – мать внимательно и выжидательно смотрела мне в глаза. Я не хотел ей ничего говорить, ответил:

– А что такое? Мам, если бы я что-то видел то я б тебе сказал бы. – Мать, конечно не поверила. Стала назидательно мне говорить:

– Смотри мне! Мне Здоренко сказал, что был у Киеве. И тот кэгэбист, что приезжал к нему в сельсовет, брать подписки, нигде в органах не числится и про эти подписки в органах никто ничего не знает. Он просил меня поговорить з тобою, чтобы про это никто ничего не болтал языком. Сказав еще, что это были переодетые артистки, пугали вас дураков. Сказал, что они украли маскхалаты в кабинете гражданской обороны и в маскхалатах бродили по селу как приведения. А как будете молоть языками, то за это этих артисток и Ольку Яременко, что хату дала для переодевания, на Магадан отправят. Голова сельсовета Здоренко с трудом отвязался от кэгэбистов, когда спросил там про этого капитана, что брал подписки о неразглашении. Спасло только то, что он инвалид войны и сейчас при должности.

– От то он так ногу волочит, как наша Зорька, потому и инвалид, да, мам?

– Голова сельсовета воевал и был ранен, и от этого у него не изгибается нога, а наша корова от рождения такая. Потому телятко тети Гани выписали за трудодни, а она нам его принесла з колхозной фермы. И Зорька выросла, а теперь хорошо доится и дает много молока.

ЧАСТЬ – 2. ВИЗИТ БЛАГОДАРЕНИЯ

Глава первая

Мне исполнилось десять лет. Каникулы я был переведен в пятый класс Шпитьковской Средней Школы, до первого сентября оставалось две недели. Стоял жаркий воскресный день 1958 года. Шла свадьба. Двоюродная сестра Еременко Коли выходила замуж. Позвали родню и всех соседей. На свадьбе был и я. Музыканты, состоявшие из гармониста, барабанщика и флейтиста, играли бесконечный краковяк. Столы были накрыты на подворье и родичи бегали в хату и с хаты, то за горилкой, то за едой. На площадке веселились гости, танцевали и качались в рядне. Четверо хлопцев держали прочное льняное рядно, другие, подвыпившие, ловили девчат и бросали в рядно. Стоял визг и гам. Гармоника под безудержный свист флейты и бряцание барабана выводила краковяк, словом веселье било ключом. На порожке, что вел в сени хаты, появлялся и исчезал боярин с очередной порцией выпивки на подносе.

Я с Колей ели вкусные вареники с маком и медом и были счастливы. Потом затеяли игру в догонялки, и, когда я побежал за Колей, мой взгляд упал на порожек, там стоял в белом комбинезоне, полностью зачехленном, Пришелец и манил меня жестами к себе. Я от неожиданности остановился как вкопанный. Коля подрачивая товарища сказал:

– Что, не можешь догнать?! Ха-ха-ха!

– Коля, посмотри, вон «привидение» там.

Коля посмотрел в сторону порожка:

– Где?! Там ничего нет. – И, глядя на меня, добавил, – А я тебе никогда не вру!

Пришелец все так же стоял на порожке, давая понять, что он меня ждет. И видя мою нерешительность, добавил, – «Коля не видит нас. Иди ты один к нам. Мы прибыли, как и обещали, тебя отблагодарить», – мысленно текла информация. – «Можешь отвечать мне мысленно».

Я оторопело подумал:

– «Я один не пойду», – страх заползал холодным гадом под рубашку, идти одному было боязно.

– «Мы пришли поблагодарить только тебя», – ответил Пришелец, затем помедлив, добавил:

– «Подожди, я сейчас», – ушел в хату.

Я был поражен. Никто Пришельца не видел кроме меня. Вскоре Пришелец появился вновь:

– «Нет, только ты. Не бойся, мы тебе ничего плохого не сделаем. За все надо платить, вот мы и пришли тебе заплатить и отблагодарить».

– «А как я пойду?»

– «Поиграй с Колей в игру «Замри».

– Коля! – сказал я, – Давай в «Замри»!

– Давай. Только ты кричи «Замри»!

Я посмотрел на порожек, там стоял Пришелец в ожидании:

– Замри! – громко крикнул я.

В мгновение остановилось все и замерло. Наступила звенящая тишина. Листья на деревьях перестали шуметь, ветер прекратился. Гости остались на своих местах. Девушка в рядне осталась висеть в воздухе, так и не долетев до полотнища. Я пошел. Мое внимание привлек боярин, застывший в дверях на пороге сеней. Последовало предупреждение Пришельца:

– " Валик, осторожно, не зацепи ленту, она сейчас острая как бритва, можешь порезаться».

Я осторожно, стараясь не задеть замершего боярина, протискивался между дверным проемом и боярином, но любопытство брало верх:

– «А можно его потрогать за руку?»

– «Можно, только потихоньку», – ответил Пришелец.

Я положил свою левую ладонь на предплечье его застывшей левой руки и попробовал опустить его руку вниз. И сразу же ощутил, жесткую, как сталь поросль волосков на его руке под моей ладонью. Я быстро убрал руку, боясь пораниться. В то же время мне захотелось взять из застывшего подноса в правой руке боярина пятирублевую бумажку. Я мысленно спросил разрешения. Пришелец не возражал. Двумя пальцами я прикоснулся к пятерке и ощутил металлическую упругость купюры. Сопrotивление было жестким и прочным. Ни сдвинуть, ни пошевелить деньги не удавалось. Я посмотрел в неподвижные синие глаза боярина. Они искрились живым блеском, ресницы же очень медленно, еле уловимым движением опускались на глаза. Внезапно я услышал команду: – «Валик, у нас очень мало времени, идем уже», – торопил Пришелец. Я прикоснулся к камнеподобной белой рубашке боярина и прошел в хату. В хате никого не было, кроме еще одного Пришельца выше ростом. Он стоял у побеленной мелом сены комнаты на земляном полу, с потолка на проводе свисала лампочка. В комнате горел свет, не смотря на яркий солнечный день за маленькими и скудно пропускающими оконцами хаты. Пришелец, который привел меня, сказал мне:

– «Это командир, его зовут Спейс. Он разрешает или запрещает».

Последовала команда командира начинать и не тратьте времени. Я осмотрел хату. Под окошком стояла лавка, ярко выкрашенная в красный, блестящий в лучах яркой электрической лампочки цвет. Стол так же окрашенный, как и другая лавка, приставленная к нему.

– «Садись за стол, – слышалась мысленная команда командира, – Не сюда, чуть подвинься вправо».

Я подвинулся:

– «Теперь положи руки на стол, как на школьную парту».

Я послушно выполнял команду, положив руки, как в классе, на парту.

– «Хочешь посмотреть кино?», – услышал новое предложение Пришельца.

– «Хочу!» – не задумываясь, ответил я.

– «Сейчас будет медленно гаснуть свет, и мы покажем тебе кино. Смотри».

Пришелец в белом, тот, что был пониже ростом, нажал выключатель. Лампочка в хате потухла не сразу, а очень медленно, как в театре тухнет свет перед началом представления. На месте погружающихся во мрак предметов стали возникать в темно-синей мгле очертания кресла, в котором вдруг обнаружил я себя. Мои локти очутились на узком и коротком столике, окрашенном в черный цвет. Между столиком и стенкой было встроено покато корытце с уклоном к сливному отверстию со сливной крестовиной, как в городских раковинах.

– «Видимо для водостока». — Догадкой, промелькнула, мысль.

Стены хаты с окошками уже не было, на ее месте возник белый экран, как в кинотеатре. Я снова мысленно услышал слова:

– «Спейс, можно снять шлем, пусть посмотрит, кто мы?» – говорил Пришелец меньше ростом командиру. Командир не отвечал. Было видно, что он не хочет разрешать снимать шлем, и это скоро подтвердилось. Я услышал мысленно, слова командира.

– «Ты что, Принцесса, не знаешь, сколько здесь опасных микроорганизмов для нас с тобой, способных вызывать смертельные эпидемии!» – командир пытался убедить напарника не рисковать.

– «Но ведь я на карантине!» – возражал Пришелец командиру. Минуту помедлив, командир ответил: – «Ну, хорошо, только под твою ответственность. И, только предупреди, чтоб не напугать нашего протезе».

Что такое «протезе» я не знал, но спрашивать не решался. Вскоре слышал мысленные слова Пришельца, уговорившего командира снять шлем, что бы показаться мне.

– «Валик, мы такие же, как и вы, только наше солнце угасает. Мы достигли уровня развития, превосходящего ваш на сто миллионов лет. И мы сейчас живем рядом с вами. Ваше солнце было в далекие древние современные вам времена нашим солнцем, но теперь оно угасло, превратившись в инфракрасную звезду. Мы берем его энергию и живем на земле в специальных модулях. Это так же и наше средство перемещения и дом».

– «А можно посмотреть в будущее?» – неожиданно для самого себя спросил я Пришелеца.

Командир поманил меня к себе. Я встал с кресла и подошел к нему.

– «Вот смотри». – Потекли мысленные слова. Пришелец указал жестом на сероватые шторы, которые стали раздвигаться от центра, открывая прямоугольник окна. Я стал всматриваться в сумрачную мглу за окном. Мне открылась картина местности покрытой черным вулканическим шлаком, небольшие черные холмики и белые облачка тумана у самой земли.

– «Вот это место, где в вашем мире разбит огород и бушует жизнь. Поют птицы, и созревает урожай. А то, что ты видишь, это место в далеком будущем за сто миллионов лет от твоего летоисчисления. Как я говорила тебе, что наше солнце угасло. Но перед тем как угаснуть оно взорвалось и сожгло все живое на Земле. Мы это знали и заблаговременно приготовили свои укрытия и спаслись».

Пока Пришелец говорил со мной, командир подошел к нему.

Я смело и с любопытством стал наблюдать, как завязки развязал командир за спиной у провожатого, сверкнул шлем, и, серебристый обтягивающий тело скафандр возник перед ним. Затем, шлем поворотом на 90° осторожно был снят командиром. Черные пряди волнистых волос рассыпались по плечам. Это была женщина с красивыми миндалевидными глазами, точная копия моей матери, если не считать более пропорциональных черт красиво очерченного лица и светящихся материнской нежностью, цвета небесного сияния, глаз. Нежно, по матерински, всматривалась в меня. Вокруг головы, стягивая волосы, изящный ремешок. На лбу у переносицы было прикреплено мерцающее рубиновым сердечком украшение, которое держалось на этом изящно, выполненном ремешке с символическими начертаниями на нем неизвестных мне значков.

– «Ты спас мне жизнь. Меня зовут Принцесса, это мое имя вневременных реинкарнаций, где я живу под множеством имен. Я уговорила командира отблагодарить тебя».

– «Наш мир не такой как ваш. У нас давно нет болезнетворных микробов, но нет и иммунитета. И стоит одному микробу попасть к нам, как начнется эпидемия».

– «Принцесса, не увлекайся, у нас очень мало времени!» – напомнил командир.

– «Но корабль еще на теневой стороне Земли». – Возразила женщина, но подчинилась.

– «Мы пришли выполнить твои три желания. То, что произошло с тобой, бывает очень редко. Мы помогали раньше на протяжении всей истории человечества только по просьбам известным истории личностям. Они не отдавали себе отчет, что за все надо платить. Умоляли нас помочь им, прибегая к различным ухищрениям не щадя себя и своих близких и жалея такого человека, царственную особу, или простого одаренного бедняка помогали за плату Закону Космического развития, меняя ему судьбу. Он должен был платить, тем или иным, чтобы не нарушились кармические космические законы возрождения жизни. Если хочешь узнать, кто получал от нас помощь, открой любой учебник истории, и ты там найдешь тех людей от династий Египетских фараонов, Цезарей древнего Рима, до известных личностей вершителей современной истории. У тебя есть желания? Назови их».

Я, подумав, стал говорить:

– «Я хотел бы придумать лекарство от смерти и сделать всех людей бессмертными».

На что женщина, улыбнувшись, ответила:

– «Вы люди уже бессмертны. Вопрос в том, что вы этого еще не осознаете до конца. Вот взгляни на меня. Я так похожа на твою мать, это потому, что ты очень похож на моего

мужа, командира». – Она взглянула на стоявшего в стороне своего напарника. – «Таким ты будешь спустя много миллионов лет и повторишь эту встречу в точности все так, как мы сейчас встречаемся с тобой».

– «Так получается, что я в далеком будущем прилечу в прошлое, чтобы встретиться с самим собой, только в прошлом?»

– «Какое второе желание?» – услышал Я вопрос мужчины-Пришельца, – Может, ты хочешь много денег? Мы дадим тебе их, но не скоро, когда вырастешь и женишься», — задал наводящий вопрос командир и ответил на него.

Я, подумав, возразил, как учили меня в школе, как истинный пионер-ленинец:

– «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!» – чем сильно озадачил пришельцев, на что получил ответ:

– «На протяжении веков, мы наблюдаем человечество и знаем, что человек человеку волк. Друзей у тебя не будет, ибо ты получишь от нас знания видеть всех насквозь, угадывать мысли и недостатки других, видеть будущее, поверь, этого люди не любят. Ты будешь знать язык птиц и зверей, зверям и птицам это тоже не всегда нравится, поэтому мы будем помогать тебе. Без денег не прожить, мы будем помогать тебе по необходимости твоей. Больших денег у тебя не будет, но и с голоду ты не умрешь. Будешь жить столько, сколько сам захочешь».

– «Каково твое третье желание?» – спросила женщина.

Я ответил:

– «Я хотел бы попить очень вкусной воды, какую я пил, когда мама водила меня на выставку Достижений Народного Хозяйства, с граненого стакана».

Пришельцы снова были озадачены, они не знали, что называется граненым стаканом. Женщина стала объяснять командиру, что это емкость для питья, только стеклянная, кристаллообразной формы.

И, обращаясь ко мне, сказала:

– «Мы поменяем твой генетический код и покажем тебе твое будущее», – поспешила объяснить:

– «Генетический код необходимо сменить для того, чтобы ты приобрел, соответствующие способности и смог жить по-новому».

Она взяла небольшую рюмку из синего стекла, какими пили гости на свадьбе водку, и поднесла мне наполненную до половины прозрачной, как кристалл и вязкой, как желе жидкостью.

– «Это нужно выпить. Зажми нос левой рукой, старайся не дышать. Нужно сделать три глотка. Если сделаешь три глотка, о чем разговаривают птицы и звери будет полностью понятно. Только три глотка».

Я взял рюмку с мыслью о том, что такой пустяк как три глотка ничего не стоят. Поднес, не зажимая нос, понюхал. Жидкость ударила в ноздри чесночным приторным неприятным запахом, во стократ превосходя запах чеснока. Голова закружилась, я с отвращением отодвинул жидкость от себя. Сразу же пошла информация от Пришельца женщины: – «Надо зажать нос и сделать всего три глотка». – Женщина взяла с моих рук жидкость и вопросительно стала смотреть на меня, дожидаясь, когда я зажму нос. И только тогда, когда я выполнил просьбу, подала мне рюмку.

Итак, зажав нос пальцами, сделал первый глоток. Жидкость твердой, кусающей глотку шрапнелью прорвала пищевод и досталась до желудка; второй, а тем более третий глоток я не смог физически сделать. Я буквально усилием воли сделал еще пол глотка. Чесночной круговертью тошнота мгновенно подступила к горлу, забив дыхание, как штифтом. И, плохо соображая, зачем впереди предусмотрено было корытце, фонтаном стала извергаться из меня пища комками недавно съеденного вареника пополам с желчью. Пришельцы комментировали:

– «Один глоток с половиной, тоже неплохо, но было бы лучше три». – Говорил мужчина. На что женщина отвечала:

– «Ему достаточно и одного, при его чувствительности».

А я с каждым позывом все облегчался и облегчался, и, когда мне показалось, что все уже прошло, и что свежей прохладой уходит тошнота, женщина сказала:

– «Покрути головой вправо, влево».

Я выполнил просьбу, и новый приступ тошноты взорвался во мне, но, блевать, было уже нечем.

– «Надо взять еще седьмую пробу, последнюю». — И женщина пригласила меня встать с места, Я встал на мягкую серо-ворсистую поверхность, которой был укрыт пол модуля. Женщина откатила кресло ближе к середине помещения и усадила меня в него. Затем стала осматривать мою голову.

– «У него небольшие склеротические отложения в сосудах. Но это ничего, он крепкий малыш, — и обращаясь ко мне, сказала. — А вот на макушке небольшая вмятина в кости черепа и острым сколом смотрит в мозг, это твоя Ахиллесова пята. Этот острый как бритва скол не опасен, он затянут уже пленкой. Но береги это место от ударов».

– «Это у меня была драка с моим двоюродным братом Бабченком Колей, он меня сухим обломком ветки яблони ударил по голове».

– «Ты родился в рубашке. Еще миллиметров два три и ты умер бы».

– «А, что от удара лошадки по лбу? — спросил я, и пояснил, — Я нарвал этому жеребенку клевера и дал, чтобы он покушал. Но жеребенок подошел к кобыле и стал искать дойку. Я за хвост его потащил к клеверу и в этот момент он меня задними ногами ударил, и у меня потекла кровь».

– «В лобной части двойная кость, передняя получила небольшую вмятину, и ты отделался легким сотрясением мозга, однако нам надо взять последнюю пробу, потерпи». — Она стала вертеть кресло, в котором сидел я вокруг своей оси, вызывая у меня приступы тошноты. Надрывно блевотные судорожные позывы сворачивали мой желудок в жгут, прижимая его к позвоночнику. Но извержений уже не было, только несколько плевков желто-зеленой слизи мне удалось выдавить из себя нечеловеческим усилием. И наконец, седьмая, и последняя проба была взята. А меня трясло от невыносимой экзекуции сильным рвотным составом мерзкой жидкости.

Отобрав пробы с корытца, длинной стеклянной трубочкой, она поместила каждую в отдельную пробирку. Пробирки были аккуратно установлены в подставку. Затем подставку с пробами женщина поместила в стенной сейф с мигающими разноцветными огоньками кнопок. Когда с этим было покончено, женщина быстро что-то сказала командиру. Тот вышел в овальную дверь и вернулся с граненой чаркой в половину емкости стакана. Она показала эту чарку мне, я, кивнув головой, измученный процедурой, ослабевший, твердо решивший не пить больше ничего. Возле овального выхода из помещения стоял современный куллер, которые появились лишь в конце двадцатого столетия, но в 1958 —м году их еще не было даже в проекте. Командир поставил чарку в подставку для наполнения стаканчиков. Из куллера потекла газированная вода в чарку. Женщина подала мне воду. Я с опаской взял шипучую жидкость, и обратил внимание на пузырьки газа шумно выскакивающие на поверхность воды в чарке. Пузырьки имели тонкие пленки, расплывающиеся по поверхности воды, и через секунду другую растворялись, исчезая бесследно. Я боязливо поднес чарку ближе к носу, но шипучая прозрачная вода в чарке, мягко пахнувшая приятной влагой, заставила выпить ее до дна. Вода была не такая, как я пил тогда с мамой, на выставке, отличалась только тем, что была жестче на вкус.

– «Пей, сколько сможешь». – Одобрительно сказала женщина, но я осилил только три этих чарки и больше не мог.

– «А можно завтра?» — спросил я.

– «Нет, но если ты хочешь с нами связаться, мы дадим тебе код „SOS“. Тебе его надо только запомнить и повторить, мы придем на вызов всегда. Но когда ты нас вызовешь, повторив код вызова, мы уже не сможем просто так помочь тебе. Тебе надо будет заплатить. Какая будет плата, будет зависеть от твоего желания, которому необходимо будет сбыться для тебя. Но помни, чтобы дать тебе, то, что ты хочешь надо платить. Эта плата, как правило, бывает не всегда приятна для тебя. Выбор, в конечном счете, за тобой».

Женщина очень нежно говорила со мной. Командир был строг. Он останавливал ее и перебивал, но она продолжала:

– «Мы обещали показать тебе твою судьбу. Хочешь, посмотреть на ком ты должен был жениться?»

– «Хочу. На Шуре, да?»

Женщина ничего не ответила, на экране возникло лицо взрослой девушки с двумя косичками и улыбкой, приветливой и нежной.

– «Это Шура в десятом классе. Запомни, у доски на уроке физики, она будет вот так улыбаться. Ты узнаешь эту улыбку и вспомнишь нас».

– «Так я не женюсь на ней?» – спросил я, всматриваясь в улыбку взрослой Шуры.

– «Ты женишься вот на этой девочке», – сказал мысленно командир.

На экране возникла фотография детей возле скульптуры медведя. Я узнал этого мишку. Эта скульптура была в Киевском зоопарке при входе справа от пешеходной дорожки.

– «Она еще не родилась, родится, когда тебе исполнится тринадцать лет, в марте», – сказала женщина.

– «Ничего, казак в седле невеста в люльке», – добавил командир.

Я смотрел на девочек. Одна была стройная, другая полненькая с косой. И услышал комментарий женщины:

– «Вот эта полненькая будет твоей женой, – и, почувствовав мое разочарование, добавила, – она будет очень хороша для семейной жизни».

Я повторил свой вопрос:

– «Так я не женюсь на Шуре?» – спросил я. И получил ответ, – «До встречи с нами ты должен был бы жениться на Шуре. У вас родилось бы двое детей. Но у тебя с ней не получилось бы жизни из за ее сложного характера. Ты умер бы в сорок один год». – Ответила женщина.

– «А когда я умру?»

Мне были показаны кадры моей смерти. Я увидел комнату с бетонными серыми стенами и четко очерченный угол там. Мне вдруг стало невыносимо жутко от этой картины. Я почувствовал, что умираю, хватаясь за грудь и чтобы облегчить страдания, я уперся спиной о холодную стену и умер. К действительности меня вернуло мысленное обращение ко мне:

– «Ты поставлен перед жизненным выбором отныне, что ты пожелаешь все, будет сбываться, но с определенной долей сопротивления. Зависит от трудностей и многих факторов. И ты будешь жить, сколько сам этого захочешь».

На экране мелькали кадры моей взрослой жизни. Я увидел седого красивого мужчину в форме охранника в огромном магазине, где были вывески с нарисованной красной птичкой и заглавной буквой «А». Таких магазинов со сверкающей чистотой и опрятными полками, заставленными прямоугольными разноцветными коробками товаров, в мое время еще не было.

– «Это ты в возрасте шести десяти двух – шестидесяти восьми лет». – Объясняла женщина. Я всматривался в уверенно держащего себя мужчину с планшетом черного цвета для письма и не мог поверить, что это я и, что я буду вот таким сильным и крепким. Неожиданно на экране появилась стайка девушек, черненькая держала в руке три красных тюльпана. Среди них одна с приветливой и нежной улыбкой и огромными небесного цвета глазами. Она была очень красива и, как две капли воды, похожа на Пришелицу, разговаривающую сейчас со мной.

– «Ты, наверное, заметил, что я не очень отличаюсь внешне от этой девушки. Ее зовут Анжелой. В эту девушку ты будешь безнадежно влюблен и однажды признаешься ей в любви, что повергнет ее в странное разочарование. Тебя она безжалостно отвергнет, из-за большой разницы вашего с ней возраста. Но в душе ты ей очень понравился, конечно, если бы не такая возрастная разница. Но в далеком будущем вы все равно будете вместе. – Сказав эти слова, Пришелица снова взглянула на командира, и добавила, улыбнувшись, – Вот, как мы с моим напарником. Все дело в клятве верности вашей с ней очень сильной любви, которую вы с этой девушкой дали много веков тому назад от этого летоисчисления и клятва стала работать, возмущая кармические реакции, что заложены в бесконечной череде рождений Символа Вечности. Я сделаю так, что ты все вспомнишь и поймешь, почему она и твоя мать, и вот эта девушка, и я, что это одно целое. Ты поймешь и опишешь в книге, но все это будет открыто тебе в свое время».

Я смотрел на эту девушку со своего десятилетнего взгляда не находил ничего привлекательного в этой, на вид смазливой, как мне казалось, взрослой «тетки» с огромными добрыми коровьими глазами, как у нашей коровы Зорьки. Между тем уверенно и утвердительно вдруг вселилась в меня сила воли, и твердость характера обрела неизменную стойкость.

– «Принцесса, нам пора!» – скомандовал командир, так и не снявший своего защитного шлема и белого комбинезона. Мне казалось, что меня разыгрывают земные артисты, так достоверны были пришельцы. Но серьезность приготовлений, с которой командир надевал на свою подчиненную скафандр, а затем белую ткань комбинезона, напомнили мне все же, что они не земляне.

– «Мой маленький Принц, – неожиданно сказала женщина. Я подумал, что она обращается ко мне, но это было не так, – ты бы дал мальчику посмотреть на мое воплощение в этой Принцессе!» – сказала женщина.

– «Дорогая моя, Принцессе, если я буду перечислять все твои воплощения, нам и сотни лет не хватит». – Ответил командир с долей ревностного сарказма, завязывая белый комбинезон на спине у женщины.

Когда мы, все трое, вышли на улицу, там, по-прежнему застыли в неподвижных позах гуляющие, и листья на деревьях, указывали, что неземной разум еще со мной.

– «Теперь ты стань на то место, где ты крикнул Коле «Замри». – Говорила женщина, шедшая рядом.

– «Я забыл, где стоял?» – спросил мысленно я. Женщина подвела меня и установила ноги и руки в положение первостепенное.

– «Можешь говорить «Отомри»!

– «А как же вы, вас же заметят?» – беспокоился я.

– «За нас не беспокойся, нас кроме тебя никто не увидит, когда скажешь «Отомри», я передам тебе твой «SOS». – С этими словами женщина повернулась к командиру, он скрылся в хате, протиснувшись между косячком двери и истуканом боярином.

– «Говори!», – скомандовала женщина.

– «Отомри!», – мой окрик привел все в движение. Лязг, гам, визг и застольные песни полились вокруг, ветер зашумел в листве, веером доставая волосы на моей голове. А командир, появившийся на порожке хаты, все звал свою напарницу:

– «Принцесса, идем уже, нам пора».

– «Подожди, Спейс, он не запоминает!» – встревожено говорила женщина. В сознание мне внедрялись буквы и цифры неведомого языка. Я не запоминал...

Когда вечером я пришел со свадьбы домой, мать уже поджидала меня:

– Ну что, выдал замуж Ольгу? — у матери было хорошее настроение. Она осмотрела меня с ног до головы и сказала, — А что это у тебя такие косы выросли, ты же три дня как подстригся?

Я смотрел на мою мать, с удивлением и не мог понять, почему она так похожа на Пришелицу по имени Принцесса и на ту девушку Анжелу тоже, которую я только что видел на экране и себя взрослым рядом с ней.

Длинные волосы месячной поросли действительно выросли. На пальцах рук удлиннились ногти. Их было видно очерченными белыми полосками оттеняющими черноту грязных ногтей. О моем свидании с Пришельцами я не сказал матери ничего...

События посещения меня Пришельцами с благодарной миссией, изложенные в данном произведении, происходили в 1958-ом году. Мне было 10-ть лет, я уже был учеником 5-го класса «Шпильковской Средней Школы». В. Спейс, примечание.

ЧАСТЬ – 3. ПРИНЦЕССА

*«...Ты, моя ненаглядная Нежность.
Ты, Застенчивая Любовь.
Вот рисует мне Образ твой Вечность,
Возникающий в памяти вновь.*

*Вот ресницы твои пушистые
Обрамляют застенчивый взгляд.
А озера-глаза лучистые
Сквозь века прямо в сердце глядят...»
В. Спейс, 17.04.2016г.*

Глава первая

Выпив свой кофе на кухне с женой, которая сидела, молча, не глядя в мою сторону и по всему было видно, что ей до чертиков надоела наша нищета и долг за квартиру, который вырос в то время до 14000 гривен. Я хотел вымыть чашку, но она упрямо, оттолкнув меня в сторону, почти вырвала блюдце с чашкой у меня из рук и чашка внезапно выскользнула из блюдца, полетела на пол и разлетелась вдребезги.

– Пошел вон из дома! – вдруг выкрикнула на меня жена. Я невольно взглянул на нашего пуделя по имени героя из сериала о бессмертных людях, Дункана Маклауда, в его чувственные глаза, как бы искал защиты. Он в ответ завилал коротким хвостиком и от этого, от его взгляда добродушных глаз мне стало, как-то теплее и уютнее, переносить невзгоды нашего существования в этом беспросветном на лучшее мире. Тем временем, Лиля повторила свой вопрос, задобив словами:

– И не смей являться домой, пока не устроишься.

Я, молча, стал собираться. Надел свой костюм цвета долларовой сотни, белую рубашку и галстук серого цвета, под мою седую шевелюру. Посмотрев на себя в зеркало, борода на месте, подкрашенная темно коричневой краской еще украшала мое лицо без морщин и сверлящий взгляд, злой и упрямый от сердитых фраз жены, делал меня решительным и целеустремленным в моих поисках работы. Собрав необходимый запас документов в кейс, я, молча, выскользнул из квартиры к лифту. Внезапно дверь открылась и с порога жена позвала меня: – Валик, вот деньги на проезд в метро, возьми. – От этих ее слов у меня отлегло от сердца. Стало, как-то теплее на душе и уже не так неуверенно и решительней я вошел в лифт с пятьюдесятью гривнами в кармане, что сунула мне в руку жена. Первым делом я решил поехать на завод «Электроприбор», где проработал в свое время более трех лет. Но там уже поменялось многое. Весь наш отдел был расформирован и почти все сотрудники разъехались, кто в эмиграцию, кто куда. И Гольдэ, начальник отдела, и Зархи, и Любченко, начальник сектора, перебрался на другое предприятие. А в кадрах мне сказали, что идет тотальное сокращение, и мест нет, и не предвидится. С угрюмым видом я поплелся на остановку трамвая. Там было мало людей. Какая-то бабушка с сумкой «Кравчучкой» на колесиках, да дедушка с палочкой. Я поневоле подумал, чего их сюда занесло в промышленную зону, где нет жилых домов, потом понял, что наверх поднимается улица Татарская и там сверху, если подняться по деревянной лестнице, расположен ряд жилых домов. Мне надоело, стоят там, и терпеть взгляд старушки упорно не сводящей своих глаз с меня. Что она могла увидеть на мне, на моем галстук, или седина навела ее на мысль, что я такой же старичок, подстать собравшимся здесь пожилым пассажирам, ожидающим транспорт.

Нет, не в силах больше бессмысленно торчать среди этой разношерстной толпы стариков, я решил отправиться пешком, и пока я буду идти вдоль трамвайных путей в сторону метро, может что-то, и придумаю по своему трудоустройству. Грустные мысли стали одолевать меня по поводу катастрофической нехватки денег и о безысходности моего положения. Так я дошел до Подольского рынка. Тут на извилине трамвайных путей, куда делался крутой поворот и пути шли дальше прямой веткой к метро «Контрактовая Площадь», начиналась аллея каштанов. Листья на каштанах стояли желто красные, так как был уже конец сентября. От них исходил пряный аромат, вдыхая этот запах осени, мне становилось, как-то свободнее и мысли приходили в порядок выстраивались в строгой последовательности, давая трезво оценивать свое положение, и в этом я искал подсказки к дальнейшим действиям в своих мытарствах устройства на работу. Я сел на одну из скамеек, посреди асфальтированной дорожки, которая вилась между рядами деревьев до самого метро, стал размышлять, куда податься, что предпринять, и где я смогу зацепиться, когда все трещит по швам в нашем самостийном государстве. Ничего не придумав, я решил поехать поездом метро на Крещатик. Там на выходе из эскалатора в подземном переходе, было кафе, где варили отменный кофе. Решил зайти туда. Выпить чашечку двойного кофе и взбодрится. Для истерзанной нервной системы это всегда помогало мне в стрессовых ситуациях находить правильное решение.

Очередь в кафе была не большой. Впереди меня было три человека, которые получив свой напиток, разошлись по столикам. Я со своим двойным, тоже пристроился у стеклянной стенки кафе, кейс положил под стол на полку и принялся вкушать настоящую «Арабику», мгновенно проникающую во все мои фибры истерзанной невзгодами души, взбадривая мысли и дремавшие силы, стимулируя к действиям.

Вдруг мне вспомнилась фраза дочери, которая уже работала торговым представителем фирмы «Липтон», она как-то сказала на кухне нам с Лилей:

– «На Петровке открылся новый гипермаркет, Ашан, туда набирают сотрудников. Идите на работу устраивайтесь!» – эта мысль вдруг завертелась у меня в голове, спасательным кругом, заставляя поехать на Петровку, что я и сделал, допив свой кофе...

На станции метро «Петровка» есть два выхода. Один ведет к вещевому и книжному рынку, другой гипермаркету «Городок», что открылся совсем недавно 1 сентября в 2009 году. Сейчас 29-ое сентября, вторник. Подумав немного, решил выйти в сторону «Городка», и там уже навести справки у прохожих, где расположен новый магазин «Ашан». Подземным переходом выбрался к магазину «Городок», благодаря рекламной надписи названия гипермаркета огромными буквами на фасаде здания, которое было видно даже отсюда, со стороны нового комплекса «Макдональдс». Длинным подземным переходом я прошел под проезжей частью широкого шоссе, что ведет к Троещенскому вещевому рынку, что расположен на левом берегу Днепра, и вышел на парковку возле гипермаркета «Городок». Здесь, с тупым выражением на лице, как из фильмов о зомби, бродил отрешенно сонный охранник, я подошел к нему и спросил:

– Скажите, пожалуйста, тут, говорят, открылся новый магазин «Ашан», не подскажете, где это?

Охранник сделал мучительную мину на лице, по всему было видно, что он думает, а затем, выдал из себя, после минутной задумчивости:

– Та не, нема тут Ашани. – Отвернулся от меня, как от назойливой мухи, и пошел себе дальше. Я понял, что сделал ошибку, обращаясь отрешенного вида к человеку.

Приглядевшись по сторонам, заметил женщину отягощенную кулками с покупками, явно с интересующего меня магазина, так как на них была выведена красная буква «А...», и надпись. Она поравнялась со мной, спеша пройти мимо к переходу, с которого я только что вышел.

– Простите, не подскажете, где тут Ашан?

– Да тут все знают, он там за углом этого здания. Завернете направо, и увидите желтой краской окрашенное здание с красными обводами на стенах, там еще написано, что Ашан.

– Ой, спасибо, вам огромное.

– Не за что. – Женщина быстро ушла в переход. И я помчался к желтому зданию, которое открылось моему взгляду красными обводами и с надписью Ашан, сразу же, как только я завернул за угол магазина торгующего автомобилями и мототехникой. По потоку редких покупателей, обвешанных кулками с покупками, догадался, где вход в магазин, направился туда. Но дойдя до угла здания, обратил внимание, что из боковой двери выходят офисные сотрудники на перекур, решил и себе зайти туда. В дверях меня никто не остановил, вход в приемную был свободен, и я смело вошел в фойе. За стойкой сидела миловидная девушка, увидев меня мило улыбаясь, спросила:

– Вы по приглашению?

– Нет, я по поводу работы в вашем магазине.

– А вы уже обращались к нам?

– Нет еще, я знаю, что магазин только недавно открылся и, что вам нужны сотрудники.

– Да, нам постоянно нужны сотрудники, поэтому присылайте резюме, мы обязательно его рассмотрим и ответим вам, подходите вы нам или нет.

Я понял, что самый вежливый отказ был написан в ее глазах с довольной и счастливой улыбкой выполненного долга, сотрудница наклонилась к каким-то бумагам и, делая вид, что разговор окончен, стала бессмысленно перелистывать стопку испытанных листов формата А-4.

Я угрюмо вышел, из приемной...

Чтобы обдумать, свою ситуацию с неудачей трудоустройства, решил побродить по магазину в надежде, что какая-то здравая мысль вдруг посетит меня и, что я вынужден, буду сказать жене, и, как оправдать этот поход в поисках работы перед Лиличкой моей женой. По встречным покупателям с полиэтиленовыми кулками и сумками с покупками, понял, что вдоль фасада здания надо пройти и за углом будет вход в магазин.

Автоматические раздвижные двери впустили меня в шумный и просторный гипермаркет. Такого огромного склада магазина я еще не видел. Множество полок и товаров на этих полках и вдоль огромного ряда касс стоят сурового вида охранники в черной униформе. Я решил пройтись вдоль этого ряда касс, наблюдая работу охраны. Возле второго входа в магазин располагалось кафе. Там играла музыка, и было тепло и уютно за столиками, и пахло кофе. Я решил выпить чашечку, подойдя к прилавку с симпатичной девушкой продавцом.

– Можно мне кофе и пожалуйста, двойной.

– Это как? – вдруг спросила она. Такому вопросу я удивился, но потом решил подсказать.

– Это так, что вы насыпаете двойную порцию порошка в заварочную машину, и она варит мне двойной кофе.

– А, поняла. Машина у нас так не варит. Этот автомат...

Я не стал слушать ее и перебил: – Девушка, пожалуйста, ну хоть сварите в турке, что ли.

– Хорошо, конечно сварю вам двойную порцию.

С чашечкой кофе я уселся за свободный столик и стал медленно вкушать сваренное кофе «Арабика» по моему рецепту продавщицей за кофейной стойкой кафе. Принялся наблюдать за охранником, который деловито и часто, что-то говорил в рацию. Этот парень в черной форме охранника, привлек мое внимание. Он был не высокого роста, плотного телосложения, и, как не странно с узкими плечами. На голове у него была бейсболка и теплая куртка с меховым воротником, потому что на улице было уже прохладно. Я вдруг почувствовал, что в охрану можно сделать попытку устояться. Что, наверное, это моя последняя надежда, соломинка, за которую с таким упорством хватаются утопленники, каким казался в этот момент себе я сам. Допив кофе, я решительным шагом направился к этому маленькому узкоплечему

охраннику. Подойдя ближе, услышал его рацию, в которой крайне раздраженно говорил мужской голос:

– Оболенский, твою ж мать, ты меня долго будешь доставать своими советами, как и где каждый должен стоять?!

– Николай Иванович, но он, же отъявленный дебил. Я ему говорю одно, а он, даже не слушает, что от него хотят.

– Послушай, Оболенский, последний раз тебе говорю, если ты меня еще вызовешь, я тебя на сто рублей оштрафую. Ты меня понял?!

Оболенский опустил голову, повернулся и увидел меня. Взгляд его цепких и любопытных глаз скользнул по мне, затем он направился дальше в мою сторону и уже поравнялся со мной, проходя мимо, но я остановил его вопросом:

– Послушайте?

– Да, вы, что-то хотели спросить? – с крайним любопытством и заинтересованностью обратился он ко мне.

– Да! – набравшись храбрости, я продолжал, – Я хотел бы устроиться к вам на работу.

– А, да это без проблем. Сейчас, подождите.– Он стал по рации вызывать на связь, какого-то тридцатого.

– Оболенский, это снова ты?! – услышал я уже знакомый голос человека, который грозился оштрафовать на сто рублей.

– Тут человек пришел, хочет на работу к нам.

– Считай, что тебе повезло на этот раз. Скажи пусть подойдет к вагончику ко мне.

Я, услышав эти слова, был несказанно рад этому. Но сдержанно спросил:

– Скажите, где этот вагончик?

– Там на улице возле въезда на территорию Ашана стоят два вагончика. Тот, что дальше, это наше командование, ну подойдете. Зовут нашего начальника охраны Николай Иванович. Идите, он вас ждет там.

– А как вас зовут? – спросил я.

– Игорь.

– Спасибо, вам Игорь. С меня причитается, как устроюсь.

– У нас с этим очень строго. И не думайте даже...

Последних слов я уже не слышал, так как ноги сами меня несли к командирскому вагончику.

В вагончике, куда я вошел, было холодно. За письменным столом, что стоял напротив двери, сидел в сером осеннем пальто мужчина. Его узкополая серая шляпа лежала возле красного телефона, что стоял на столе. Красный галстук на фоне белой рубашки, бросался в глаза.

– Николай Иванович, здравствуйте! – поздоровался я.

– Сколько вам лет? – спросил меня уже знакомый голос.

Я молча подал ему свой паспорт. Он полистал документ, посмотрел место моей регистрации.

– Как у вас с ногами? – вдруг спросил меня. Я вначале не понял, затем ответил:

– Ну, вроде все в порядке, не жалуясь.

– У нас работают пятнадцать часов на ногах за смену, и присаживаться нельзя. Если выдержите, то можете ехать оформляться. И еще, вы хотите днем работать или на сутках?

– Меня интересует дневная работа.

– Хорошо. Езжайте сейчас в офис, я напишу адрес и сообщу, чтобы вас подождали.

– А можно мне выйти на работу в понедельник? – спросил я.

– А, что, у вас проблемы?

– Нет никаких проблем. Но мне надо подготовиться, разгрести кое, какие дела по дому.

И в понедельник я готов выйти на работу.

На листике для заметок Николай Иванович написал адрес, дал мне листок со словами:
– Езжайте, там вам выдадут форму, и в понедельник к семи утра будьте возле вагончика.
– Спасибо вам. – Я протянул и пожал ему руку...

Глава вторая

Меня оформили быстро и без проблем. На следующий день я привез в отдел кадров две фотографии для бейджика, который должен быть приколот на груди кителя. Там меня попросили подождать, пока будет выписан пропуск и приклеена к нему фотография. Когда с этим было все решено, я со спокойной душой уехал домой готовиться к выходу на новую работу. В понедельник 5-го октября 2009 года ровно в 7—00 я уже стоял у вагончика с остальными охранниками в строю. Вел наш развод Николай Иванович и рядом с ним стояли; представитель службы безопасности Ашана, Коробков и старший смены Колобок Юрий Феоктистович. Пока Николай Иванович зачитывал, кто на какой пост становится, я рассматривал Колобка. Это был совершенно лысый круглолицый и крупного телосложения человек. Можно сравнить его фигуру с персонажем из сериала «Семейство Адамс», точной копией дядюшки Фестера. Позже я узнал, что охрана его называла по имени, и это Колобку нравилось. Он чувствовал себя снова молодым и энергичным. Он говорил скороговоркой. А, его фишка была в том, чтобы изъяснялись его подчиненные охранники кратко и без лишних слов, по делу и по существу. В дальнейшем, когда мне приходилось докладывать о происшествии или что либо, сообщать, или спрашивать, то суть вопроса я старался уложить в три слова. Четвертое слово Колобком не воспринималось. С одной стороны это было неудобно для решения назревших проблем, а с другой стороны, это стимулировало подчиненных к быстрому принятию решений. С ним на смене было и легко и одновременно трудно, из-за его придирчивых по характеру замечаний и грубостей, которые он иногда позволял к нерадивой охране.

Итак, в мой первый день, меня стажировали по постам. Юра Колобок провел меня по всем постам, показывая эти посты, затем коротко сказал:

– Пройдешь по каждому посту. Минут по двадцать, посмотришь, что и как там делается. После двенадцати часов пойдешь домой. Завтра я тебя уже поставил в график на пост «Фейерверк». – Сказав это мне, он круто повернулся и быстрыми шагами удалился.

– Покатился Колобок. – Услышал я у себя за спиной.

Я взглянул на бесшумно приблизившегося охранника. Он добродушно улыбался, подошел ко мне, протягивая руку.

– Меня Игорь зовут. Игорь Каширин. – И крепко пожал мою

– Валентин. – Коротко ответил я.

– Я работаю в охране давно, года три с Колобком. Юра, бывший спецназовец, требовательный, но справедливый. Вот у кого надо учиться. Если бы не Юра нас Ашановская служба безопасности давно подмяла бы под себя.

– Ну, показывай Игорь, что тут на этом посту «Кофе» надо делать?

– Да особой сложности нет. Вот надо отмечать, какой сорт взят из дорогих сортов. Сообщить на мониторную, указать приметы покупателей и куда ушли.

В отдел Кофе в этот момент вошло двое парней. Они взяли одну банку растворимого кофе «Якобс». Игорь тут же передал на мониторную:

– Мониторная, двенадцатому, двое парней в черных кожаных куртках взяли банку растворимого «Якобс» и вышли на центральную аллею. Как приняли?

– Приняли, приняли! – ответил женский голос.

Игорь взял список, где был перечень дорогих сортов кофе. И там отметил, взятую банку кофе.

– Ну, твои двадцать минут истекли. Иди дальше, вон напротив пост номер девятнадцатый «Алкоголь». Самый сложный пост, всех кто новенький туда ставят, если справится, то будет работать. Если не справится то уйдет.

На алкоголе стоял небольшого роста парень с серым оттенком кожи. Он неохотно протянул мне руку, и представился:

– Сырык Николай. – Сказал, вяло пожимая мою.

– Валентин.

Сырык посмотрел на меня изучающее, мои седины, кажется, произвели на него впечатление и он сказал:

– Ну, дед, ты к нам надолго, а? – я опешил от такого прямодушия. И ответил:

– Ну, внучек, не знаю, посмотрю на ваше детское поведение.

– Ты, дедушка не обижайся, это я так из вежливости такой.

– А, че мне обижаться, я вот смотрю, что у тебя Николай, внуки уже должны быть?

– Да нет, еще никого, кроме вредной жены. Ну да ладно, давай, Валентин, смотреть этот алкоголь, что тут стоит. Самый дорогой у нас продается прямо в отделе. Вон стоит витрина, кассирша там и если че понравится покупателю, то я беру ключи от витрины и открываю, показываю товар.

– А где ты берешь ключи?

– Да вон у кассирши. Потом покупатель расплачивается за купленный алкоголь, и я сообщаю на мониторинг, что элитный алкоголь куплен.

Так обойдя все посты, я дотянул время до 12-ти дня и, затем, прошел в командирский вагончик, где за письменным столом на месте Николая Ивановича, сидел Колобок Юрий Феоктистович.

– Юрий Феоктистович, ну я прошел и ознакомился с постами. Посмотрел мой завтрашний пост «Фейерверк».

– Знаешь, что надо там смотреть?

– Конечно. Завтра буду уже на этом посту. Разрешите отбыть домой?

– Отбывай.

– Досвидания.

– До завтра. – Крикнул Колобок мне в след.

Домой я прибыл в половине первого дня. Жена испугалась, спросив:

– Тебя, что уволили?

– Нет. Это первый ознакомительный день, за этот день мне не заплатит фирма. Поэтому я рано.

– Фух, прямо от сердца отлегло...

Глава третья

Снова возле вагончика на плацу, развод проводил Николай Иванович, рядом стоял другой старший смены Даниленко Виталий Викторович. Я всматривался в лица охранников, находя в них совершенно разных по интеллекту, образованию и возрасту людей. И только Оболенский Игорь Адольфович, был начитан и образован в достаточной степени, что мешало ему и одновременно помогало справляться с нелестными высказываниями в его сторону других товарищей по нынешней работе. Стоя в строю, я не слушал, что говорил представитель службы безопасности Ашана и только ответил, когда Николай Иванович назвал мою фамилию и номер поста, номера на котором не значилось. Мой позывной, за неимением номера поста назывался «Фейерверк», так как отдел пиротехники был вынесен в отдельное помещение склад, чтобы максимально обезопасить в случае пожара магазин. Я ответил, что услышал и запомнил свой позывной. Николай Иванович еще продолжал переключку, когда я увидел Колобка Юрия Фео-

ктистовича, «выкатившегося» из командирского вагончика и быстрыми шагами поспешно удалился в направлении метро.

Итак, ровно в 7—30 мы ватагой ринулись к служебному входу. Через рецепшен, где был пост службы безопасности Ашана, прошли верхним вторым этажом на свои посты. Как всегда на второй проходной стоял Оболенский Игорь Адольфович, Сирык Коля, стоял на кофе, Игорь Каширин, на алкоголе, а я, как уже говорил, прошел на пост «Фейерверков».

На дворе стояла пасмурная холодная осень. Я, когда устраивался на работу, в такую же погоду ходил в костюме и промерз. От этого у меня был страшный сухой кашель. Щекотало в горле и постоянно провоцировало этот кашель, который нападал в самую неподходящую минуту. Мой пост пиротехники находился в самом холодном месте, где было длинное помещение с еще сохранившимся подъемным краном и рельсовыми путями под потолком помещения для передвижения крана. Я взглянул на эти рельсы, на длину помещения и вдруг мне показалось, что где-то я уже видел эти рельсы и лебедку крана, и длину этого помещения. От размышлений меня вывел голос мониторной:

– Фейерверк, мониторная!

– На связи! – ответил я в рацию.

– Почему не отвечаете, что вы пост приняли?

– Как я могу отвечать, что я принял пост, когда отсек пиротехники опломбирован?

Служба безопасности должна снять пломбу, а представителей до сих пор нет!

– Снимайте пломбу и открывайте пиротехнику.

– Принято!

Я сорвал красный полиэтиленовый зашморг пломбы на замке и открыл замок ключом, который взял под роспись при входе на рецепшен.

Очередной приступ кашля, заставил меня выйти из холодного помещения в открытую дверь зала, где стояли мебельные гарнитуры, письменный столы, компьютерные столики и прочая мебель. Тут было намного теплее, и я согрелся. Кашель прошел, мне стало тепло и уютно. Поневоле снова одолели мысли, где я мог видеть рельсы подвесного крана. «Может на заводах, где я работал и заходил на склады металлов, где были точно такие же подъемные механизмы кранов». – Мелькнула мысль.

Медленно и с поразительной настойчивостью стали возникать картины моего видения меня у пришельцев в этом вот десятилетнем возрасте. Я вдруг припомнил, что форма, в которой я был сейчас, точно соответствует той, которую я наблюдал на себе тогда в детском возрасте на экране модуля пришельцев. Но рельсы, причем тут рельсы? Ах, да это были полки, на которых стоял товар. И еще, в руках у меня был черного цвета, именно черного цвета, планшет. И вдруг, как молнией ударило меня, так тут должна быть та девушка, которую я видел на экране. Мое сердце вдруг заколотилось, как молот, возбужденно пытаюсь достучаться до сознания, как бы говоря ему:

– «Чего же ты стоишь здесь? Беги в зал! Ищи свою Анжелу там, она там!»

Я был вне себя от ощущения скорой встречи. И если она в зале, то я обязательно ее встречу и поговорю с ней обо всем. Мои мысли теперь были заняты свиданием с этой девушкой, воображение меня несло невесть куда, и вместе с тем, холодный рассудок остужал горячность сердца и его необдуманные побуждения. Я обуздал чувства, и логичность подсказывала мне, что я буду на разных постах стоять в торговом зале и рано или поздно эта встреча все равно состоится.

– Дед, ты чего молчишь, я тебя вызываю, а ты молчишь? – незаметно подкрался ко мне старший смены Даниленко.

– Виталий Викторович, так я же все время на связи.

– Ану дай рацию.

Я вынул из кармана куртки рацию, подал ему. Он повертел ее, потом сказал:

– Десятый, тридцатый на связи, ответь тридцатому!

Ему никто не отвечал.

– Да, похоже, что тут в зале плохой сигнал, не пробивается.

Он вернул мне радиостанцию, затем дал мне список, со словами:

– Это перечень постов, пойдете, поменяете посты на пять минут. Спрашивайте, если не будете знать, где кто стоит. – Сказал Даниленко.

Такой удачи я и не предполагал, что может быть. Ведь теперь я смогу присмотреться ко всему, что творится в торговом зале и найти Анжелу. Ликуя внутри себя, я взял список и с напутственными словами Даниленка:

– Начинайте подмену с поста номер два, с Оболенского. А я поменяю пост номер три, и пойду менять суточников.

– Есть! – с радостным чувством выкрикнул я. На что Даниленко, не скрывая своего удивления, улыбнулся, покрутив головой в обе стороны, и ушел к посту номер три. В мое отсутствие за постом «Фейерверк», присмотр взяла на себя мониторинная.

От пиротехники хорошо просматривался пост номер два и, двигаясь по пешеходной аллее, я вертел, головой осматривая продавщиц, экспертов и мерчендайзеров, но нигде знакомого лица Принцессы не было. Подмена не была сложной и, пройдя весь зал, я не обнаружил никого из девушек сотрудниц магазина, кто бы хоть отдаленно не напоминал мне ее облик. Разочаровавшись в своих поисках, я стал утешать себя тем, что может девушка в отпуске, на второй смене, может, ушла на больничный лист, и так далее. Короче говоря, еще не вечер...

Глава четвертая

Итак, первый день 15 часов на ногах. Ступни пекут, словно стою на раскаленной сковороде. Весь путь домой иду как по дороге с семеричным землетрясением, колыхается путь, произвольно шатается асфальт. Однако, то, что я теперь буду даже получать аванс, не говоря уже о заработной плате, снимало все неудобства и последствия трудной, порой не выносимо трудной работы на ногах. Дома, я появился в 23—40. В ванной промыл под душем ноги, и почувствовал невероятную усталость и облегчение. Установив будильник на мобильном телефоне на 5—00, вышел после душа на кухню. Там ждала меня еда, приготовленная Лиличкой, ведь заслужил, устроился и теперь я работаю, и буду приносить заработную плату. Я наполнил тарелку борщом, положил туда изрядную порцию сметаны и принялся со звериной жадностью поглощать пищу, поймав себя на мысли о том, что если бы я упал от этой работы, то есть вряд ли мне хотелось бы. Значит, будет все в порядке. Такая неожиданная мысль пришла мне на ум, как спасительный круг утопающему, и я с превеликим удовлетворением забрался в постель, под свое одеяло. Сонное сопение жены провалило меня, куда-то в небытие, чтобы тут же вскочить от громкого пиликания будильника. Я думал, что я поставил будильник по ошибке на нето время, когда еле продрав сонные глаза, посмотрел на экран телефона, там было 5 часов утра. Резко вскочив с постели, поплелся на кухню, под ворчащие сонные стенания жены.

– А, что уже пора вставать? – спросила меня она. Но отвечать Лиличке у меня не было сил, и я ничего не ответил, поставив чайник для заварки кофе, я пошел в ванную и принялся за водные процедуры, затем побрился. Свист чайника на кухне окончательно разбудил жену, и мы собрались вместе за кофе. С каждым глотком этого удивительного напитка, сон уходил, куда-то в атмосферу и бодрость вселялась в мои еще спящие члены. Затем я собрал в судки еду, состоящую из жаркого и приготовленного женой оливье. Взял еще чая в пачке и сложив в Ашановский кулек обед, молча, стал напяливать на себя форму. Когда все было готово, Лиличка напомнила мне:

– Ты все взял? Телефон, ключи, мелочь на кофе?

– Да, зайныка, все. – Сказав это, я привлек жену к себе и поцеловал в щечку.

На часах, что висят у нас на кухне, стрелки показывали уже 6—00. Мне уже пора выходить.

– Закрой за мной! – сказал я, и вышел еще в предутреннюю городскую тьму к станции метро «Оболонь». В 6—30 я уже прятал свой кулек с едой в свою ячейку, которую выделили мне в нашем вагончике для охранников. Минуты перед построением проходили быстро и вот в 7—00 мы выстроились на плацу. Снова Николай Иванович читал расписание постов, кто, где стоит, а рядом с ним стоял старший смены, вылитая копия Семена Буденного. Его знаменитые усы, были закручены кончиками кверху, а стройная подтянутая фигура и невысокий рост, делал это сходство со знаменитым полководцем времен войны потрясающим. Мы так его и прозвали, Буденный. Фамилия у старшего смены не была столь знаменита. Его звали Таракан Василий Иванович вот его полное имя. Этот человек отличался добротой и рассудительностью и никогда не рубил с плеча, как это любил делать Колобок Юрий Феокистович. Поэтому на его сменах меньше всего было объяснительных записок и штрафов.

Мой пост был номер три под названием «Подольские Ворота». Это входная группа, выходом на парковку перед гипермаркетом и рядом был заезд рефрижераторов для подвоза продажной продукции. Там тоже был дневной пост на улице, следивший за тележками, чтобы покупатели не увозили их с собой. Рядом с моим постом работает итальянское кафе кофейня. Ароматы разных сортов кофе наполняли просторное фойе перед входом в торговый зал, здесь через мой пост номер три, да так, что очень хотелось попробовать еще и этот кофе. К девяти часам пришла стройная девушка в шапке из кудрей. У нее были такие круглые кудри, что издали я подумал, что парик, но когда она подошла ближе, я увидел, что это настоящие волосы. Девушка представилась мне и назвала свое имя:

– Меня зовут София. – Я сразу понял, что за этим последует какая-то просьба.

Так и вышло. Как только я назвал свое имя, она обратилась ко мне с просьбой:

– Я должна открыть кафе ровно в девять, посмотрите тут, мне надо на минутку отлучиться, чтобы никто не входил, пока меня нет, хорошо?

– Да нет проблем. Я охотно посмотрю за входом в кафе.

Она открыла кафе и сама ушла. Я устал прогонять посетителей, минутка протянулась на целых полчаса, но все же девушка явилась. И я был вознагражден не только улыбкой но, и вкуснейшим итальянским двойным кофе, который выпил неспеша, стараясь протянуть, как можно дольше, не только аромат этого удивительного напитка но, и вкусовые прелести, что томились в бумажном стаканчике.

Покупателей было сегодня мало, в мой третий день работы, и паковать их вещи в полиэтиленовые пакеты, было не так нудно. На подменах я неустанно вел наблюдения за сотрудниками зала, но нигде не было интересующей меня Принцессы...

Проходили дни и недели, я уже свыкся с тем, что нигде не видно девушки и постепенно включился в ритм работы в охране. Я уже привык работать в таком ритме, но моя спина отказывалась помогать мне и время от времени давала о себе знать. Пришлось цыплят в область боли горчичник, и с ним было легче. Однажды меня Колобок поставил на пост номер девятнадцатый алкоголь. Там было крупное воровство и нужен был человек, который бы адекватно реагировал на покупателей и внятно давал информацию мониторинга. Почему-то Юрий Феокистович счел меня подходящей кандидатурой на этот пост. Что мне оставалось делать, как не сказать:

– Есть!

Работая уже второй год, я передаю информацию с поста номер девятнадцать «Элитка». Мною все довольны, кроме Колобка Юрия. Он стал строго следить за тем, чтобы я не прислонялся к паллетам и не давал отдых моей спине таким образом. Однажды он зашел так, чтобы я не заметил его и, положив руку мне на плечо, улыбнувшись с ехидцей, сказал:

– Я же тебя предупреждал, чтобы ты не прикасался к поддонам, на которых ты практически сидишь. Вот и схлопотал штраф сто гривен.

– Слушай, Юра, может не надо? – сделав страдальческую мину, я взглянул Колобку в его серые, стального цвета, непроницаемые глаза.

– Ничего не могу поделывать. Штраф! – он повернулся и ушел.

Да штраф я выплатил в зарплату, наш директор, выдавая деньги, вычел сто гривен и в ведомости написал за что...

Глава пятая

Работа моя состояла из сплошных неудач. Эти неудачи помогали мне в дальнейшем не делать глупых поступков, но и терзали мою психику, одновременно шлифуя из меня профессионального охранника. Вот, например, простой случай, который чуть не стал для меня роковым в моей профессии.

Как-то после окончания работы гипермаркета, Колобок Юрий Феоктистович, это была его смена, объявил по рации:

– Кто там, в зале, пост номер девятнадцатый Колесников, примерочная Бриллиант и детектив Короста, беритесь за ручки и выходите из зала на вторую входную группу.

Я не мог перенести такого обращения, посчитал, что это оскорбительно так унижать до уровня детей, и, возмущаясь, сказал в эфир:

– Мы не в детском садике, чтобы браться за ручки.

На это сердитый голос Колобка прозвучал угрожающе:

– Ну, ты подойдешь сюда, я тебе объясню, кто тут в детском садике, а кто в охране и поедешь на офис!

Поехать на офис, значит увольнение.

Мы гуськом пришли на вторую входную группу, и вышли за линию касс. Там уже стояли охранники, снятые с постов, в ожидании команды «Витязи снимаемся!»

Колобок стоял ни слова не говорил мне. Я не выдержал и подошел к нему с вопросом:

– Юрий Феоктистович, ты что-то там говорил по поводу, кто тут из детского садика, а кто из охраны?

Колобок посмотрел на меня своими перевернутыми и чистыми, как родниковая вода, глазами и сказал, не меняя позы, опираясь на стойку Пункта Обслуживания клиентов:

– Дать бы тебе в горло, чтобы ты заткнулся, да и дело с концом.

Дружный хохот охранников прокатился по залу. Я сник, униженно поплелся в строй. Вскоре последовала долгожданная команда «Витязи снимаемся!» И, мы, через «Оболонские» ворота, дружно побежали к своему вагончику переодеться, чтобы идти домой.

На втором году службы я уже достаточно хорошо освоил все премудрости службы в охране, и особенно на посту «Алкоголь», где были дорогие напитки виски и коньяка. И служба моя худо-бедно продвигалась месяц за месяцем от зарплату к зарплате. И все было бы ничего, но, в компании «Витязь Групп» произошло знаковое событие, изменившее наше пребывание в Ашане на Петровке.

На первой входной группе стоял Оболенский Игорь Адольфович. Наш магазин Ашан работает до 23—00. Как-то в сентябрьский осенний день 2011 года, Игорь Адольфович в 22—45 минут заметил двоих парней с телегой наполненной разного рода выпивкой, колбасой, пивом и прочими продуктами, на общую сумму около пяти тысяч гривен. Один парень вышел через пост Игоря без покупок, а за ним следом, минуя кассы, двигалась тележка наполненная товарами почти доверху, управляемая долговязым парнем с неадекватным блеском в глазах, нервно проталкивая тележку к выходу. Оболенский, подбежав к этому покупателю, указал ему рукой на ближайшую кассу, куда надо выкладывать товар для оплаты.

– Не мешай мне! – сердито прикрикнул на него долговязый и ринулся, толкая тележку с товаром к выходу на Оболенского.

Игорь передал на мониторную и получил приказ задержать парня, который уже вытолкал тележку с товаром за линию касс. С неадекватной бранью, парень набросился на Игоря и дал ему в глаз оплеуху. Но Оболенский был тренирован с хорошей реакцией и успел увернуться. К нему на помощь подоспели охранники, что стояли на линии касс и старший смены Даниленко. Они затащили хулиганствующего покупателя в специальную комнату для установления личности и мер пресечения его поведения. Но этот покупатель не отвечал на вопросы, а лишь покрывал сотрудников бранью и грозил с ними разобраться, как только ему дадут телефон для положенного в таких случаях одного телефонного звонка.

– Смолы тебе горячей, а не телефон, сопля ты недоразвитая! – высказался один из охранников, на что сразу получил замечание Даниленка.

– С покупателями надо быть вежливыми, чтобы они не говорили.

– Вот именно! – вставил свои пять копеек хулиган-покупатель. – А теперь я встал и ушел с вашего вонючего задержания.

– Никуда вы не пойдете, пока не приедет наряд милиции. – Ответил старший смены, Даниленко.

– Да вы знаете, кто я такой?! – повышая голос, стал орать долговязый. – Сын прокурора Подольского района. Если меня не отпустите, вас тут завтра же не будет.

– Что там с нарядом? – спросил Виталий Викторович у мониторной по телефону. Ему ответили, что не могут дозвониться до наряда, и что оставляйте его до утра. Утром разбирайтесь.

– Мне сказала служба безопасности Ашана оставить вас, молодой человек до утра. – Не успев высказать эти слова, Виталий Викторович, как покупатель, расталкивая охранников, рванулся к выходу. Его снова схватили, усадили на стул.

– Уже одиннадцать, нам домой пора двигать! – сказал один из охранников.

– Давай скотч, свяжем этот преступный элемент и оставим до утра! – посоветовал Виталию Викторовичу еще один.

Липкая лента появилась, словно из не откуда, и сразу же рыдающего, как дитя, «сына прокурора» какого-то там района города Киева, охранники скрутили по рукам и ногам скотчем, закрыли дверь на замок комнаты номер пятьдесят восемь и, разошлись по домам.

К сожалению, я не был в это время на работе, так как у меня было два выходных дня положенных мне по графику. На второй день моего выходного дня история с «сыном прокурора» имела продолжение. Когда охрана пришла на работу в положенные 6—30 утра, в комнату №58, невозможно было зайти от страшного смрада человеческих испражнений и запаха мочи. «Сын прокурора» обделался попойкой, кроме того и облевал линолеум пола и размазано все по всей комнате, пытаясь, очевидно, развязать путы. Но это еще не все, парень оказался сыном прокурора района города, который я не хочу называть. И папа-прокурор поднял на ноги всю милицию района в поисках пропажи своего чада, которая к утру и разыскала пропавшего парня. Когда Николай Иванович и смена пришли на работу, то увидели, что понаехало к магазину милицейских служебных машин и наряд милиции...

Я и еще двое парней пришли после выходных на работу с собранными дома обедами. По дороге от метро «Петровка», мне повстречались два парня, с нашей охранной компании. Мы энергично обсуждали заработки и, что скоро должна быть зарплата. Подойдя к нашим двум вагончикам, в глаза бросились открытые двери и ни души вокруг. Обычно на перекуре всегда кто-то курил, кто-то ждал построения. А тут никого. Мы вошли в вагончик. Холодильника на месте не было. Дверцы шкафчиков сломаны, а на столе, где обычно мы кушали погнутая вилка и земля с цветочного горшка. Мои попутчики стали строить догадки, а растерянные их лица говорили о полном недоумении.

– Давайте, поедem в офис, и там все прояснится! – сказал я. Со мной согласились. Когда мы проходили через служебный вход, на пороге стоял наш охранник из компании «Витязь Групп», который неизменно охранял служебный вход центрального офиса, где работали французские представители компании Ашан Петровка.

– Дядя Миша, это вы?! – я был удивлен, и озадачен тем, что одного его вижу.

– А кто же еще. – Спокойно прикуривая сигарету, отвечал дядя Миша.

– Что тут за побоище стряслось? – спросил я, – И где народ?

– Там никого уже нет. И мне просили передать для вас, чтобы вы ехали в офис.

– А все-таки, что стряслось? – не сдавался я. Дядя Миша рассказал нам про это знаковое задержание «Сына прокурора» Подольского района. И завершил рассказ словами: – В этот же день весь состав «Витязь Групп» был снят из гипермаркета Ашан Петровка. Часть переведена в Ашан по адресу Окружная, 4. Так как коллектив с Ашана Петровка был достаточен, то часть охраны была уволена, а часть разбросана по другим подразделениям «Витязь Групп».

Конкретно мне было предложено перейти в охранную структуру «Украинская Служба Безопасности», которая занималась охраной школ. Я, конечно, согласился, и стал с 10-го октября работать охранником в Школе №148 Святошинского района города Киева. Работа там начиналась с 10 -го октября 2011 года, так как человек, работавший в школе №148 охранником, должен был работать до этого времени. Месяц без работы сказывались на нашем бюджете. Но, делать было нечего и пришлось как-то выживать...

Глава шестая

И вот я сижу в обширном фойе школы №148. Директор русскоязычной школы №148 познакомила меня с персоналом и указала мне на рабочее место. Дети сразу обступили меня, стали расспрашивать о том, почему я пошел в охранники, и на них разные вопросы с подробностями я с удовольствием отвечал. Отношения со школой были налажены и дружба с персоналом тоже.

Проблемы начались спустя несколько месяцев моей работы. После нового 2012 года, когда школа перешла на украинский язык преподавания, старого директора уволили на пенсию, и новым директором стала бывшая завуч. Ей очень хотелось по руководить, и она начала придирааться ко всему персоналу, что не минуло и меня. И вот, однажды, она пришла утром до начала занятий и увидела, что в дверях столовой стоит мама девочки первоклассницы, которая вошла туда за пирожком.

– Вы, куда смотрите?! – едва переступив порог, стала говорить новоиспеченная директор. – Я вас спрашиваю?! – уже крикнув мне, как своему подчиненному, и все больше раздражаясь, на мое безразличие и спокойствие.

Подлетев в истерике к перепуганной маме девочки, директор школы начала кричать:

– Вы, кто такая?! Вы знаете, что посторонним сюда запрещено входить?!

Перепуганная мама, не знала, что ответить. Я пришел на выручку.

– Простите, уважаемая Галина Александровна, но это мама первоклассницы.

В это время появилась в дверях столовой девочка с пирожками.

– А, вы, почему вмешиваетесь сейчас?! – истерически стала произвольно кричать директор на меня.

– В первых смените тон. Я вам, Галина Александровна не подчиняюсь, и требую вежливого обращения! – повысил голос и я.

– Ах, так, он еще вздумал хамить! Ну, подожди, я позову сейчас твое начальство, что бы духу твоего завтра здесь не было! – она бежала по фойе, и кричала в истерике.

Я ринулся следом за директором и вдогонку выкрикнул:

– Да кто тебя, дуру поставил руководить, тебя к детям вообще нельзя допускать!

Директор взлетела по лестнице на второй этаж, и слышны уже были ее торопливые шаги по длинному коридору к своему кабинету. Больше она не показывалась. Я спокойно выполнял свои обязанности, и где-то, около двенадцати часам, появился наш директор Мовчун Николай Иванович. Это был тучный средних лет человек. Очень рассудительный руководитель и строгий бескомпромиссный человек, умевший спаять из разных людей крепкий и организованный коллектив охранной структуры. Под его руководством работалось и трудно, и надежно в плане точного соблюдения правил и предписаний охранной службы. Увидев меня, он быстро приблизился и подав руку, поздоровался со мной.

– Ну, что здесь стряслось? – тихим голосом проговорил он, предлагая жестом выйти на порожек школы для разговора. Мы знали, когда Мовчун говорил так, это означало одно, либо тебя уволили, либо выписали не подъемный штраф. Мы вышли на терассу к поручням лестницы.

– Ну, рассказывайте? – Его внимательные карие глаза впились в меня, острыми иглами буравя мозг.

– Истеричка, а не директор. Такую руководительницу к детям за сто километров допускать нельзя. – Начал я, пытаюсь перейти на жалостливый и оскорбленный тон.

– Я вас не спрашиваю, кого куда ставить! Кратко излагайте суть конфликта! – неумолимо приказным тоном уточнил Николай Иванович.

Я рассказал все, завершив словами: – Вы меня оштрафуете?

– Посмотрим. – Уклончиво ответил Мовчун, и вошел в фойе школы, следуя к директору. Я стал дожидаться приговора, сидя на своем рабочем месте за письменным столом у входа. Как всегда внезапно прогремел звонок окончания урока. На перемену выбежали дети, надо было наблюдать за ними. После перемены, когда все зашли в классы, появился Николай Иванович в сопровождении заплаканной директора. Увидев меня, Галина Александровна поспешила удалиться. Мы с Мовчуном снова вышли на терассу перед входом.

– Значит, я вас оштрафую на сто гривен. Пока работайте. – Сказал Мовчун, вопросительно взглянув на меня.

– Можно спросить? – Осторожно, сделав попытку к диалогу, сказал я.

– Спрашивайте.

– Не могли бы вы перевести меня в Ашан Окружная 4.

– Там пока все занято, но к маю, когда начнутся каникулы в школе, я вас переведу к Мозговому Виталию Александровичу в Ашан Окружная 4.

– Николай Иванович, я буду вам благодарен. – Я хотел еще что-то добавить, но вовремя спохватился. Мовчун не любил длинные диалоги и воспринимал всю информацию в сжатой до минимума форме состоящей из трех, максимум из четырех слов.

– Ну, до свидания. – Он протянул и пожал мою руку.

И я вернулся на свое рабочее место...

Глава седьмая

Итак, наступил 2012 год. Календарь индейцев цивилизации Майя рассчитан до 2012 года, так как с началом эры Водолея, наступает новый виток развития для Земли. Наша Солнечная система начинает свой путь нового витка вращения вокруг галактического центра галактики Млечный Путь. А я с наступлением школьных каникул остаюсь без работы. И вот последний школьный звонок. Торжественно дети с родителями после построения и речи директора школа разошлись по домам. Я, так и не дождался обещанного перевода в Ашан на Окружную, 4, решил сам сходить туда и, пользуясь тем, что Мовчун дал свое устное согласие на перевод меня туда, решил поговорить с начальником охраны Мозговым Виталием Александровичем. И после школьной торжественной линейки, вышел к троллейбусной остановке. Троллейбус вскоре подкатил и я уже в троллейбусе ехал в сторону завода «Электронмаш», где расположен

Ашан. Я зашел в помещение, где когда-то располагался отдел главного механика завода «Электронмаш» Бакутиса и, где я проработал в свое время конструктором в конструкторском отделе главного механика под управлением Бродского Михаила Самойловича в секторе Нестандартного оборудования. До боли знакомое здание, теперь это комфортабельный гипермаркет Ашан Окружная 4. Зашел в зал и первого, кого я увидел это охранника в форменной обуви, в которой ходила в то время милиция. Я еще обратил внимание, что обувь была изношена, но охранник носил ее. На поясе сзади болтались наручники, и торчала резиновая дубинка. А вот форма на охраннике была фирменная «Витязь Групп».

– Здравствуйте. – Сказал я, приблизившись ближе.

На меня уставились сонные седые глаза, взглядом не понимающим, что и зачем к нему обращаются. Охранник ничего не ответил, проходя мимо меня. Я повторил свое приветствие. И только со второго раза он остановился, и соизволил более осмысленно взглянуть в мою сторону.

– А, вы, что-то хотели? – наконец проснулся он.

– Не могли бы вы спросить по рации, где находится Мозговой Виталий Александрович и куда к нему подойти?

– Представьтесь, кто вы такой, чтобы спрашивать Мозгового?

– Я от Мовчуна Николай Ивановича, мне нужно с ним встретиться? и только после этих слов охранник достал из кармана рацию сказал в нее:

– Тридцатый первому! – рация молчала. – Он не отвечает. – Повернувшись ко мне, сказал охранник, собираясь пройти мимо. Я, поражаясь вопиющему безразличию и тупости охранника, настойчиво напомнил ему о себе:

– Я прошу подсказать мне, где у вас служебный вход?

– Обойдете здание, когда повернете на право, там будет металлическая дверь. Нажмете кнопку, и вам откроют, там рецепшен, у службы безопасности спросите Мозгового.– И снова на меня смотрели затянутые седой дымкой тумана глаза охранника. Я понял, что разговор окончен, и, не сказав ни слова, повернулся и вышел из фойе гипермаркета. На рецепшен чиновник службы безопасности, после выяснения, кто я такой, позвонил Мозговому, сказав:

– Виталий Александрович, тут к вам пришли по поводу работы.

– Скажите, что мест нет, мы взяли уже человека на это место. – Услышал я ответ начальника охраны.

– Мест нет! – Повторил чиновник.

– Я от Мовчуна, скажите, что я тот самый человек, которого взяли на работу именно сюда.

– Виталий Александрович, он говорит, что он тот самый, кого вы взяли.

– Пусть подождет. – Услышал я в трубке.

– Ждите, он сейчас подойдет.

Со вздохом облегчения я уселся на мягком кресле приемной. Через полчаса появился бледный и худой человек с прической наискось зачесанными и прилизанными каштановыми волосами, как обычно причесывались офицеры в Советской Армии. Он подошел к турникету и поманил меня жестом. Я подошел ближе.

– Да, я вас слушаю. – Сказал, сразу приступая к делу.

– Меня прислал Мовчун.– Начал я.

– Я созванивался с Николаем Ивановичем, он мне ответил, что никого не прислал.

– Он мне в школе месяц тому назад говорил, что вы меня возьмете, там начались каникулы и я фактически без работы. И потом я договорился с ним, что вы зачислите меня в свой штат.

– Подождите, я сейчас ему позвоню, уточню, что он имел в виду. – Мозговой начал набирать по мобильному телефону Мовчуна. Когда это ему удалось, стал говорить, то, что я ему сказал.

После короткой беседы с Мовчуном, он обратился ко мне.

– Езжайте в офис, там переоформляйтесь и позвоните, когда сможете выйти на работу, я вас включу в график работ.

– До свидания, Виталий Александрович. – Я подал ему свою и крепко пожал его руку.

После некоторых формальностей в офисе я стал работать охранником в Ашане Окружная, 4...

Глава восьмая

В Ашане Окружная, я столкнулся с очень интересным явлением в руководстве охраны. Мозговой Виталий Александрович, человек добрый по натуре и не требовательный, поэтому в коллективе сложилась ситуация борьбы за лидерство в команде. С этой стороны, сразу проявляется хорошая возможность наблюдать людей, у них видны на лицо все недостатки и достоинства во всей красе. Такие коллективы хорошо подбираются для выполнения особых поручений разведки в глубоком тылу врага, где необходима взаимовыручка и постоянное чувство плеча товарищей. Поскольку Мозговой Виталий был офицером службы разведывательного подразделения Советских войск в Афганистане, то и школу он прошел соответствующую. Итак, спустив на тормоза коллектив, Мозговой наблюдал за каждым из нас, и однажды сказал мне:

– Знаешь, Альбертович, я бы ни с одним из моих подчиненных не пошел бы в разведку в глубокий тыл врага.

Я не придавал его словам особого значения, но когда у меня пропала колба из моего термоса, в котором я носил чай на работу. Мне пришлось задуматься над его словами. Мне выделили шкафчик для переодеваний, и я мог туда вешать свою одежду и обживаться. Три человека стали мне симпатизировать. Это был Леша Сидоренко, суточник Гриша Самохвалов и Ивань Григорович. Но вот со стороны старших смен, например, Феликсовича, увидев меня первый раз на построении перед началом работы, сразу, как говорится, схватил быка за рога:

– О, дед. – Обозвав меня так, причиной, как всегда была моя седина, он продолжал, – А вы выдержите на ногах пятнадцать часов?

– Прошу прощения, но я не дед, это первое. А, второе я проработал в Ашане на Петровке ровно два года, а сюда попал по переводу.

– Да он лучше нас с вами работает. – Не выдержал Коля Сирык, чтобы не вставить свои пять копеек.

– А, ты, Сирык, что с бодуна опять, что встряешь в разговоры? – Оборвал его Феликсович.

Старший смены, был среднего роста с круглым, как у беременной женщины, пивным животом и с пронзительными серыми глазами. Был жесткий, в отношении дисциплины. Требовательным служакой, за малейшее нарушение следовал штраф с его подачи. Его не любили и боялись. Но у него был очень крупный недостаток, никогда и, ни при каких обстоятельствах, он не защищал нас перед службой безопасности Ашана, а всячески старался свалить проколы этой самой службы на нас, охранников «Витязь Групп». Такой парадокс мне не был понятен, только после происшествия некоторого времени мне стало понятно почему.

Итак, наступил мой первый день работы в Ашане Окружная, 4. После развода, старший смены Даниленко Виталий Викторович, которого раньше перевел Мовчун с Ашана Петровка сюда, вручил мне рацию и подозвал к поручням, что ограждают проход на втором этаже. С этого прохода хорошо просматривался торговый зал. Он указал на отдел Алкоголя и сказал:

– В графике вы числитесь на посту номер девятнадцать. Это Элитка, самый трудный отдел и на особом внимании службы безопасности, поэтому борьба с преступным элементом там ведется категорически и без компромиссов. Не допускайте ошибок и корректно обращайтесь с покупателями. Вам ясно?

– Яснее не бывает. – Ответил я. Взял у него рацию и ушел на свой пост номер девятнадцатый. Появившись на посту, обязательно необходимо сообщить на мониторную, что пост принят. Что я и стал говорить в рацию.

– Мониторная, девятнадцатый, пост принял.

– О, дед. А, ты не упадешь там? – издевательский женский голос, ответил такой бравадой. Я никак не отреагировал, хоть в душе мне хотелось покрыть эту женщину трехэтажным матом, что повергло меня за такое хотение в стыдливое состояние, и я пребывал временно в шоке услышанного. Затем, повторил свой сленг.

– Мониторная, девятнадцатый, пост принял!

– Принято! – наконец согласилась мониторная.

Мой рабочий день начался. Я ознакомился с расположением напитков коньяка, виски, стараясь запомнить дорогие напитки, где что стоит на полках. Покупателей в алкогольном отделе так рано еще не было

Мысли снова стали вертеться вокруг девушки увиденной мною в то далекое время детства в модуле пришельцев. Я стал вспоминать подробности. Передо мной возникла в памяти картина увиденного, как ко мне, стоящего с планшетом черного цвета, подошла стайка девушек, и среди них Принцесса, у одной были три красных тюльпана. На девушке была с синими цветочками косынка, повязанная на голову в точности, как у моей матери, когда в солнечный воскресный день ее вызвали на колхозный субботник и она, взяла меня с собой. Мать тогда была очень возбуждена, тем, что даже в выходной день ей не дали покоя и там, на колхозной ферме она промыла емкость холодильной камеры для хранения молока. Я, что-то говорил Принцессе, и она мне улыбалась своей безумно красивой улыбкой, да так, что, сейчас, через столько лет из прошлого, меня бросало в жар, и страстно мне хотелось поскорее встретить ее, увидеть, услышать ее голос, как голос моей матери. Хотелось, чтобы она узнала меня. Я почему-то решил, что это моя мать, как воскресшая из прошлого пришельцами, перемещенная в наше время. Я стал искать приметы для того, чтобы разобраться подробнее с этим. Но планшета, да еще черного цвета здесь в Ашане Окружная, 4, в руках у меня не было. Но был алкогольный отдел с выставленными на полках дорогими напитками виски и коньяков. Значит, встреча должна состояться именно здесь. На ум приходила знаменитая восточная поговорка; «Если хочешь увидеть решение твоей проблемы, то выйди, сядь на пороге своего дома, жди, проблема сама собой разрешится».

Auchan District 4, in the hands of my debts. But he was an alcoholic department with exposed on the shelves of expensive drinks of whiskey and brandy. So, the meeting to be held here. Comes to mind is the famous oriental proverb; «If you want to see a solution to your problem, then go out and sit on his doorstep, wait, the problem resolved itself.»

Глава девятая

На второй день моего дежурства в алкогольном отделе, а работа начиналась с восьми утра, и, как обычно, до девяти, покупателей не наблюдалось за исключением одного или двух. Это время использовали эксперты для некоторых загрузочно-погрузочных работ, что оставались с прошедшего дня. Так было и в этот раз. Я зашел в отдел и увидел там, в красной заяложенной Ашановский куртке, с худым лицом и впалыми щеками парня с выпяченным подбородком. Этот парень, не обращая никакого внимания на меня, энергично, с каким-то одержимым энтузиазмом, притащил деревянный европоддон и бросил его на цементный пол. Поддон, издал взрывоподобный хлопок, грохнулся на цемент пола. Я, вздрогнул от неожиданного грохота, повернулся и стал наблюдать, зачем создавалось столько шума. У полок с выставленной алкогольной продукцией стояли картонные ящики с бутылками. Парень начал хватать ящик за ящиком и швырять их по очереди на поддон. Бутылки с алкоголем издавали звон на предельной возможности, чтобы не разбиться. Создавалась пирамидальная структура из ящиков,

которая росла, как строящийся небоскреб в Арабских Эмиратах. И когда эксперт понял, что последний ящик установлен на самый верх «пирамиды», отошел в сторону снял пропитанную, потом красную куртку и швырнул ее на пол в проходе между полками и выставочным паллетом с алкоголем. Куртка мягко приземлилась у моих ног. По отделу стал распространяться удушливый запах пота, от которого у меня сперло дыхание, и я быстро переместился в другой конец длинных полок с выставленными там дорогими напитками виски. Когда повернулся лицом к сооруженной конструкции из ящиков на поддоне, то увидел, что эксперт стал бегать вокруг этого нагромождения, обматывая свою конструкцию прозрачной пленкой. От этого, конструкция слегка наклонилась в сторону, как Пизанская башня. Закончив свою беготню вокруг этой «башни», эксперт закрыл вход в отдел длинными красными шлеями, и подогнал вилы электроподъемника под поддон, стал поднимать свое сооружение наверх. Конструкция вдруг наклонилась и, с высоты примерно в один метр, рухнула на цементный пол, образуя изрядную лужу из водки. Запах водки распространялся по отделу, забивая запах удушливого пота, который стал уже слышаться и тут, в другом конце отдела, где я стоял. Эксперт, как ни в чем не бывало, спрыгнул с кабинки подъемника. Стал сортировать сухие ящики от промокших, отставляя их в две кучи. Затем сформировал из сухих ящиков новую устойчивую конструкцию, обмотал ее лентой, как паук обматывает свою жертву паутиной, и водрузил подъемником наверх полку, где стояли ряды ящиков с продукцией на поддонах. Этого эксперта, как я позже узнал, звали Кирилл Пивоваров...

Между тем я все больше и все подробнее изучал образцы продукции выставленной для продажи в элитном отделе алкоголя. На алкоголе работали три штатных сотрудника-эксперта Кирилл и Александр, или, как все его называли, Саша Конь, и еще один высокий и немного нелюдимый Сергей. Он часто оставался допоздна, прихватывая неурочные часы. Сергею что-то мерещилось не адекватное в моей работе. Иногда приходилось через мониторную вызывать продавца. И часто им оказывался Сергей. Обычно, когда я через мониторную вызывал продавца для затаривания партии шампанского или вина, которую покупал покупатель, Сергей являлся со словами, зло, бросая мне:

– Что, продаете?! – и, сопя, принимался запихивать в картонные ящики тот или иной алкоголь для покупателя. Я не придавал особого значения этому, так как считал, что это просто Сергею не хотелось выполнять обязанности, и поэтому он недовольно бурчал, полусуто, полусерьезно. Но оказалось совсем не так. Нам охранникам строго запрещалось вступать в договорные отношения с поставщиками алкоголя, так как на этом можно было зарабатывать, оказывая услуги продаж. И Сергею взбрело в голову, что у меня договор с поставщиками и, что я за сбыт от поставщиков получаю вознаграждение. Это его напрягало и злило, что он, якобы фактически, как раб, работает на меня, а я такая вот гнида, не хочу с ним делиться. Мне было крайне неприятно чувствовать этот завистливый взгляд, а не вызвать продавца в лице эксперта Сергея я не мог, это была моя прямая обязанность. И совсем другие отношения складывались с Кириллом и Александром. Кирилл был трудоголик, много и старательно затаривал продукцию в отделе, а Саша по фамилии Конь, весельчак по натуре своей, легко и свободно общался со мной безо всяких подозрительных измышлений. И смеялся всегда громко и отдуши, за что получил прозвище Конь, одновременно это была и его фамилия, что подходило ему за его энергичный и выносливый нрав. Вообще коллектив экспертов меня принял, хоть каждый из них воспринимал меня по-разному.

На третий день работы старший смены Даниленко Виталий Викторович, вручил мне синего цвета планшет с продранными краями по бокам и сказал:

– Вот нововведение, надо вести записи в эти разграфленные клетки, что взяли из элитных напитков и приметы покупателя и еще время отмечать, что и когда взяли.

– Да, конечно. – Радостно ответил я.

Виталий Викторович, удивленно посмотрел на меня.

– Вы чего радуетесь? Такой муторной работы я еще не встречал.– Сказал он с кислой миной на лице.

Мне, конечно, тоже не очень-то хотелось вести эти записи. Но появление планшета, хоть и синего, и с ободранными краями, подсказывало мне, что я на верном пути. Что совсем скоро, вместо синего появится новый планшет и черной цветовой гаммы.

К девяти стали подходить мерчендайзеры. Они косились на меня, осторожно, как мне показалось, изучая, что от меня можно ждать хорошего или плохого и в какой степени. И только один парень с дефектом речи, не обращал никакого внимания на меня. Это привлекало мое внимание к нему. Он был выше среднего роста с мягким и одновременно скрипучим голосом, словно между зубами у него во время разговора была зажата котлета. И сквозь эту преграду с трудом можно было разобрать, что он говорил. Парень был умен, сообразителен, не много-словен с товарищами по работе, и никогда ни с кем не вступал в дискуссии. Складывалось такое впечатление, что эти дискуссии он старательно избегает. Звали его Андрей Кеньдюх. Он носил длинные русые волосы немного ниже ушей, лицо было овальным правильно очерченным с прямым носом, на щеках чуть виден румянец, как у девушки. На ногах рваные старые истрепанные до последней носки кроссовки, широченные джинсы с обветшалыми внизу до волочившихся по цементному полу ниток. Его шаркающая походка была слышна в соседних отделах. А, проходя мимо меня, он вместо приветствия начинал насвистывать, какую-то мелодию известную только ему. Покупателей он всегда встречал словами:

– Я перепробовал все тут. – Любил перед ними прихвастнуть Андрей. Зашедший в отдел покупатель округлял глаза признаками уважительного доверия, что Кеньдюху и надо было. И из отдела, обычно уходил очень довольным. Выбранный товар, всегда был из продукции, от которого зависела прямая зарплата Андрея. За удачливые ходы Кеньдюха, мерчендайзеры немного недолюбливали, но, Кеньдюх плевал на их отношения и продолжал независимый образ действий, а также индивидуальный подход к посетителям отдела Элитки.

– А где этот качок? – появился в отделе Конь Саша.

– Он на воде, полки моет. – Ответил невысокого роста парень со спокойным взглядом карих глаз под черными, как смоль, бровями. Он выставлял свою продукцию, и аккуратно записывал, чего и сколько продано из его продукции в записную книжечку.

– Скажите ему, если закончит там мыть, пусть заберет паллет с коньяком, я его еще вчера снял с полки.

– Хорошо, передадим.

Конь, так же стремительно исчезал, как и появлялся.

– Этот качёк не хочет свою работу делать. Это мы за него должны выставлять на его полки? – подал голос Кеньдюх. Я посмотрел в его сторону. Мне в глаза бросился его оголенный на половину сверкающий зад, почти до анального отверстия. От такого зрелища любой заглянувший к нам покупатель нетрадиционной ориентации останется не равнодушным и, уверенно можно предположить, что предложит за деньги провести ночь с ним. Но это лишь только предположение, потому, что у Андрея была красивая и милая жена и они любили друг друга. Как-то эта девушка зашла к нам в отдел и Тимофей, с которым я уже успел сдружиться, указал мне на нее, сказал, что это жена этого «Козла», и добавил:

– Любовь зла, Альбертович, полюбишь и козла!

А вот как мы знакомились с Тимофеем.

С пластмассовым ведром и мокрой тряпкой появился в отделе белобрысый парень с подтянутой стройной фигурой и красивым правильным лицом, как у греческой скульптуры Дискобола.

– Послушай, Тимофей, там Конь снял твой паллет, просил, чтобы ты его разобрал. – Сказал чернобровый парень.

– Алекс, вот блин, я и забыл! – возмущенно ответил Тимофей. – Сейчас пойду, заберу. С ведром в руках, Тимофей исчез из отдела. Но вскоре он уже тащил свой паллет на рохле в алкогольный отдел. И работа закипела. Разборкой ящиков с алкоголем занялись все, кто из мерчендайзеров был в отделе. В этом нагромождении из ящиков с алкоголем, каждый находил свою часть и все принялись антиворить сигнальными антиворами бутылки со спиртным. Я решил разобраться с кличкой Тимофея «качок», узнавая в этом причастность белобрысого мерчендайзера к бодибилдингу. Когда-то в школьные годы я тоже занимался развитием силы. Выполнял специальные упражнения с гантелями и добился некоторых результатов, что помогло мне в эти годы становления личности достойно позиционировать себя и не выглядеть смазливый мальчиком. И, улучив момент, когда Тимофей со своей продукцией подошел к месту моей дислокации в отделе, я спросил его:

– Ты, что Тимофей, занимаешься бодибилдингом?

Он странно взглянул на меня, с настороженной искоркой в серых глазах, и ответил:

– А, что вас так это интересует?

– Понимаешь, я в свои годы, учась в институте, по утрам занимался гантельной гимнастикой. А мои одноклассники, говорили мне тогда, чтобы я мозги свои лучше тренировал, чем мускулы. Обидно было, но я на это не обращал никакого внимания.

– Да мне постоянно говорят, что я ерундой занимаюсь, лучше пойдем, выпьем, да пару сигарет выкурим. Я тоже не обращаю особо на это внимания. Много умников находится, а сами дураки дураками.

– Вот точно так и я думал тогда и думаю сейчас. – И наш диалог с Тимофеем состоялся, и, чтобы закрепить наши отношения, спросил:

– А, где ты тренируешься? В каком-то клубе?

– В клубе дорого, а мне надо за учебу платить. Я на Гидропарк еду, там бесплатные тренажеры, штанга, и стол для армрестлинга.

– Послушай, а там есть те, которым за сорок лет.

– Там один есть ему семьдесят четыре года. Ходит, тренируется и фигура, как у Геракла, что выставлена в Эрмитаже Санкт Петербурга.

– Класс!

– Деятнадцатый, мониторной! – внезапно, в рацию женский голос.

– Деятнадцатый на связи! – ответил я.

– Ты, дед, если будешь отвлекать мерчендайзеров от работы, я напишу докладную.

– Принято! – ответил я спокойно, и отошел от Тимофея. В моей душе, от этого голоса, кошки заскребли по болевым точкам нервов. Но тренаж, прошедший в школе Ашана Петровка, помог мне не огрызаться на глупые высказывания, часто звучащие с мониторной и, особенно от Оксаны. Позже я познакомился с ней в столовой у кофейного автомата. После этого возникла некоторая симпатия, и прессинг меня с ее стороны утих.

В раздевалке, куда я заходил в подмену на десять минут, чтобы присесть на стуле и отдохнуть, увидел нового сотрудника.

– Привет! – поздоровался с ним, – Тебя как зовут?

– Кадик. – Ответил он с легким кавказским акцентом.

– Альбертович. – Представился я. – Ты, грузин?

– Нэт, армянин. – Он внимательно взглянул на меня, затем добавил, – Это тебе так нагло отвечала мониторная?

– Да. Но, я уже привык к этому хамству.

– Что это она возомнила из себя. Разве так можно, это не допустимо.

– А ты где стоишь?

– На первой входной группе. – Он уже выходил из раздевалки, оставляя в мусорном бачке объедки от бутерброда.

Через несколько минут я услышал знакомый голос из мониторной.

– Первый, а, почему ты не смотришь сумки у покупателей? Только что вышла девушка с полной сумкой, что там у нее?

– А, ты кто такая, что указываешь мне, что у кого смотреть? – раздраженно ответил Кадик.

– Тридцатый, ответь мониторной! – угрожающим голосом потребовала Оксана.

– Тридцатый на связи! – раздался голос старшего смены Даниленка.

– Чтoб этого первого я больше не видела! Как принял, тридцатый?

– Принято.

Больше Кадика мы не видели. Его уволили из компании «Витязь Групп Украина» без объяснения причин.

А моя смена закончилась ровно в 23—00, а еще через десять минут я уже ехал в маршрутке к станции метро «Академгородок». Поезд метро отходил от станции «Академгородок» ровно в 23—23 и это сэкономило мне минут десять сна, а если я не успевал на 23—23, то нет. Доехав до станции «Театральная» в наш сонный салон вагона вломилась толпа из пяти пьяных приезжих рабочих строителей, очевидно, получили зарплату. Они громко смеялись и разговаривали. Двое сели на свободные места, рядом со старушкой, которую грубо оттолкнул один из них. Бабушка, не лестно выражаясь, ушла в конец вагона, где сидел и я. Трое гастарбайтеров уселись напротив двоих своих товарищей, и середина вагона превратилась в кричащий всякий бред и смех. Я только успел услышать:

– Достань сигареты, давай закурим! – говорил командным голосом, гастарбайтер. Он сидел посередине своих двоих товарищей. Те двое, что были напротив, уже закурили, когда я подошел, к этим троим.

– У нас в метро не курят. – Спокойно сказал я им.

– Ты кто такой?! – почти крича, отвечал средний, дымя сигаретой. Он еще что-то хотел сказать, когда я правой ногой, выбил изо рта сигареты у двоих, что сидели за моей спиной. Затем правой рукой ударил в висок среднего и по очереди двоих. Тот, что был справа у заговорившего со мной, не успел подняться со своего места и встретил мой удар в полусогнутом положении, так и рухнул к двери вагона. Я развернулся и вернулся на свое место. Все пятеро сразу притихли, сидели некоторое время тихо. Затем начали указывать на меня пальцем, а третий стал доставать мобильный телефон и погрозил мне кулаком. Я поднялся со своего места, снова подошел к ним, положил их кулаком по вискам, среднему сказал:

– Телефон? – он заискивающе стал подниматься и скулящим голосом заговорил.

– Извини, друг. Мы больше так не будем.

– Я сказал телефон?! – приказал я.

Парень справа стал угрожающе подниматься со своего места. Я быстро ударил его в висок, он медленно осел и упал к двери. Средний, что объяснялся со мной, отдал мобильный телефон мне. Вагон остановился в это время, и я вышел в открытую дверь на станцию «Крещатик». И дальше перешел на Облонскую ветку Метрополитена. На Оболони вытащив из телефона батарейку, затем сим-карту, выбросил и телефон и аксессуары к нему в разных местах, по дороге домой...

Глава десятая

Прошло ровно 24 месяца с моего первого рабочего дня в Ашане Окружная, 4. Планшет синего цвета разодрался по краям еще большими дырами. И мне пришлось его подклеивать самоклеющимися квадратиками, на которых мы ставили печать, писали там число, и на входных группах самоклейка с печатью и числом превращалась в стикер для упаковки сумок покупателей, что заходили в торговый зал.

Работа заканчивалась ровно в 23 часа, и я спешил на маршрутку. Но расписание маршруток вдруг изменилось и чтобы успеть на последнюю из них, мне приходилось каждый раз уходить на 10-ть минут раньше, что вызывало недовольство старшего смены Даниленка Виталия Викторовича.

Утром, я пришел на работу, как обычно к 8 часам утра. Меня встретил Даниленко:

– Вот вам ручка и бланк объяснительной записки. Напишите объяснение, почему вы ушли вчера на десять минут раньше?

– Ничего писать я не буду. Потому, что это глупо, я не успеваю на последнюю маршрутку и не смогу доехать дамой. Вам ясно. Лучше разрешите мне уходить на десять минут раньше, и вопрос отпадет сам по себе.

– Я напишу на вас докладную записку и вручу завтра, когда Мовчун привезет зарплату.

– Хорошо согласился я.

Но, старший смены был неумолим. Я писать объяснение наотрез отказался, тогда он накал на меня докладную записку на имя нашего директора Мовчуна Николая Ивановича.

10-го октября 2013 года, Мовчун Николай Иванович привез зарплату. Зарплата выдавалась на суточном контрольно-пропускном посту в кабинке охранника. Когда дошла до меня очередь, Мовчун спросил:

– Что это за докладная записка, которую на вас написал Даниленко?

– Это то, что я вынужден уходить с поста на десять минут раньше из-за того, что я не успеваю на последнюю маршрутку и могу не попасть домой.

– Скажите Даниленко, пусть отдаст вам эту докладную, а вы принесите мне ее, покажите, тогда получите зарплату.

– Можно идти?

– Идите.

Я опрометью бросился к Даниленко, который уже получил деньги.

– Ну, что сказал Мовчун? – прямо с порога кабинета спросил Виталий Викторович.

– Сказал, чтобы вы отдали мне докладную, а я покажу ему, что там написано.

– Возьмите. – Он сунул мне листок. Я взял и быстро побежал обратно к Мовчуну.

Николай Иванович внимательно прочитал содержание, затем спросил:

– Ну, и, что вы думаете по этому поводу?

– Чтобы этого больше не повторилось, переведите меня в Ашан Либедская. Там метро, прямая ветка на Оболонь и я никогда не буду опаздывать, и уходить с работы вовремя.

В это время в дежурку зашел наш новый начальник охраны. Мовчун сразу же дал ему указание:

– Василий Петрович свяжитесь с Мозговым Виталием Александровичем, спросите, есть ли у него места для перевода Колесникова.

– Да, хорошо. – Сказав это, Василий Петрович вышел и стал набирать на мобильном телефоне Мозгового.

– Колесников, – позвал меня подойти поближе Мовчун, я подошел. Он отсчитал мне положенную сумму зарплаты и выдал. – Да, и вот еще заберите эту докладную. По поводу перевода решайте с Василием Петровичем, он как раз разговаривает с Мозговым.

– Спасибо Николай Иванович.

– Незачто.

Я, окрыленный новым переводом, вышел из сторожки и увидел, что навстречу идет Василий Петрович.

– Ну, я договорился, завтра можете ехать на Либедскую к Мозговому Виталию Александровичу.

Услышав такую новость, я стал собирать вещи в своей раздевалке на 10-ти минутной подмене. Неожиданно в раздевалку вошел Даниленко.

- Ну, что сказал Мовчун? Вы показывали ему докладную?
- Спасибо докладной, меня перевели на Либедскую в Ашан.
- А где докладная?
- Мовчун сказал, чтобы я ее забрал. И я ее забрал с собой, как раз заходил в туалет там порвал и выбросил в мусорную корзину...

Глава одиннадцатая

11 октября 2013 года явился в Ашан на Либедской. Мозговой сидел с тремя старшими смены в дежурной комнате и при виде меня сказал:

- А вот и охранник в алкогольный отдел.
- Здравствуйте, Виталий Александрович.
- Здравствуйте, у нас работа начинается с девяти до одиннадцати. Так что вы работу знаете, приступайте, вот журнал распишитесь, что получили рацию и, что заступаете на элитку. Я расписался в графах, где положено, и стал на пост номер четырнадцать.

Мозговой еще выдал мне синий и хорошего качества планшет для записей взятого покупателем элитного алкоголя и банок икры из рыбного отдела, что находился напротив моего поста элитных алкогольных напитков.

Я, обратил внимание, что и в этом Ашане у меня планшет синий, значит, что девушки здесь тоже нет. Икра стояла в холодильниках, и свет резал глаза, да так, что следить за икрой можно было лишь из рыбного отдела, где и стояли эти самые холодильники с икрой. Кроме того, служба безопасности требовала отслеживать покупку икры в баночках с этих холодильников, которые стояли напротив элитного отдела алкогольной продукции, где находился мой пост. В холодильниках горел яркий свет дневных ламп, что резал глаза и мешал качественному наблюдению за манипуляциями покупателей. У меня складывалось такое впечатление, что кто-то умышленно водрузил туда ярчайшие лампы без защитных щитков, чтобы облегчить вору воровать икру, убивая бдительность охраны этой не нужной яркостью ламп дневного света.

Элитные напитки были такие же, как и на Петровке и Окружной. Вот некоторые дорогие коньяки, такие как «HENNESSY XO», «BARON OTARD XO GOLD», «FRAPIN», «MARTELL XO», «REMY MARTIN XO», «COURVOISIER XO», «BRANDY TORRES JAIME». Моя работа начиналась с 9—00. И, не успев, я стать на пост, как пришли два покупателя на элитку. Они были среднего роста, коренастые, кавказской национальности. На них были надеты куртки и вязаные шапки, натянутые чуть ли не на глаза. Не рассматривая напитков, эти покупатели подошли к дорогим коньякам и стали брать в корзинку бутылки без полагающихся к ним коробок, что и вынудило меня подойти.

- Берите коробки. У нас Хеннесси, Торрес и Чивас Ригал идут с коробками.

– Нет, мы без коробок. – Сказал один из них. Второй молча, взял пустые коробки к этим напиткам и положил в корзинку. Эти два парня быстро удалились в направлении аллеи, где была расположена канцелярия, клеи и хозяйственные принадлежности для строительных работ. Они так быстро ушли, что я даже не успел сообщить их приметы и маршрут передвижения. Мониторная не отреагировала, и я со спокойной душой пропустил информацию об этих двух посетителях элитного отдела. Два парня ушли, как мне показалось в довольном расположении духа, я даже подумал, что у таких парней наверняка водятся приличные деньги на эти дорогие напитки. Вскоре забыл о них. На следующий день моей работы второго дня узнаю неприятнейшую новость:

- У нас чп! – сообщил представитель службы безопасности Ашана на Либедской.

Это был Чернов Константин Викторович, он сказал мне это при входе на проходной. И добавил: – У вас бейджик есть? Предъявите?! – я не понял, почему у меня спрашивают бейдж, как уволенного со службы? Но, ни слова не говоря, предъявил бейдж.

– Проходите! – ответил Чернов полный официозного взгляда в своих черных, как смоль, глазах.

В дежурной комнате, где уже был Мозговой, мне было им сказано:

– Вчера произошла крупная кража элитных напитков. Вы, сообщали на мониторинговую, о том, что взяты дорогие напитки коньяков? – вопрос был задан конкретный и требовал незамедлительного ответа. Что сказать на это? Мысли буравили мой мозг, как сверла сверхтвердую поверхность металла. И я ответил:

– Нет, не сообщал. – Мозговой внимательно посмотрел на меня, своими карими, добрыми глазами и вышел из кабинета охраны. В комнате остался старший смены Григорий Казьмин.

– На, вот бланк, пиши объяснение! – сказал он, достав из прозрачного полиэтиленового файла бланк.

– Нет! Я ничего писать не буду! – категорически ответил я.

– Ну, ладно, уже времени совсем нет, иди на косметику, там пост до десяти вечера. Потом сообщишь, что работа окончена и сдаешь рацию и идешь домой.

Я настороженно воспринял эту информацию. Я все это время в Ашане Петровка и в Ашане Окружная работал в алкогольном отделе Элитки, и для меня это предложение было неожиданностью.

Я ушел на косметику. При подходе к этому отделу, в нос ударил запах неприятного смрада косметики, словно из военных запасников отравляющих веществ, была произведена переработка в ароматические вещества духов и выставлена для продаж. К 10-ти часам появилась в элитном отделе косметики очень красивая продавщица. Я смотрел на нее и предполагал, что не может быть, чтобы с такой внешностью девушка не подрабатывала где-то на сайтах, которые хорошо платят за показы прекрасно сложенного тела, так гармонично вписывающегося в потребности соответствующих сайтов интернета, которые платят за эти показы хорошие деньги. И не ошибся. Как-то к отделу косметики пришел сотрудник службы безопасности.

– Это тебе, Катя Кlover. – Он дал девушке искусственный цветок, точь в точь, такой как изображен у нее в татуировке на правой ноге возле самой щиколотке. Я услышал, как зовут девушку и решил проверить, а правда, что Катю Кlover так зовут.

– Как вас зовут? – спросил я ее.

– Таня. – Ответила она.

– А, почему, Олег, начальник службы Эс Бэ Ашана, назвал вас Катя?

– Да это он ошибся. – Девушка покраснела, зарделась, и продолжила оправдываться, – Это перепутал он с двойником. В «Плейбое» постоянно снимается Катя Кlover, очень похожая внешне на меня. И это меня очень достало. Я не могу спокойно выйти на улицу, так пристают ко мне продвинутые парни у которых есть интернет.

– Но это, наверное, помогло вам найти хорошую работу в фирме торгующей косметикой в Ашане на Либедской, не так ли?

– Да, это верно. Я даже не ожидала, почему меня студентку так быстро оформили на работу сюда в Ашан.

– Желаю Вам приятной смены, Таня. – Сказав эти слова, я отошел подальше, опасаясь за штраф, который может приписать мне служба безопасности за то, что я разговариваю с продавцами. И уже к концу смены Тани я подошел к ней и спросил:

– А, где можно посмотреть на эту Кlover?

– Да зайдите на сайт двадцать четыре в Рунете, там вы ее увидите.

Я подумал, что никогда не заходил на эти сомнительные сайты. Мне было бы стыдно смотреть на это, поэтому я решил не интересоваться больше этой девушкой. А она, чем дольше я работал, тем больше обращала на меня внимание. Приветливо улыбалась и постоянно пыта-

лась разговаривать со мной. Мне Таня была неинтересна, я искал Принцессу. Но и тут ее нигде не было...

Глава двенадцатая

После случая кражи, отношения с начальством в лице Мозгового Виталия Александровича осложнились. Мне стали давать больше выходных дней, что не давало возможности достойного заработка. А когда я спросил, почему так мало рабочих дней, Мозговой отвечал, что штат переполнен. На алкогольном посту Элитки работал Олег Проскуров, бывший эмигрант, вернувшийся из Нью-Йорка. Он прекрасно говорил на английском языке и свободно общался с иностранными покупателями. Вообще меня ставили только на выходные Олега. И вот однажды, когда я работал в алкогольном отделе элитки, и старательно записывал количество взятых покупателями банок икры из рыбного отдела, что был напротив, глаза беспощадно резал свет из икорного холодильника, мешая вести наблюдение за товаром и за покупателями. Я не долгодумая, выключил свет в холодильнике. Через некоторое время увидел, что свет снова включен. Я выключил его еще раз. И перешел из Элитки в рыбный отдел для ведения записей, так как на холодильнике удобно писать в планшете, облачаясь, как на стол. Вдруг вижу, строевым шагом идут трое, посередине сотрудник службы безопасности Ашана, справа старший смены Григорий Казьмин, а слева второй старший смены Алексей Ковтун. Приблизившись ко мне, Василий Диденко, эсбэшник, задал вопрос:

– Кто вам разрешил выключать свет в холодильнике?

– Режет глаза, мешает вести наблюдение. И по технике безопасности, где я расписывался, что прослушал курс, все, что мешает вести наблюдение...

– По какой еще технике безопасности? – перебил меня Диденко, – Напишите объяснение на имя службы безопасности. Вы поняли?! И больше так не делайте.

Старшие смены, молча, удалились вместе с эсбэшником, не проронив ни слова.

Мои дивиденды упали до минимума, и работа стала осложняться. Меня ставили на малоответственные посты, такие как, примерочная, косметика, кулинария и так далее. Там я проработал до сентября месяца 2014 года. Однажды первого сентября я прибыл на работу. Мозговой не глядя в мою сторону, сказал:

– Мовчун сказал, чтобы вы ехали в офис.

– Да, уже еду. – Я знал, что значит ехать в офис, ничем другим, как увольнением это не назовешь. Я решил позвонить жене, сообщить, что еду домой с одеждой, которую хранил в шкафчике раздевалки. Лиличка встретила меня с пониманием:

– Что, выперли-таки с работы? – сказала она, не успев мои ноги переступить порог квартиры. Я объяснил ей ситуацию и принялся переодеваться для поездки в офис. Туда я прибыл к десяти часам. В районе Индустриального Моста находился офис. Мовчун вышел мне навстречу, протянул руку для приветствия и мы обменялись рукопожатием.

– Я уезжаю, ждите! – коротко бросил он мне. Я зашел в комнату для гостей и устроился на стуле. Мовчуна долго не было. К двум часам дня в комнате для гостей появился президент охранной компании Онищенко Александр Васильевич.

– О, Валентин Альбертович, вы, как здесь оказались? Зайдите ко мне.

Я вскочил со своего стула и последовал за Онищенко. В кабинетной уютной тишине, где не резал глаза свет дневных ламп из холодильников рыбного отдела, где не звучали унижительные команды мониторинга, каждый раз доказывая нам охранникам, кто здесь хозяин, добрые глаза Александра Васильевича светились искорками радостного приятельского расположения ко мне.

– И зачем же вы выключили свет в Ашане? – усевшись в свое удобное кресло, за письменный стол из красного дерева с приветливой улыбкой спросил президент.

– Во всем Ашане я не выключал, а только в холодильнике, тот свет, что мешал вести наблюдение за преступным элементом.

– Вы хоть знаете, почему Мовчун пригласил вас?

– Нет. – Коротко ответил я.

– Вот ведомость, я выплачу вам зарплату. – Он отсчитал мне заработок за месяц и вручил после моей росписи в ведомости. Получив деньги, я спросил:

– Мне стало известно, что Витязь Групп внедряется в Ашан Петровка, что после нового года будет там, вы меня примете туда на работу?

– Когда мы будем там, мы вас возьмем, это я вам обещаю. – Дал свое согласие Александр Васильевич.

– Спасибо Вам.

– Надеюсь, там вы не будете выключать свет в Ашане Петровка? – улыбаясь, спросил он.

– Уж не сомневайтесь, не буду. – Ответил я с улыбкой на устах.

– Да, и дождитесь Мовчуна.

– Хорошо.

Я снова уселся на стул в комнате для гостей, стал ждать Николая Ивановича.

Мовчун появился ровно в четыре часа дня. Увидев меня, сказал:

– Зайдете через десять минут.

– Хорошо. – Ответил я, достав свой мобильный телефон, стал сверять время.

Через десять минут вошел в кабинет Мовчуна. Он внимательно смотрел в ноутбук, не обращая никакого внимания на меня. Я, молча, сидел, ожидая внимания с его стороны. На нем была темно-синяя вышиванка с короткими рукавами в красных узорах вышивки. Его волосатые руки нервно суетились, отыскивая нужные буквы на клавиатуре компьютера, взгляд сосредоточен и сконцентрирован на экран. Руки вдруг неожиданно замерли, и взгляд переместился в мою сторону. Тяжелый, неприветливый взгляд, ожидал моей ответной реакции на слова:

– Вы хоть знаете, почему вы здесь?

– Нет. – Коротко ответил я.

– Зачем вы выключили свет в Ашане?

– Ну, положим не в Ашане, а одну лампу в холодильнике, где икра, так как он мешал наблюдению за преступным элементом.

– Вы получили уже расчет?

– Да, выдал Александр Васильевич.

– Идите в отдел кадров, там заберете документы.

– Хорошо. Еще Онищенко обещал меня взять обратно, когда Витязь Групп войдет в Ашан Петровка.

– Вы там недалеко живете?

– Совсем рядом, пешком можно ходить.

– Ну, хорошо. Когда это еще будет. – Мечтательно сказал Мовчун.

Я вышел в отдел кадров, выполнять формальности. Домой приехал к шести часам вечера...

– Ну, что выперли окончательно с работы? – с горьким сожалением в голосе спросила меня Лиля, не успев я переступить порог.

– Да, и, похоже, пока не внедрят Витязь Групп в Ашан Петровка. Онищенко обещал, что меня возьмут туда. – Сделал я робкую попытку парировать натиск жены.

– И, когда это будет? – не отступала она.

– Сразу после нового года.

– Слава богу, что у тебя есть твоя любимая дочь. – Сказала жена, и добавила, – Иди на кухню съешь чего ни будь. – Уже мирным голосом она пригласила меня пройти к столу.

Воистину, путь женщины к мужчине лежит через желудок. У меня мгновенно отлегло от сердца, и я со спокойной душой принялся снимать одежду, мыть руки и, уже мы сидели с женой за кухонным столом и ели еще не успевший остыть борщ...

Глава тринадцатая

В конце 2014 года 29 декабря, дочь дала часть зарплаты на приобретения продуктов. Скупившись на базаре и в супермаркете Сельпо я заметил, что продавцы новогодних елок сворачивают свои продажи и распродают елки. Я заметил очень красивую и пропорциональную сосенку, схватил ее:

– Сколько стоит? – задал вопрос подошедшему торговцу.

– А, сколько дадите? – вопросом на вопрос ответил продавец.

Я, недолго думая, ответил:

– Десять! Десять гривен, дам.

– Забирайте! – неожиданно согласился торговец.

Я поспешно сунул ему десятку, взял сосенку и поспешил удалиться домой, боясь, что торговец окликнет и скажет, что маловато заплатил. Но никто за мной не погнался, не окликнул, не стал преследовать. С полными кулками продуктов и с сосенкой я вломился в нашу дверь, насилу выбравшись из лифта. Такой «елочки» у нас еще не было. Лиличка сразу оценила стройность деревца, высказала сожаление, что такую красоту пришлось срубить. Но, мне ничего не оставалось делать, как установить на треногу деревце и водрузить ее на письменный стол. Затем мы с женой украсили ее гирляндой и игрушками, подставив под «елку» дедушку Мороза.

Дочь пришла в восторг от такого зрелища деревца. Комната наполнилась ароматами лесной фауны. Свежесть запахов ельника приятно вдыхать и чувствовать ожидание каких-то таинственных чудес, что должны произойти в новом 2015 году.

Год 2015 был удачным. В июне 2015 года дочь вышла замуж. Я написал три книги из серии «ПОРТАЛ». Но «Витязь Групп» так и не занял гипермаркет Ашан Петровка. И я остался без работы. За весь прошедший год 2015, просидел в интернете, пытаясь добиться заработка, и постоянно наткнулся на мошеннические сайты, обещающие несбыточные заработки. Разочаровавшись в бредоносных идеях заработка в интернете, потеряв надежду на все и на вся, принялся за творчество. Пытаясь протолкнуть хоть что-то из написанных мною книг. И вот сайт Amazon.com, предлагает выставлять мои произведения. Я, недолго думая стал публиковать их все там, правда, на английском языке. Кое-что сразу стали покупать. Но очень мало. Для вывода средств с Amazon.com надо набрать \$100, а у меня за год набежало всего \$30. И здесь меня постигла неудача по заработку. Стало возникать раздражение по всем объявлениям, что пестрят на стенах рекламных сайтов обещающие баснословные заработки. Эти неудачи заставили меня окунуться с головой в мои творческие начинания, и я принялся писать. Так появилась серия из трех книг «ПОРТАЛ». За работой над книгами я не заметил, как промелькнул 2015 год, и я очутился в феврале 2016 года. 2 февраля, дочь принесла нам деньги, которые она исправно давала нам для поддержания нашего бюджета.

– Давай поедem в Ашан. – Предложила Лиля.

И мы собрались и уже к 12-ти часам были в гипермаркете на Петровке. Я мгновенно увидел охрану «Витязь Групп». После оплаты покупок, зашел в офис Витязь Групп в Ашане и наткнулся на Мозгового Виталия Александровича.

– О! Привет! – обрадовавшись, что застал его, подал и пожал ему руку.

– Ты на работу? – спросил он без обиняков.

– Да! – ответил я в унисон вопросу. – Только я не оформлен.

– Завтра можешь выйти? – спросил Мозговой, уставившись на меня своим вопросительным взглядом.

– Уже скоро четыре часа, как я смогу успеть оформиться? В офисе уже никого не будет?
– Я перезвоню, тебя будут ждать там. Езжай, оформляйся и к шести тридцати сюда.

– Я поехал в офис. – Мгновенно среагировав на ситуацию, я рванул к жене, дожидавшейся возле двери конторы.

– Лиля меня приняли, завтра на работу. Сейчас едем домой, я возьму кое, какие документы и в офис на оформление...

На следующий день я уже был в Ашане Петровка. Меня поставили на мой пост «Элитка», алкогольных напитков. И я попал, как к себе домой на знакомую мне до боли продукцию дорогих коньяков и виски. Отдел отличался приятным освещением, не резавшим глаза и прекрасной вентиляцией, что позволяло шестнадцать с половиной часов работать в спокойной обстановке. Но вот ноги еще не привыкли к столь утомительному стоянию и к концу смены подошвы ступней стали ощущать раскаленную поверхность цементного пола, что обжигал кожу подошв. Я знал, что это временное явление, и что это пройдет, но, как это было мучительно и неприятно...

На следующий день, ко мне подошел незнакомый мужчина в штатском, протянул руку и сказал:

– Киркин Сергей Александрович, начальник охраны «Витязь Групп Украина» здесь в Ашане Петровка.

– Альбертович! – сказал я, – Меня все так называют.

– Очень приятно! – меня поразила спокойная вежливость этого человека, а его внимательные глаза светились доброжелательной улыбкой. – Ну, как осваиваетесь?

– Ну, в принципе работа мне знакома, только надо освоиться еще с месторасположением продукции на полках и все.

– А, как общее самочувствие?

– Да, нормально, привыкну, все будет хорошо. Правда шатает, как на корабле, после работы, как на палубе эсминца.

– Вы служили на флоте? – он не дал мне сказать, что я служил в авиации, и сам продолжил, – Я служил три года на корабле, знаю, что такое качка после того, как сойдешь на сушу. Идешь, а тебя продолжает качать.

– Да, – согласился я. После этого разговора мы расположились друг другу и он часто стал заходить в отдел, интересоваться моим освоением предмета, а также стал приводить стажеров на проверку их пригодности работы в охране.

Постепенно ноги привыкли, и я уже на второй неделе уверенно себя чувствовал на ногах. Мой день рождения 13 февраля я работал. На построении Сергей Александрович объявил, что у Колесникова сегодня день рождения и попросил, чтобы я вышел из строя, показав охранникам, что я и сделал. И так день рождения я был на работе. Через выходные дни, а их у меня было два, 28 февраля я вышел на работу и сразу с утра, Киркин привел мне полного с небольшой бородой стажера.

– Постажируйте Сергея Петровича, он внимательно будет слушать Вас. Расскажите ему, как надо вести записи и учет Элитки, ну и какие тревожные сигналы тут у нас и как на них реагировать?

– Конечно, Сергей Александрович, в течение получаса я все покажу и расскажу. Потом куда его направить?

– Пусть идет сюда к нам в комнату.

Сказав эти слова, Киркин удалился, а я, достав из полки, где стояли напитки плотную бумагу из ящиков, на которой было удобно отмечать бланки, что дал мне старший смены, и принялся рассказывать хитрости нашей работы. После стажировки, Сергей Петрович, сказал мне:

– Вы, что на этих картонных огрызках пишите? У меня есть дома кожаный фирменный планшет, на котором удобно писать, принесу завтра. И еще спасибо вам, Альбертович, вы хорошо рассказываете, так доходчиво и понятно.

– Спасибо! – сказал я, ему пожимая его руку. Он ушел в кабинет начальника охраны.

На следующий день Сергей Петрович, зашел по пути на пост «Примерочная» и протянул мне черный кожаный планшет.

– Возьмите, так будет комфортнее нам работать.

– Спасибо, вам Сергей. Я думаю, что мы сработаемся.

– Не сомневаюсь. – Ответил он и ушел на свой пост №18.

Я не придал значения этому офисному аксессуару, потому, что забыл за время моей безработицы его значения, особенно то, что этот планшет черного цвета и, хоть и обтянут искусственной кожей, но смотрелся прекрасно, добавляя престижа элитному отделу алкоголя. День был, как обычно, тянулся медленно и нудно. Мерчей не было видно, так как у них в конце месяца, особенно в конце квартала, что приходится на конец февраля, у фирм поставщиков алкогольной продукции производственные совещания подведения итогов квартала, где мерчендайзеры должны быть. Это был день без мерчей. В 22—00 трое подвыпивших парней, вошли в отдел, причем один сидел в тележке и, как Чапаев, в известном всем фильме «Чапаев», рукой указывал на полки с водкой и громко комментировал, что и какая водка из себя представляет. Я вышел им навстречу.

– Так, быстро вылезь из телеги! – приказал я, держа тележку, не давая ее толкать дюжему парню, который тут же начал мне втолковывать, что я не имею права вынимать их товарища из тележки.

– Здесь нормальные люди возят продукты питания. Если вы этого не понимаете, то мы отберем тележку и каждому из вас выдадим корзинки. Вам ясно?! – ответил им.

– Вы не имеете права так с нами разговаривать.

В это время тот, что был в тележке молча, вылез из нее и стал уговаривать своего товарища не вступать со мной в переговоры.

– Ты, что школьный учитель, что привел своих подопечных на экскурсию в Ашан?

– Я буду жаловаться на вас. Вы ведете себя не правильно и не умеете разговаривать с нормальными людьми.

– Иди на пункт обслуживания клиентов, там у нас администрация и юристы, задавай вопросы там. А здесь я решаю с кем и по какому поводу мне разговаривать и как. Тебе понятно?! – сказав это, я повернулся спиной к хамившему мне посетителю и услышал в след:

– Попался бы ты мне на улице, я бы тебе сказал.

Я развернулся и подошел к этому подвыпившему парню. И вдруг узнал его и этих троих парней, что два года тому назад избил в метро.

– Ну, вот что, я заканчиваю смену в 23—00. По дороге в метро есть длинный переход, там недавно охранника убили, что в ночь охранял бутики. Так вот после моей смены подождите меня там, и, обещаю, продолжим разговор там. Можете привести с собой еще двоих. И возьмите водки, чтобы синяки дезинфицировать.

– Мы тебя и втроем подождем. – Ответил парень и побежал догонять своих товарищей. Я забыл об этом инциденте, когда закончилась смена, и я устало уже плелся домой, когда в переходе увидел троих парней. У них были металлические прутья из строительной армированной стали, явно они дожидались меня. Я подошел поближе. Увидев меня, они стали медленно подходить. Я поставил под закрытый бутик свой кулек с пустыми судками, медленно расстегнул куртку. Затем схватившись за полы расстегнутой куртки, раздвинул их широко, и ринулся на парней с криком:

– Что, суки, хотите узнать настоящий треск сломанных костей?! Я вам сейчас устрою! – я, конечно, не ожидал ответной реакции, что последовала за моими словами, парни бросили

свои прутья и пустились наутек. Даже немного обидно стало, что не успел хоть одному из них по-отцовски дать хорошо по заднице, тем же прутом из арматурной стали, что принесли они с собой...

Глава четырнадцатая

1 марта 2016 года, наступило. Я стоял с кожаным черным планшетом в руках, было очень комфортно писать перечень элитных дорогих напитков виски и коньяков, и работа шла своим чередом, как вдруг я увидел Тимофея. Он, завидев меня, поспешил подойти поближе:

– О! Альбертович, здравствуйте! Как давно мы не виделись? – протягивая мне руку для дружественного пожатия.

– Ты, как здесь оказался? – не выдержав интриги, спросил я. – На постоянной основе или как?

– С Окружной перевели сюда в центральный Ашан.

– Ну, ты и поднакачался. Поздоровел, скоро меня догонишь? – смеясь, сказал я.

Тимофей с хитрецей улыбнулся, осматривая мое телосложение, и заметил:

– Ну, таким я был где-то в десятом классе. Может в девятом.

Мы дружно засмеялись.

Вскоре к нам присоединился и Алексей. Он поздоровался со мной не так дружески немного сдержанней, он не качался, но держался более деловито, не расставаясь с записной книжечкой и ручкой, все так же, как и в Ашане Окружная, аккуратно фиксировал продажи своих поставщиков. И Виталий, и Юра Длинный, и Юра Вялый, все парни были здесь, и все, как один сходились с мыслью, что и менеджер, девушка, недолюбливала там их, и эксперты, особенно Саша Конь.

– Я бы ему с удовольствием выписал бы «кроля». – Так Тимофей называл удар ребром своей железной руки в шейные позвонки врага, от которого, ну от «кроля», противник терял сознание, одним словом вырубался.

Конь доставал Тимофея разными придирами, однажды дело дошло до изъятия у Тимофея бейджика и временного отстранения его от работ в отделе, на неделю. Так, что у каждого из мерчендайзеров собранных здесь в Центральном Ашане были приписанные Ашаном Окружная 4 свои счета. С другой стороны не было бы собрано такого дружного коллектива мерчей, какой подобрался здесь благодаря естественному отбору по принципу выживания в дикой природе Ашановских джунглей. И эта дружба взаимовыручки помогала бороться с недоброжелателями, стремившимися разрушить хрупкие ростки спайки, сумевшие склотить дружбу. Так менеджер алкогольного отдела Поляков Сергей, что-то часто наскакивал на нашего Тимофея, который всегда был душой коллектива и, с ним время летело и, работа кипела. А без Тимофея ничего ни у кого не клеилось. Этого никак не мог понять менеджер. Он цеплялся к Тимофею, требовал неукоснительного выполнения порой абсурдных распоряжений, относительно Пирожкова. И часто можно было видеть, как Пирожков Тимофей машет тряпкой, макая ее в пластмассовое ведро с водой для мытья полок, то полки на воде, то на вине, то на водке, то тут в элитном отделе алкоголя.

Итак, я стоял возле паллета Тэ-Жэ, так называют французы выставленную продукцию в начале пролета с полками, с черным планшетом в руке, совершенно забыв знаковое знамение цветовой черной гаммы на коже планшета. Отсюда с этого места хорошо просматривались полки с дорогими экземплярами элитных напитков и покупатели, что брали тот или иной товар с полок.

Тимофей за моей спиной затаривал Тэ-Жэ, когда неожиданно к нему подошла стайка девушек, черненькая с тремя красными тюльпанами в руке.

– Тимоша, ты не видел Анжелы? – спросила девушка с тюльпанами, назвав знакомое мне имя. Я стал вспоминать, откуда мне известно это имя.

– Она сегодня выходная, мне Юля сказала. И еще добавила, что к девяти придет сюда.
– Хорошо мы подождем ее в Ашане, уже почти девять. – Сказала девушка с тюльпанами.
– Оля, а что ей передать?
– Мы пойдем вазу выберем для цветов и купим, и подарим вместе с вазой. – И девушки убежали.

– Вот та, беленькая, это Юля, мы с ней уже год, как живем вместе. Она подруга Анжелики Королевы Ангелов.

– Это ты говоришь про именинницу Анжелу? – я не успел договорить. Меня вдруг резануло током. Прошел заряд высоковольтного удара по всему телу, когда я увидел ее.

Это была точная копия моей матери, так же стремительно и быстро двигалась своей энергичной походкой к нам. У меня перехватило дыхание. Усилием воли я справился с волнением и уже спокойнее стал рассматривать такое родное и знакомое с детства лицо матери воплощенное в этой красивой девушке. Ее ангельские глаза светились небесным сиянием, полные любви к окружающим ее людям. Красивый росчерк бровей чувственными дугами огибал глаза, ресницы, большие и мягкие, как пух, обмахивали эти удивительной белизны, лили глаз, сияющие счастьем и весельем. Она, как ангел в плоти спустилась с небес сюда к нам, озаряя сиянием весь этот Ашан Петровка.

– Где мои девушки? – спросила она. Нежными серебристыми чистыми нотками тембра. Как колокольчик, звучит переливами, звучал ее голос, отдаваясь во мне множеством оттенков мелодий, казалось, что все вокруг вдруг стало вибрировать от ее певучего голоса и полки, и стены, и потолок.

– Оля сказала, что они пойдут выбирать вазу для цветов. – Пробасил Тимофей. Это меня немного привело в чувство, и я отважился приблизиться и спросить:

– У вас сегодня День Ангела?

– Да. – Ответила она, и ее прекрасные глаза обожгли меня сиянием улыбки внемного счастья.

– Позвольте, угадаю. Вам двадцать шесть сегодня исполняется?

– Двадцать семь. – Снова нежная улыбка пронизала меня, как стрелой, ранив в самое сердце. У меня перехватило дыхание. Я опустил глаза. На выручку поспешил Тимофей

– Иди в посудный отдел вся компания там, я к вам часика в четыре присоединюсь.

– Да, мы будем тебя ждать. – Сказала Анжела, уже не обращая никакого внимания на меня. Ее быстрые шаги отдалялись в сторону посудного отдела, что находился в другом конце огромного гипермаркета...

– Пирожков, скажи, а как ты познакомился с Юлей?

– Списался в контактах. Потом встретились на Почтовой площади. Так и завязалась дружба. Но, блин, достает, же ревностью.

– Скажи, а как найти в контактах Анжелу?

– Ищите Анжела Владимировна. Ну, день рождения вы знаете...

Я просидел дома после работы до часу ночи. Анжелу не смог найти. Утром, спросил у Тимофея:

– Просидел допоздна и не нашел. Может что-то не так?

– Надо искать Анжелина Владимировна.

– Что ты мне не подсказал правильно?

– Это мне Юля подсказала, как искать.

И вот набрав правильно, нашел Анжелину Владимировну. В контактах ее аватарка, где фоном служит пруд, или речка, точно определить не возможно, и на возвышении виднеется церковь с зелеными куполами и золотыми крестами на куполах. На фотографии Анжела в зеленом платье стоит на мостике и улыбается своей очаровательной улыбкой. Я стал смотреть на нее, долго, любуясь этой улыбкой, чувствуя близость ее энергий и ощущая присутствие

ее самой, как бы рядом со мной. Затем отправил ей предложение дружбы. Взгляд скользнул на компьютерные часы. Уже был час ночи. Снова не высплюсь. Я выключил компьютер и лег спать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.